

Не зарекайся

Владимир Андреевич Ажиппо

Не верь!

Не бойся!

Не проси!

(Арестантские заповеди)

Вступление

Тюрьма – самый угрюмый институт государственной власти. А после отмены смертной казни (которая тоже осуществлялась в тюрьме), – самый страшный. Здесь и далее слово «тюрьма» употребляется как обобщающее: место, где нет свободы. Официальные термины громоздки и неточны, они придуманы деятелями от бюрократического творчества, которые, не зная и не понимая тюрьмы, не имея способностей и навыков как-либо влиять на ее внутреннюю жизнь, манипулируют названиями. В принципе, любое место, где есть решетки или колючая проволока, запоры на дверях, и где вас удерживают принудительно – это тюрьма.

Немалая часть населения (20%–25%) так или иначе соприкасалась с тюрьмой: сидели сами, сидели родственники, друзья... А сколько еще соприкоснется... Кстати, общеупотребительное слово «сидеть» – очень точное. Можно говорить: отбывать наказание, содержаться в ИВС, или, допустим: тянуть срок, пахать на хозяина... Суть та же, а слов больше. Лучше уж говорить: сидеть. Тем более что этот термин не новояз, ему много веков.

Цель этой книги – дать уроки выживания взрослым мужчинам, которые не думают наивно прожить жизнь беззаботной пташкой и понимают, что впереди у них будет немало ям, капканов и засад. (Решение проблем женщин и подростков в тюрьме – тема отдельного серьезного разговора).

В этой книге вы не найдете советов о том, как строить свою линию защиты, какие показания и в какой очередности нужно давать следователю и суду... Я имею представление и об этих проблемах, но, чтобы давать толковые советы, мало иметь представление, нужно быть профессионалом. В области «разваливания» уголовных дел есть свои специалисты.

Цель книги – научить читателя как выжить, попав в тюрьму, сберечь здоровье, не поддаться рассудком и, что самое трудное, суметь сохранить достоинство. К сожалению, наша общественная жизнь лишь на десять процентов регулируется законом, а на девяносто – беззаконием. В тюрьме это проявляется наиболее выпукло, рельефно, по-мультяшному ярко. Задача книги – научить противостоять этому беззаконию.

Эта книга рассчитана на тех, кто никогда не пробовал на вкус тюремную баланду, но отдает себе отчет в том, что может оказаться в тюрьме через месяц, через год... Рассчитана на родственников и близких тех бедолаг,

которые уже сидят за проволокой, или могут там оказаться в ближайшее время...

Думается, интересно будет прочитать ее тем, кто уже окончил тюремные университеты и имеет свое мнение о местах лишения свободы – можно сравнить свои впечатления и мысли... Было бы нелишним прочитать ее и тем, кто никоим образом не связывает себя с тюрьмой, ну нет у них для этого оснований! Дай-то Бог! Потому что от сумы да от тюрьмы не зарекайся! (У Владимира Ивановича Даля формулировка еще более жесткая: «От сумы да от тюрьмы не отрекайся, как раз попадешь»). Проходят века, меняются общественные уклады, политическое устройство, культура, менталитет, а грозный смысл этой поговорки бледнее не становится. Тюрьма повидала настолько разных людей, что надо реально понимать – там, за решеткой, может оказаться каждый. Без преувеличения!

Разумеется, одни типы (или группы) людей в тюрьме оказываются с большей вероятностью, другие – с меньшей. Впрочем, между ними не существует выраженных границ.

Один из таких типов, кстати, не самый многочисленный, как принято считать у обывателей – это люди, у которых слово «тюрьма» отчетливо читалось на лбу, когда им было еще лет восемь. Таких людей около 10%. Их под стакан зачали, под стакан родили, безмозглые и пьяные родители вбили в башку несколько великих истин типа «не об...шь – не проживешь» и пустили гулять в мир. В пять лет такой попробовал сигарету, в семь – жужку, а в двенадцать подсел на иглу. Годков с шестнадцати он начинает бродить по тюремным коридорам и не выходит из них, как правило, никогда. Ну, разве что на два-три месяца – плотнуть вольного воздуха.

Самый же распространенный тип зэков...

Слово «зэк» прочно вошло в лексикон советских и постсоветских людей. Наверное, оно удобно своей лаконичностью. Как клеймо на лбу. Или как плеткой по спине. Люди, далекие от тюрьмы, считают его оскорбительным, на самом деле это не так. Это просто удобный термин. Зэки сами себя так называют, так их называет и тюремная администрация.

Происхождение этого слова не совсем ясно. В гулаговские времена в тюремных и конвойных документах вроде ведомостей, отчетов, списков применялось обозначение – з/к (звучит «зэка», с ударением на второй слог). Помните, у Высоцкого: «...зэка Васильев и Петров зэка...» Предположительно, з/к означает «заключенный». Это вызывает сомнения, но в то веселое время дурацких сокращений и аббревиатур хватало. (Слово «собес» чем лучше?) Сами зэки еще лет двадцать назад в шутку расшифровывали з/к как забайкальский комсомолец. От «зэка» получилось более короткое «зэк», а потом производные – «зэчара», «зэковское» и др.

... – это молодые люди, попавшие в тюрьму, как говорится, по глупости. Таких около 30%. Думается, почти каждый современный пацан может оказаться в их числе. Садятся эти ребята за что попало: грабежи, хулиганство, изнасилования, угоны, убийства, кражи. При определенных раскладах такой мог бы никогда не сесть, не окажись он в том месте, где оказался, не выпей лишней рюмки, не брякни лишнего слова, возьми себя в руки в нужный момент... Но случилось то, что случилось.

В отличие от них следующий тип зэков (около 20%) – это люди, совершившие вполне осознанные действия, приведшие их на нары. Преступления эти самые разные: от убийства из мести до подделки документов, но все эти люди были кузнецами своего несчастья вполне осмысленно. Они оказались в том месте и в то время, когда сами этого хотели. Эта публика постарше и покрепче, в будущем она, как правило, формирует костяк преступного мира.

Еще один тип зэков – это наркоманы. Сейчас их уже 25%–30%, а скоро будет еще больше. Имеются в виду люди с жесткой зависимостью от наркотиков, как говорится «сидевшие на системе», потому что те ребята, которые были причастны к наркобизнесу, или даже «баловались» наркотиками, относятся к предыдущему типу. Наркоманы – несчастные больные люди со сниженным интеллектом, утраченной волей и стертыми эмоциями. На свободе они иногда очень опасны, ради денег на очередную дозу совершают дерзкие и жестокие преступления, хотя на самом деле ни дерзости, ни жестокости у них нет, есть только наркозависимость. Наркоману страшно совершить преступление, но остаться без дозы еще страшней. В тюрьме эти люди не делают никакой погоды. Не имея возможности приобретать наркотики, они, пережив ломку, становятся апатичными, заторможенными и превращаются в тупой скот.

В последнее время увеличилось число зэков из бизнесменов. Сейчас к этой категории относится около 5%, но, по-видимому, скоро станет больше. В основном, у этих людей возникают какие-нибудь неурядицы с налоговыми органами, также на них часто «вешают» различные хищения и мошенничества. Им нелегко приходится за решеткой, особенно в первое время. Если уличный баклан...

«Баклан» – хулиган, человек, совершающий немотивированное, бескорыстное и потому бессмысленное преступление. Как правило, в силу отсутствия мозгов или присутствия пьяной дури. Кто-то наблюдательный давно подметил сходство между глупой и нахальной уткой и таким же дебильным хулиганом.

...или наркоша, попадая со свободы в тюрьму, в общем-то, немного и теряет – как жил свиньей, так и будет жить, только под присмотром, – то уважаемому человеку пересаживаться из «шестисотого» в вонючую камеру очень болезненно.

Редко, но встречается в тюрьме еще один тип несчастных (2%–3%) – это пожилые люди, прожившие нелегкую, но честную трудовую жизнь. Этим горемыкам приходится тяжелее всего. Злой и подлый тюремный мир не делает никаких скидок на седины, бывшие заслуги и ослабевшее здоровье.

Существует целый ряд немногочисленных промежуточных типов и, наконец, крайний тип (к счастью, вопреки распространенному мнению, он встречается довольно редко, менее 1%) – это люди, попавшие в тюрьму по чьей-то ошибке или по беспределу.

Благодаря журнальным публикациям и «смелым» телепередачам слово «беспредел» вышло из-за проволоки в восьмидесятых-девяностых годах прошлого века и стало общеупотребительным. А жаль. Смысл его исказился, и сейчас под словом «беспредел» подразумевается непорядок. Ранее в тюрьме это слово было оскорблением, причем не самым мягким. Человека, творившего беспредел, называли беспредельной рожей (сочное название!). Беспредельщик – это негодяй, животное, мразь... Бросаться такими словами было нельзя, за них отвечали.

Вывод из вышесказанного очень суров: «Тюрьма, как могила, каждому место есть» (В.И. Даль).

Чтобы не путаться в терминах, нужно дать некоторые пояснения. Официально места лишения свободы бывают такими.

1. Изолятор временного содержания (ИВС) – учреждение, находящееся в ведении милиции. В нем задержанные сидят до десяти дней, вплоть до избрания им меры пресечения в виде ареста.

2. Следственный изолятор (на редкость безграмотная аббревиатура – СИЗО) – здесь находятся уже арестованные до, скажем так, вынесения приговора. Срок содержания – резиновый, некоторые досиживали до семи лет и даже больше, основная масса сидит год-полтора.

СИЗО, как и все последующие места лишения свободы, находится в ведении Госдепартамента по вопросам исполнения наказаний. Очень остроумное название, но почему только по вопросам? А ответов, что – не будет? Интересно, может ли существовать Министерство по вопросам внутренних дел или, скажем, Служба по вопросам безопасности? Неконкретное, да и несовременное какое-то название. Надо бы так: департамент типа исполнения с понтом наказаний.

Департамент не так давно отпочковался от МВД и напоминает недоношенного ребенка, – такой же слабый, болезненный и капризный. Со временем он должен перейти в подчинение Министерству юстиции. Может, тогда и доносится.

3. Исправительная колония (ИК, до недавнего времени – исправительно-трудовая колония; труд, точнее принудительный труд, исчез только из названия) – это место, где отбывают уже состоявшееся наказание. На самом деле никого эта ИК не исправила, но называется именно так.

4. Колонии-поселения – в них эски содержатся без вооруженной охраны.

5. Тюремное заключение (ТЗ). Что это, можно догадаться из названия – камерное содержание.

На жаргоне все эти достойные заведения называют иначе. ИВС называют КПЗ, в соответствии с устаревшим официальным названием – камера предварительного заключения. СИЗО называют «тюрьмой» (более правильное название, чем нелепое СИЗО). Колонию называют «зоной», реже «лагерем»; колонию-поселение – «поселком», а ТЗ (тюрьму) – «крытой». Надо признать, что неформальная терминология гораздо точнее, чем официальная, она действительно отражает суть указанных заведений и процессов, происходящих в них.

В последнее время почти официально стал применяться еще один термин обобщающего характера, которым подменяют русское слово «тюрьма» – «пенитенциарная система». Но я этот термин использовать не буду принципиально. Во-первых, точный перевод с латыни слова «пенитенциарный» – затворнический, покаянный. Но ни того, ни другого в наших тюрьмах и близко нет. А во-вторых, это некрасивое слово очень похоже на импортное название мужского полового члена. Вот кому нравится его произносить (по ориентации), пусть и применяет, а мне нельзя, мне не «по масти», я тюрьму уважаю.

Матерые тюремщики (эски их называют «прогнившие»), имеющие свое мнение (таких не много) и высказывающие это мнение вслух (таких совсем мало), из неуважения к своему чиновному начальству и окружающим его холуям искажают это слово, говоря «пенисососарная система».

В этой книге написана только правда. Может быть уродливая, но уж какая есть. Иначе не было смысла писать вообще. Родить педагогическую поэму – никто читать не станет. Кое-что, конечно, не сказано, но совсем небольшое. Кто-то недалекий из числа моих бывших коллег посчитает эту книгу предательством или, как минимум, помехой в славном деле борьбы с преступностью. Мол, раскрыл все секреты. На самом деле профессиональные секреты могут быть только у провинциального ремесленника, конкурирующего с таким же, как он сам, гробовщиком или горшечником. Если виртуоз-скрипач, карточный шулер или летчик-ас вам расскажут, как они все это

проделывают, вы все равно на скрипке не заиграете, в карты проигрываете, а самолет в небо не поднимете. «Недостаточно овладеть премудростью, нужно также уметь пользоваться ею» (это сказал не я, а Цицерон).

И последнее. В книге приведены примеры только из реальной жизни, но имени не названо ни одного. Если какой-то добрый человек узнает себя, и ему это понравится, пусть радуется. Можно порадоваться вместе с ним. Если же какой-нибудь чудак на букву «м» узнает себя и разнервничается – это его проблемы. Пусть не пускает пузыри и сходит к доктору.

Арест

Театр начинается с вешалки, а тюрьма с ареста (так в народе обычно называют задержание). Хорошо бы, чтоб каждый человек, не обидевший в своей жизни даже мухи, был внутренне готов к этому действию, так как аресты бывают и случайные, и ошибочные. Но, как правило, человек предполагает, что за какие-то грехи его постепенно обкладывают флажками, как волка. Ощущение это неприятное, навязчивое и утомительное. Жить, в любую минуту ожидая ареста, очень тяжело. Поэтому следует по возможности трезво оценить свои перспективы.

Если вы реально понимаете, что ареста не избежать, нужно к нему подготовиться. Пьянствовать или «убиваться» наркотой – не выход из положения. Это жалкая попытка отодвинуться от грозной реальности. Не поможет. Поможет другое: простые, спокойные и расчетливые действия. Прежде всего приведите в порядок свои дела: оплатите счета, верните долги, подготовьте необходимые доверенности на близких людей. Продайте и раздайте все, что у вас отберут. Продумайте все до мелочей, которые после вашего ареста могут вырасти для родственников в неразрешимую проблему. Договоритесь с друзьями о возможной помощи вашей семье. Заручитесь поддержкой кого-то из них, чтобы потом не пришлось впутывать в свои нелегальные дела родственников – это будет неправильно.

Соберите вещи и продукты. Традиционно это называется «сухари сушить». Хотя сухари-то как раз в тюрьме и не понадобятся. Нужны будут калорийные и легкие продукты: сало, копченая колбаса, лук и чеснок, «Мивина», печенье, конфеты, сахар, чай, кофе, шоколад. Продукты нужно подготовить, рассчитывая, что первая передача может быть вами получена через семь-десять дней.

Вещи должны быть простыми и удобными как для лежания на нарах, так и для прогулок (так называется топтание в небольшом прогулочном дворе, больше похожем на вольер в зоопарке). По возможности, не должно быть шнурков (их заберут). Обязательно нужно взять тетрадь, ручку, книгу. Денег брать не надо, все заберут в милиции и в тюрьму не передадут. В лучшем случае деньги отдадут родным, в худшем – они пропадут.

Понадобятся миска, кружка, алюминиевая ложка, кипятильник, мыло, шампунь, зубные щетка и паста, стиральный порошок, полотенце. Бритва – либо электрическая, либо одноразовый станок. Все продукты и вещи надо поместить или пересыпать в прозрачные полиэтиленовые пакеты, иначе при постоянных обысках их будут разрывать. Все добро сложить в одну сумку, надежно застегивающуюся, так как с ней потом будут обращаться довольно небрежно.

После этого надо решить главный вопрос: сдаваться или потянуть еще? Здесь совет невозможен. Все зависит от самого человека и сложившихся обстоятельств. Но необходимо знать, что явка с повинной всегда оформляется ментами (им так даже удобней) и засчитывается судом как

смягчающее вину обстоятельство. Поговорка «чистосердечное признание смягчает вину и увеличивает срок» зачастую верна, но в данном случае она не в тему. Явка с повинной и чистосердечное признание во всех деталях преступления – это разные вещи. Лучше уж вспомнить другую народную мудрость – «раньше сядешь – раньше выйдешь».

Как-то два сельских парня украли на ферме теленка, зарезали его, и мясо продали. Одного из них задержали на третий день, а другой был в бегах. (Быть в бегах или, если официально, находиться в розыске – понятие условное. Часто беглеца никто не ищет. Менты справедливо полагают, что попадетса сам). Через месяц участковый, проезжая по селу на мотоцикле, увидел на улице «нелегала», поманил его пальцем, показал на коляску и отвез в райотдел. Потом был суд, и дали этим ребятам всего поровну – одинаковый срок и солидарный иск. Сидели они тихо, хорошо работали. Подошла амнистия. Тот, которого арестовали первым, ушел на свободу, а второй «парился» еще год, до следующей амнистии. Дело в том, что первый на момент опубликования амнистии отсидел треть срока, а второму не хватило недели. Вот уж воистину: раньше сядешь – раньше выйдешь. Явка с повинной хороша еще тем, что к такому заявителю менты всегда относятся спокойно и агрессии по отношению к нему не проявляют. А то как-то неудобно получается: человек вроде сам пришел, а мы на него противогаз... Но в любом случае, являться с повинной или нет, решать приходится каждому за себя.

Попав в милицию, забудьте о своих правах и отнеситесь к их отсутствию философски, как к неизбежности. Наверняка вам приходилось где-то читать или слышать по телевизору советы адвокатов: вы имеете право на телефонный звонок, менты обязаны немедленно оформить протокол задержания и т.д. Забудьте это. Запомните другое – здесь вам никто ничего не должен, и самое большее, что вы сможете вытребовать – это получить по бочине. Исходите из того, что вы потом ничего не докажете: ни того, что вас били и оскорбляли, ни того, что забрали деньги. Ничего. Вы пленный. Поэтому действовать нужно иначе. Об услуге надо просить. Не унижаться, а просто вежливо просить. Нельзя показывать ненависть, презрение, возмущение. Хуже от демонстрации этих эмоций не будет, ментам на них наплевать. Но лучше тоже не станет. О решении проблем нужно договариваться. Именно так: вести переговоры, спрашивать об их условиях и предлагать свои. Есть возможность – торговаться.

Если вы убедите ментов, что ваши родственники готовы «улаживать дела» (а они в этом убеждаются очень быстро), вам сразу же дадут позвонить и, коль скоро ваше задержание неизбежно, оформят соответствующий протокол. Это важно, потому что срок начнет «мотаться» именно с этого протокола. Менты умеют и трое суток продержать у себя человека, хотя по документам получится, что он был на свободе.

Не надо пытаться взять ментов на испуг: типа у меня папа – генерал, дядя – советник президента. Они таких «племянников» каждый день видят, и всерьез эти «попугивания» никто не воспримет. Не надо требовать прокурора и уполномоченного по правам человека. Их не позовут. Не надо взывать к совести – ее у ментов нет, есть только должностные обязанности. И вообще, чем спокойней будете вы, тем спокойней с вами будут разговаривать.

Не спешите хвастаться, что ваши родственники – люди обеспеченные, сразу же появятся желающие вас «подоить». За одну и ту же услугу, например, позвонить домой, один заплатит двадцать гривень, а другой – сто баксов. У ментов, в отличие от английских лордов, не принято представляться при знакомстве с задержанным, а в отличие от немецких полицейских они не любят носить бейджи. Так для них удобней. Не стесняйтесь спросить: «Извините, как вас зовут?» Вроде бы вам это нужно, чтобы вежливо обратиться к собеседнику. Знать, кто с вами разговаривает, очень важно.

Фамилию не выспрашивайте никогда. Это намек на скрытую угрозу с вашей стороны. А будучи в положении пленного, угрожать неосмотрительно.

Если официальное лицо (а всякий мент и есть такое лицо, даже если у него на месте лица что-то другое) не представляется, делает это неохотно или называется «скромным» именем «гражданин начальник» – это неплохо. Значит, он нервничает. Хуже, когда он спокойно и уверенно называет свою должность и фамилию. Значит, он ничего не опасается. А значит, нужно опасаться вам.

Незаконные меры, принятые по отношению к вам, могут быть двух типов: угрозы применения физического воздействия и непосредственно такое воздействие. Угроз бояться не надо, даже если их начнут претворять в жизнь: лупить, выкручивать руки, надевать противогаз, вы в любой момент можете прекратить эти «шалости», согласившись на разговор с ментами. А вот если физическое воздействие началось, то стоит трезво и быстро подумать, что лучше: терпеть боль и не признаваться или признаться, но сохранить здоровье. Надо отчетливо понимать, что дать признательные показания, конечно же, неприятно, но терпеть час, три, сутки, трое суток, а потом все же дать эти показания – еще неприятней. Поэтому решение должно быть абсолютно рациональным. Во всяком случае, не стоит отрицать очевидное.

По закону задержанный может находиться в ИВС до десяти суток, однако в милиции отработаны схемы увеличения этого срока. Вас могут придержать уже после ареста для проведения каких-нибудь следственных действий, может не оказаться транспорта, чтобы вас отвезти в СИЗО, или, что бывает чаще, прежде, чем задержать и арестовать, оформят, как админзадержанного. С понтом вы где-то нарушали общественный порядок, выражались нецензурной бранью, мочились под памятник Карла Маркса (список этих глупостей бесконечен). Это удлинит срок задержания до пятнадцати суток, которые в срок уголовного наказания, к сожалению, не войдут. Таким образом «жизнь» в КПЗ может растянуться до одного месяца, что иногда и неплохо, мамка с папкой будут рядом.

Главное при задержании – пережить первые сутки, пока вас не оформили как задержанного, а водят по кабинетам, как медведя по ярмарке. С кольцом в носу. Как ни плохо в камере ИВС, но это уже какая-то определенность, ведь в первый период задержания человек испытывает мощный стресс от неуверенности не то, что в завтрашнем дне, а в следующем часе и минуте.

При общении с ментами не надо обращать внимание на грубый тон, развязность и полное отсутствие уважения к вам и вашим правам. Они так со всеми разговаривают, вы ничем не хуже и не лучше других, это нормально.

Старайтесь «порешать» вопросы. В изоляторах, расположенных в райцентрах, большое значение имеют родственные, кумовские, соседские отношения. Почти всегда кто-то кому-то каким-то боком приходится знакомым. Это надо использовать. В ИВС, находящемся в областном центре, вероятность таких связей очень мала.

Надо иметь в виду, что в современных нищенских и непрестижных условиях деятельность среднестатистического сотрудника милиции определяется следующими факторами: семьдесят процентов – это желание заработать денег; двадцать пять процентов – желание заработать служебный показатель; пять процентов – гражданская позиция («вор должен сидеть в тюрьме!»). Поэтому всякий нормальный мент рассуждает примерно таким образом: гражданская позиция пусть покурит в сторонке, показатель можно добыть и завтра, а сто баксов завтра в карман могут и не попасть. Отношения с ментами нужно строить на знании этого несложного психологического пассажа. Однако все зависит сейчас в большей степени не от вас, а от действий ваших родственников и друзей.

В камерах ИВС зачастую сидят вперемешку задержанные по уголовным делам и административным, ранее судимые и не судимые. Конфликты бывают только у тех, кто сам их создает. Тесные отношения тоже практически не завязываются, все сознают временность и неопределенность своего положения.

Растерянность от неожиданного ареста невольно подталкивает любого человека поделиться с кем-нибудь своей бедой и спросить совета. Вот этого как раз делать не нужно. Разговоры о том, что у вас в камере будет сидеть «подсадная утка» или «наседка» – это сказки. (Кстати, в местах лишения свободы эти слова вообще не употребляются, так говорят только лохи и пишут журналисты). Можно подумать, специально для вас и таких, как вы, где-то под рукой держат резерв подобной публики.

Но болтать действительно нужно как можно меньше потому, что вас окружают не друзья, а, скорее всего, недоброжелатели. Если эту мысль постоянно держать в голове, бед у вас будет немного меньше.

Как бы там ни было, но ИВС – слишком временное пристанище, окончательно судьба зека определяется, когда он находится в тюрьме. Скоро машиной или поездом вас отправят в СИЗО.

Счастливой дороги!

Добро пожаловать в тюрьму!

Итак, вас привезли в СИЗО. На жаргоне это называется «заехать на тюрьму» (если наоборот, то «выехать»). Аналогично: «заехать в хату» (камеру), «выехать с хаты». Последнее не путать с «выломиться с хаты», но об этом позже. На языке тюремщиков вы и те, кто сегодня попал в тюрьму вместе с вами – «новая прибыль» или просто «прибыль». Вот так, для кого-то вы – прибыль, значит уже живете на Земле не зря.

Корявое название «СИЗО» теперь запомнится вам на всю жизнь. По отзывам всех без исключения эков – СИЗО – самая черная страница тюремной книги. Объясняется это довольно просто: в ИВС плохо, но длится это недолго, в колонии приходится сидеть долго, но там дышится вольней, а пребывание в СИЗО – отвратительный и длительный кусок жизни зека. Кроме этого, в СИЗО человека постоянно душит гнетущая неопределенность, а после приговора, как правило, становится спокойней на душе.

Когда вы выпрыгните из воронка (из воронка выйти нельзя, только спрыгнуть, такая уж там лесенка), посмотрите по сторонам и обязательно – на небо. Дело в том, что тюрьма устроена так, что окна всех камер либо выходят внутрь, либо закрыты «баянами» – металлическими жалюзи, то есть больше ничего, напоминающего свободу, вы не увидите... Только небо одно над свободой и тюрьмой.

Первым делом вы попадете в приемно-сборное отделение или, как его называют зеки, боксики. Боксами официально называются камеры сборного отделения, они такие же, как жилые, только вместо нар – скамейки для сидения.

Следует сразу усвоить некоторые простые правила поведения. Теперь с вами будут разговаривать грубо и безразлично, тон тюремщиков, как правило, раздраженный, голос – громкий и неприятный. Обращаться к вам будут только на «ты», даже если вам восемьдесят лет отроду (хотя в соответствии с официальными правилами обращаться к арестованному можно только на «вы»).

На ваше положение на свободе всем наплевать, о нем никто не знает и знать не хочет.

Преобладающий тип тюремщика: тупой, ленивый, хамовитый и равнодушный ко всему, что не касается его желудка. Последняя черта очень важна, такие люди никогда не испытывают сочувствие или сострадание, но и зла никому не желают. Вы для них что-то без имени и без судьбы. Впрочем, вам встретятся и другие типы: или неглупые, или энергичные, или вежливые, или внимательные. Бывают даже такие, которые сочетают эти качества, но, к сожалению, а то и к счастью для вас, их очень мало.

Относиться к этому нужно совершенно спокойно, эмоции в тюрьме всегда вредят. Вы же не станете рвать сердце оттого, что за шиворот закапал дождь или откуда-то запахло дерьмом. Неприятно, конечно, но ваш внутренний мир это не задевает. Вот так пусть не задевает и грубое обращение. Лично вас оскорбить здесь никто не желает, до вас просто дела никому нет, вы – очередной экз.

Исходя из этого, не нужно никому задавать вопросы, и так все поймете. Не надо улыбаться или, наоборот, делать зверскую рожу. Вообще, желательно поменьше привлекать к себе внимание.

Отвечать на вопросы нужно быстро, точно и максимально коротко, причем ответы должны совпадать с теми, что записаны в документах. Спросят, за что посадили, отвечайте: за кражу (разбой, угон). Не надо рассказывать, что вы ничего не совершали, что вас посадили по нелепой ошибке... Тюремщики не имеют никакого отношения к вашему уголовному делу, и на правдивость ваших ответов им наплевать.

В боксе вас продержат несколько часов. С соседями близко знакомиться не спешите, вряд ли вам с ними придется сидеть в одной камере, вообще, меньше болтайте. Поговорка «слово – серебро, молчание – золото» как нельзя более точно подходит к тюрьме. Пока вы будете в сборном, вас осмотрит врач и побеседует оперуполномоченный.

Врач (как правило, это дежурный фельдшер) с большой любовью вас осматривать не станет, он, как говорится, клятву Гиппократу давал, а не вам. Поэтому постарайтесь успеть рассказать ему обо всех своих болячках, пусть запишет, это может пригодиться в будущем. Симулировать не нужно: лечат тюремные медики отвратительно (на жаргоне врач называется «лепила»), но симулянтов «выкупают на раз», опыт большой, таких перед ними прошли тысячи. Они скорее мертвого посчитают симулянтом, чем симулянта – больным.

Если у вас имеются следы побоев, обязательно покажите их врачу и попросите записать эти данные в журнал приема заключенных. Заявить о наличии побоев лучше сразу же, как только вас завели в сборное, и вы увидели людей не в милицейской, а в военной форме. Если эти побои вы приобрели в милиции, то в последующем это может оказаться очень важно. Тюремщики это обязательно зафиксируют, а начальника милицейского конвоя заставят расписаться в акте. Разговоры о том, что все менты одним миром мазаны, не более чем разговоры. Отделение департамента от МВД имеет намного больше минусов, чем плюсов, но в вашем случае это явный плюс. Если раньше какой-нибудь милицейский начальник мог позвонить и чуть ли не приказать, чтобы побои не фиксировали, то их и не фиксировали. Сейчас это проделать гораздо сложнее: нужно просить, быть должным... Часто этот путь не срабатывает и в девяноста процентах случаев следы побоев документируются.

Беседа с оперуполномоченным оперативного отдела, или, как сейчас говорят, «опером» – очень важное событие.

Тюремный оперуполномоченный на жаргоне – «кум». Соответственно, оперотдел – «кумчасть». Почему, никто не знает, но слово это утвердилось прочно. Хоть кум – слово неоскорбительное, но к самому оперу так обращаться не следует, ему не понравится.

Вероятно, что именно этот человек будет активнее всего влиять на вашу тюремную судьбу, пока вы будете в СИЗО. Дело в том, что только оперативники решают, в какой камере зэку сидеть, а это в тюрьме самое главное. Именно дежурный опер сейчас определит, куда вам отправляться, если, конечно, по состоянию здоровья вы вообще куда-то можете отправиться, кроме санчасти или морга. Также надо твердо знать, что опера – единственные из сотрудников СИЗО, которые по своим обязанностям имеют отношение к раскрытию преступлений, в том числе и того, за которое вас посадили.

Оперу не нужно явно врать – заметит; не нужно быть и искренним: в тюрьме вообще ни с кем нельзя быть искренним и упаси Бог перед кем-то открывать душу. Оперу нужно обязательно сообщить о возможных проблемах в тюрьме. С поделщиками вас вместе и так не посадят, но у вас могут быть враги по свободе, вы можете ожидать опасности от кого-либо или в каких-либо ситуациях, у вас могут быть связи, бросающие на вас тень (с точки зрения преступного мира, конечно): друзья или родственники в милиции, например. Да всего не перечислить. Обо всем этом оперу нужно сказать обязательно, за вашу безопасность в камере теперь будут спрашивать с него.

Существует еще один серьезный момент, о котором, учитывая особенности современной жизни, умолчать нельзя. Обязательно сообщите оперу, если у вас что-то «непонятно с прошлым». Так на жаргоне (весьма тактично) называются предполагаемые или реальные гомосексуальные контакты или контакты с гомосексуалистами, даже если они носили не более чем приятельский или деловой характер. Быть в тюрьме пассивным (именно пассивным, а не активным) гомосексуалистом (обиженным, опущенным, петухом и т.п.) – хуже некуда, но все же лучше оказаться в этом положении сразу, без скандала. Опер легко сориентируется, насколько серьезна ваша проблема и вовсе необязательно, что посадит вас в камеру к петухам, скорее, просто объяснит, как себя нужно вести.

Вполне возможно, что опер попытается вас завербовать. Надо сказать, что умный и опытный опер, видя вас впервые в жизни, этого делать не станет. Но не все опера умные и опытные, поэтому такой вариант не исключен и может повториться позже. Ситуация эта достаточно щекотливая и имеет множество оттенков. Так что однозначный совет дать невозможно. Но можно попытаться.

Хорошенько подумайте, чего вы сами хотите? Решать, в конце концов, вам. С оперотделом «дружит» немалый процент зэков. Времена, когда информатора могли ночью задушить подушкой, ушли лет двадцать назад, и ушли безвозвратно. Сейчас никто не посмеет его и пальцем тронуть – себе дороже. Есть люди, которые не только не скрывают свои отношения с кумчастью, но и кичатся ими. Еще и прибыль с этого имеют. Но это, конечно, крайность, речь не об этом. Поэтому, если физиономия опера вам чем-то симпатична, его манера общения располагает к себе, и вас устраивают такие отношения (а они дают немалые преимущества), то соглашайтесь на здоровье.

Если же такие отношения вас не устраивают – ну не нравятся они вам, то соглашаться на сотрудничество не нужно. Учтите, что никто и никогда не пострадал от того, что отказался помогать администрации. Помощи от нее тоже, правда, не получил, но и беды никакой не накликал.

Отказать оперу нужно достаточно внятно, не «тошнить»: я подумаю, я еще не совсем готов... Но сделать это надо тактично, например, сказать, что вы не готовы к этому разговору, так как не отошли от шока после ареста и общения с ментами, бока еще болят; что вы не хотите иметь ничего общего с преступным миром и не желаете интересоваться его криминальными склоками; что вы плохо сходитесь с людьми и не умеете с ними общаться; что вы разговариваете во сне; что у вас бывают провалы в памяти после черепно-мозговой травмы (опер не станет проверять, была ли у вас ЧМТ); что у опера, без сомнения, достаточно глаз и ушей, зачем ему еще и ваши нужны. Очень убедителен ответ – «я не так воспитан» или «а вы бы на моем месте согласились?» Этого хватит. Нажима не будет.

Из сборного отделения вы попадете «на вокзал». В тюрьме всегда высказываются так безграмотно: на вокзал, на тюрьме, на подвале... Но коль так выражаются практически все, то это, стало быть, уже не безграмотность, а особый жаргон – сленг. Если ваше образование не позволяет вам выражаться неграмотно, то плюньте на образование и выражайтесь, как все. В тюрьме плохо каждому, но белым воронам еще хуже. Вот выйдете на свободу – и разговаривайте правильно и изысканно (если не разучитесь).

Вокзалами называют камеры, где прибыль проходит своего рода карантин. Это недолго. За это время у вас возьмут анализы, откатают пальцы, сфотографируют да и вообще подержат некоторое время, чтобы вы немного провонялись тюрьмой. Тюремный запах – это вообще что-то особенное, такого больше нет нигде. Это смесь запахов табачного дыма, пота, испражнений, мерзкой баланды, дорогой колбасы и многого другого. Советую принюхаться, скорее всего, это надолго.

Общаясь с зеками на вокзале, имейте в виду, что это сброд, скоро вас раскидают по всей тюрьме. Скрытничать не следует – это подозрительно, но болтать лишнего не надо. Если у вас есть еда, поделитесь ею, но всем без разбора и все до последней конфеты раздавать не надо. Жадных не любят, а щедрому кто-нибудь более ушлый (или считающий себя таким) попытается сесть на голову. Щедрость обязательно воспримется как слабость. Кроме того, так вы можете разделить хлеб и с петухом, оправдывайтесь потом. То, что кто-то на вокзале постарается показать себя более опытным – это понты, вы все примерно одинаковы по своей опытности или, скорее, неопытности.

Понты – очень емкое понятие, родившееся в тюрьме. Это и показуха, и неправда, и фальшивая манера держаться, и хорошая мина при плохой игре, и плохая мина при хорошей... Есть выражение «понты – вторые деньги», то есть иногда понты полезны, но чаще бесполезны или даже вредны. В данном случае понты – это пустое бахвальство и попытка развеять собственную неуверенность.

На вокзале все себя чувствуют достаточно неуверенно. Оно и понятно, это временное положение, завтра заезжать в камеру, в какую – неизвестно.

Если на вокзале окажутся люди, которые заехали на тюрьму не сегодня, не вчера, а намного раньше, – сторонитесь их. Независимо от того, что они будут «плести» о своем положении, не верьте – это ложь. Послушайтесь совета – держитесь от них подальше.

Еще один важный практический совет. Вместе с нормальными людьми в тюрьму попадают всякие отбросы: бомжи, алкоголики, наркоманы. Среди этой публики полно больных туберкулезом, гепатитом, СПИДом, сифилисом, дизентерией, чесоткой и др. Эти болячки у них выявят позже, на вокзале же все сидят вперемешку в тесноте и духоте. Поберегите себя, старайтесь меньше

общаться, лучше всего побольше спать, накрывшись с головой, находиться поближе к открытому окну, не пить ни с кем из одной кружки, не обмениваться вещами, обязательно выходить на прогулку и вытряхивать свою одежду.

Тюремная камера

Камеры следственного изолятора бывают двух типов: маломестные и общие. Официально считается, что маломестная камера рассчитана на количество до семи человек включительно, но в жизни это не так, спальных мест в ней может быть больше, скажем, десять или четырнадцать. Число «семь» показывает, насколько чиновники тюремного ведомства далеки от самой тюрьмы. Кровати в камерах всегда двух- или трехъярусные, поэтому спальных мест может быть либо шесть, либо восемь или девять, но семь – никогда.

Для эзков принципиальная разница заключается в том, что в маломестной камере каждому положено спальное место – «шконка». Шконка – это обычная многоярусная кровать (кстати, очень удобная кровать), только вместо пружин в ней стальные полосы. В общей же камере имеются нары – сплошной двухъярусный стеллаж, на котором покатым, вплотную друг к другу, лежат эзки. Интересно, что на нижнем ярусе всегда лежат к стене головой, а на верхнем – ногами. Если, допустим, на восемь шконок никак незаметно не положишь девять эзков, то на нары, рассчитанные на десять человек, можно «воткнуть» и все восемнадцать. И втыкают. Маломестные камеры часто по старинке называют «тройниками». Предположительно, когда-то в них сидело по три человека, впрочем, никто из живых такого времени не помнит. Есть еще камеры санчасти и карцеры, на языке тюремщиков – карцера, на языке эзков – трюм, подвал, яма, чулан.

После вокзала вы пройдете процедуру рассадки и попадете в ту камеру, которую вам определил дежурный опер при вашем поступлении в тюрьму.

То, что вы увидите в первый момент в камере, никак не будет походить на дурацкие картины из дешевых книжек и кинофильмов. Никто на вас не станет рычать, не будет татуированных амбалов, которые сразу же попробуют вынуть из вашего рта золотой зуб, никто не станет пытаться вас трахнуть. Все это нездоровые фантазии литераторов и киношников, рассчитанные на такой же болезненный интерес к тюрьме со стороны обывателя. В тюрьме сидит большинство вполне нормальных людей (слово «нормальные» – применительно к нашему «нормальному» государству), и придурков среди них не больше, чем на базаре или вокзале.

Впрочем, каждая камера – это маленький мирок со своими традициями, укладом и законами. Атмосфера в камере (в прямом и переносном смысле) принципиально различается в зависимости от того, маломестная она или общая.

Итак, вариант первый – вы попали в тройник.

В тройник попадает большинство новых эзков. Это объясняется тем, что здесь вас легче изучить, в маломестной камере вы будете всегда на виду. Позже, через три-пять-десять дней вас, скорее всего, выкинут в общую хату, так как вы не представляете никакого интереса. А если не выкинут, есть основания хорошенько подумать, какой именно интерес вы представляете и для кого. Интерес может быть трех видов: профессиональный интерес опера к вашим преступлениям, оставшимися нераскрытыми; «любительский» интерес опера или его начальников к содержимому кошелька ваших родственников; ну,

и смешанный профессионально-«любительский» интерес (наиболее распространенный).

Когда контролер на посту станет, гремя ключом, открывать дверь камеры, в эту сторону будет обращено внимание всех ее обитателей. Словом «контролер» до недавнего времени официально назывались сотрудники СИЗО, которые несут службу на постах возле камер, проводят прогулку, выводят эзков в санчасть. До семидесятых годов прошлого века контролеры назывались «надзирателями». Надо сказать, это более точное слово – от «надзирать», что, собственно, они и должны делать. Потом появилось «контролер», этот термин уже поглупей, «контролировать» имеет более широкий смысл, чем «надзирать». Несколько лет назад и слово «контролер» было отменено (да здравствует бюрократическое творчество!), вместо него теперь – «младший инспектор», хотя понятие «инспектировать» вообще невозможно привязать к тюремному надзирателю, который выдает эзкам передачи или водит их в баню.

Самое забавное, что неформальной лексике совершенно наплевать на изыски чиновников, «попкарем» называли и надзирателя, и младшего инспектора теперь называют. Вот так, презрительно и обидно – попкарь. Слово «контролер» привычней, поэтому и употребляется в книге.

В кинофильмах о тюрьме контролера почему-то всегда показывают с огромной связкой ключей. Наверное, киношники считают, что так романтичней, а в качестве консультантов приглашают генералов, которые тюрьму знают только с парадного крыльца, живого эзка в глаза не видели и от кого-то слышали, что параша несколько нехорошо пахнет. На самом деле ключ у контролера только один от всех камер на этаже. Да и тот на ночь забирают.

Когда вы с пожитками зайдете в хату, на вас будут смотреть все. Появление новой рожи – всегда событие. Зайдя в камеру, нужно поздороваться. Просто, нормально, без всяких выкрутасов и понтов, сказать «здравствуйте» или «добрый день». Не нужно пытаться «нагнать жути» на окружающих. Мнение о том, что вы обязательно подвергнетесь агрессии, каким-то «пропискам» и нужно сразу же себя «поставить» (слово-то какое «поставить», напрашивается вопрос – в какую позу?), может принести серьезный вред.

В любой камере не все эзки занимают равное положение, обязательно существует своеобразная иерархия. Чтобы определить ее, достаточно беглого взгляда. Кровати на первом ярусе удобнее и потому престижнее, чем шконки второго яруса, а те, в свою очередь, престижней, чем шконки третьего. Лежать дальше от двери и от параша престижней. Поэтому самой удобной и престижной будет кровать в углу наискосок от туалета. Именно там и будет находиться самое важное лицо в камере – «руль», или «смотрящий», или еще как-нибудь.

Почему именно этот человек – руль, сказать трудно. Причин много, основные следующие: он сидит в тюрьме или в этой камере дольше других и потому лучше ориентируется; он имел какой-то «вес» на свободе, и этот вес автоматически перенесся в тюрьму; он умеет улаживать проблемы с тюремщиками; он более наглый, или хитрый, или сильный, или все вместе; он ранее судим, может быть, неоднократно, поэтому имеет незаменимый тюремный опыт, но по ошибке попал в камеру к ранее несудимым. (Ошибок, неразберихи, ротозейства и головотяпства в тюрьме всегда хватало и будет хватать. Умного и рационального там на порядок меньше, чем глупого и бестолкового. Но в данном случае это не ошибка, рецидивист с несудимой публикой сидит по воле опера, хотя рассказывать он будет, конечно, об ошибке).

В любом случае, кто-то должен лежать на лучшей наре. Вам, скорее всего, предложат занять место повыше. Ничего, все с этого начинают, или почти

все. Впрочем, в тройнике может оказаться несколько свободных мест, в том числе и нижних. Несмотря на то, что тюрьма переполнена, и в какой-нибудь общей хате, рассчитанной на тридцать шесть человек, живут пятьдесят шесть, в тройниках часто есть свободные места. Иногда в девятиместном тройнике длительное время – месяц, два, три – могут жить всего пять-шесть человек. Официальное объяснение этому, конечно, имеется: в тройнике осуществляется оперативная работа. И это так. Но все же основная причина – рынок. Хочешь иметь хорошее место в хорошей хате – «решай вопросы». Этот термин породили комсомольские работники, затем он распространился на свободу и позже пришел в тюрьму, где имеет точно такой же смысл, как и на воле: решать свои проблемы в тени, в обход официального порядка (естественно, не бесплатно). Очень удобный термин: всем все понятно, и никаких гнилых намеков. Есть еще один красивый термин, который, наоборот, вышел из тюрьмы на волю – «уделить внимание». Попробуй докажи, что на самом деле имеется в виду дать денег.

Несмотря на то, что прямой агрессии вы не встретите, не почувствуете вы и душевной теплоты, исходящей от сокамерников. Это нормально, у каждого в камере своя беда, свое преступление и свой срок маячит впереди. Да и умирает каждый, как известно, в одиночку. В тюрьме это чувствуется как нигде остро. Поэтому, если от кого-то из товарищей по несчастью (если, конечно, вы не были раньше с ним знакомы) будет исходить расположение, советую насторожиться и подержать этого «доброего человека» на дистанции. Здесь что-то не так, какой-то подвох. «Добрых человек» просто так в тюрьме не бывает.

Бессчетное количество «товарищей по несчастью», прошедших перед моими глазами, позволяет сделать одно утверждение. Обычно, когда произносят это выражение, акцент делается на слове «товарищ», и смысл это приобретает соответствующий. А надо бы делать акцент на словах «по несчастью», тогда будет гораздо меньше ошибок в жизни. В говне товарищей не найдешь, а противоположное мнение – это наивные грезы, навеянные перелевами радио «Шансон».

Сокамерники в первом же разговоре начнут вас «прощупывать». Узнать о вас максимум информации – это вполне объяснимая мера безопасности, поэтому и вопросов будет достаточно много. На все придется отвечать. Это правило неукоснительно соблюдается во всем тюремном мире. Любая попытка уклониться от ответа вызовет подозрения, которые потом развеять будет очень сложно. Имейте в виду, нравятся вам эти рожи или нет, но среди них придется находиться двадцать четыре часа в сутки. Кстати, трезво подумайте, а ваша-то рожа намного приятней? Поэтому на все вопросы надо не спеша, подробно и «честно» дать ответ.

Если мама с папой научили вас никогда не врать, это очень здорово. Здорово для джентльменского клуба, гусарского полка и отряда пионеров-ленинцев. В других обществах это уже не совсем здорово. Быть правдивым в тюрьме – значит быть идиотом. Перефразирую великого пролетарского писателя: правда – бог только свободного человека, религия рабов и хозяев – ложь. Слова «честь», «честно» вообще лучше на время забудьте. Посудите сами, какая честь может быть у человека, который живет в сортире, по команде какого-то дурака и взяточника встает, приседает, поворачивается носом к стене и скидывает штаны для шмона. Если у вас есть представления о чести и достоинстве, спрячьте их как можно глубже, замкните на все возможные замки и не давайте никакой мрази к ним прикасаться.

Сказанное должно быть правильно понято, это написано не для того, чтобы оскорбить всех бывших и настоящих зэков. Речь идет не о свободе духа, а о свободе тела. Свободу духа можно защитить только таким образом. Если же будете размениваться на каждодневные мелкие протесты, то через пару месяцев станете неврастеником, через полгода – выраженным психопатом, а

через год у вас появятся телесные заболевания – сердца, желудка, почек. И не будет у вас тогда ни духа, ни силы, ни воли, ни достоинства, одни только истерики, визги и пускание слюней.

Врать в тюрьме нужно всегда. Но при этом соблюдать ряд правил.

В любом вашем рассказе процентов девяносто должна составлять правда, только тогда ложь растворится в ней незаметно.

Никогда не говорите о вещах, о которых вас не спрашивают.

Если в чем-то соврали, хорошо запомните это, теперь всегда нужно врать только так, ни в коем случае нельзя украшать и усовершенствовать ложь – запутаетесь.

Соврав одному человеку, точно так же нужно врать и другим, они вашу информацию когда-нибудь обязательно обсудят, и ложь вылезет наружу.

Не врите без нужды, только в случае крайней необходимости.

Когда врете (или просто о чем-то рассказываете), не смотрите постоянно в глаза собеседнику, глаза могут выдать. Поглядывайте иногда ему между глаз, а, в основном, смотрите мимо его рожи на какой-нибудь предмет, в окно, например. Но так, чтобы взгляд оставался открытым. Прятать глаза, уставившись в пол или под кровать, не надо.

Если вы сказали что-то не совсем удачно, надо было бы покрасивей, – не смущайтесь и не пытайтесь исправить, будет восприниматься фальшиво.

Если есть возможность умолчать о чем-то, то лучше промолчите, чем врите. Молчание лучше любой, даже самой красивой лжи, и, наверное, лучше любой правды.

Знайτε, что бы вы ни говорили, правду или ложь, вам все равно не верят, поэтому не усердствуйте в доказательствах. Чем больше вы будете приводить аргументов, тем меньше вам будут верить.

Врите только тогда, когда твердо знаете, что никто не сможет доказать обратное. Не думайте наивно, что в тюрьме не дознаются о ваших поступках на свободе. Дознаются. Может, попозже, но дознаются.

Чем скрывать какой-то факт, лучше представьте его в выгодном для вас свете.

Старайтесь врать не словами, а интонацией. Интонация вообще передает больше информации, чем слова. Если о серьезном событии рассказать легко и с улыбкой, оно и будет воспринято, как незначительное.

В рассказе не украшайте свои действия, мысли и чувства, наоборот, принижайте их. Скажете, что «было страшно, но я не испугался» – не поверят, скажете, что «я чуть не обо...лся со страху» – поверят.

И последнее. Если вам надоело отвечать, после очередного вопроса посмотрите внимательно человеку, задавшему его (желательно, чтобы это было не первое лицо в камере), точно в переносицу и спросите (только серьезно, без улыбки и без угрозы): «Ты, случайно, не мент? Ты до х... вопросов задаешь». А после короткой паузы, не дожидаясь реакции, все же ответьте на его вопрос. Новых не последует.

Учтите, что в тюрьме все зеки обращаются друг к другу на «ты». Полная демократия. Сидят, например, в камере восемнадцатилетний ублюдок–

наркоман, пятидесятилетний депутат горсовета и авторитетный урка, и все равно между собой они Вася, Коля и Аркаша. Впрочем, никто от этого не страдает, так удобней, многие условности «слободской» жизни в тюрьме ни к чему.

Навязчивые вопросы типа: ты кто? за что сидишь? чем занимался? вроде бы объясняются «понятиями», необходимостью выявлять людей, причастных к «нехорошим» преступлениям. С понтом существуют такие преступления, которые человека делают уже и не человеком. Например, изнасилование. Благодаря безграмотным публикациям, кино- и телефильмам считается, что человек, попавший в тюрьму за изнасилование, непременно спит под наркой, или на «дючке» (параше), его все, кому не лень, бьют, а любители гомосекса (подается это так, что все зэки – любители гомосекса) еще и постоянно трахают. Это все – патологические фантазии. Активных гомосексуалистов среди зэков не так уж много. Поговорка «мой ... на мусорке не валялся» для большинства является непоколебимым принципом. С другой стороны, я знаю вора в законе, который первый срок сидел за ряд преступлений, в том числе и за изнасилование. И ничего, нормальный вор, вполне уважаемый.

Тюремный контингент очень тонко чувствует разницу между обстоятельствами изнасилования. Основная масса привлеченных по этой статье (не менее 90%) с точки зрения преступного мира вообще никакого преступления не совершила, а сидит по беспределу. Если изнасилование было совершено в отношении знакомой (тем более не самого тяжелого поведения), в компании, во время или после пьянки и совместных гулек – то виновата сама потерпевшая, нечего было жопой вертеть. Сидеть за такое изнасилование на жаргоне пренебрежительно-насмешливо, но в то же время вполне добродушно называется «сидеть за лохматый сейф».

Проступком считается изнасилование незнакомой женщины где-нибудь на темной аллее. За это уважать точно не будут. Каждый зэк вправе думать, что на месте несчастной могла оказаться его жена, сестра или дочь. У таких насильников могут возникнуть проблемы в камере. Хотя, скорее всего, серьезных проблем не будет, просто рассчитывать на авторитет такому не придется.

Вот у кого проблемы возникнут точно, так это у маньяков и растлителей малолетних девочек и мальчиков. Этим лучше прятаться сразу. Впрочем, такие же проблемы могут возникнуть и у хулигана, который, как выяснится, сидит вовсе не за драку в кафе с сыном прокурора, как он рассказывал, когда заехал в хату, а за то, что пьяным избил больную мать. Или у уличного грабителя, сорвавшего цепочку с шеи беременной, напугав ее до смерти, а у этой беременной, оказывается, муж сидит в тюрьме, и вполне уважаемый человек. Или у ворики, который украл у своего. Вариантов много. Преступный мир к благородству не имеет никакого отношения, но показать и увидеть себя благородным очень любит. Это по кайфу. Особенно приятно почувствовать себя благородным рыцарем, унизив другого. Возвышаешься над каким-то уродом, и вроде уже сам почти не урод.

Сомнительно, чтобы преступному миру была какая-то польза от того, что один зэк унижает другого, хотя между ними и отношений-то никаких не было. Воры, кстати, пытаются отучить тюрьму от этих традиций и сплотить преступный мир. Но толку из этого выходит мало, зэки – контингент разношерстный и плохо управляемый. Кому точно на руку подобные унижения, а следом за ними расслоение, разделение, размежевание преступного мира – это тюремной администрации и, в первую очередь, оперотделу. Вот уж кто всегда выигрывает от подробного рассказа о своих или чьих-то преступных делах, от появления обиженных, угнетенных, недовольных и завистников.

Поэтому, рассказывая сокамерникам о своем деле, говорите только то, что уже известно ментам, лишние подробности забудьте. Учтите, в любой камере уши растут прямо из стен. Попытаться их обнаружить и оборвать – занятие глупое и вредное для здоровья. Многие такие искатели жестоко пострадали. В камере безопасно болтать о различных смешных или забавных случаях из вашей жизни. Не смущайтесь, что вы и сокамерники слишком разные люди, и вас могут не понять. Поймут, и поймут с удовольствием. Одно из самых утрюмых качеств тюремной камеры – недостаток информации и общения. Телевизор (если он есть), иногда поющее тюремное радио и рваные, отбракованные из продажи позавчерашние газеты этот недостаток восполнить не могут. Поэтому любые байки воспринимаются с интересом.

Кстати, слово «прикол» вышло из тюрьмы, где так называются смешные истории. Хороший рассказчик – приколист – ценится в любой камере. А вот приколы как розыгрыши в тюрьме применяются гораздо реже, чем на свободе. Их могут не понять и агрессивно отреагировать, слишком нервы у всех напряжены. Когда-то один зэк дразнил другого, искажая его фамилию так, что получалось женское имя. Ему, дурачку, казалось, что это остроумный прикол. Другому надоело, и он осколком стекла перерезал шутнику горло. Такой вот прикол.

В самом начале общения нужно наметить линию своего поведения. В камере, как в любой группе людей, «работает» психологическая закономерность: человек будет вести себя так, как ожидают от него окружающие. Какое ожидание появится у сокамерников относительно вашего поведения – зависит от вас. Поэтому очень важны первый день и даже первые часы нахождения в камере. Настройтесь на свободное, непринужденное, доброжелательное общение – таким это общение и сохранится. Настройтесь на замкнутость, изолированность, уход в свои мысли – вас и потом никто не будет «доставать». Настройтесь на веселое, дурашливое поведение – будете потом все время хохмить и смешить камеру, да и себе поднимать настроение. Есть еще варианты, выбирайте сами. Но запомните: позже вы из сложившегося образа уже не выскочите.

Поведение сокамерников может быть самым разным, как у людей на улице, но в силу тесноты тюремной камеры вы не сможете уйти от общения ни при каких обстоятельствах. Даже уснуть вряд ли получится – голоса и смех будут мешать. Поэтому надо общаться.

Спросите у смотрящего и других зэков о том, какой порядок заведен в камере. Спросите обо всем: когда засыпают, когда встают, как ходят на прогулку, как убирают. В общем, стесняться нельзя, нужно разузнать все. Это исключит недоразумения в будущем. Не бойтесь, что их будет раздражать множество вопросов. Не будет. Рассказывать новичку о тюремном житье-бытье интересно всем.

Обязательно нужно определиться с продуктами и сигаретами. В каждой камере свои порядки. Различаются они незначительно, но все же различаются. Где-то продукты объединяют, а сигареты каждый держит при себе, где-то у каждого все свое. Узнайте и принимайте этот порядок, каким бы нелепым он вам не показался. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Позже появится возможность – установите свой порядок, а пока принимайте все как есть.

Вам сразу же начнут давать советы, слушать надо все, верить нельзя ничему. Не верить – это не значит с ходу все отбрасывать, а значит – ко всему относиться критически, как говорится, пробовать на зуб. Не возражайте, а запоминайте. Что-то пригодится позже, а что-то окажется пустой болтовней.

Вариант второй – общая камера. Она имеет, помимо описанных выше качеств тройника, свои особенности. Общая камера почти всегда перенаселена, причем иногда настолько, что при первом взгляде похожа на муравейник: во всех углах кто-то копошится, возится, встает, ложится, разговаривает, спит, читает. От муравейника общая хата отличается вонью, особенно, если стоит жара. Воня пугаться не нужно, хотя первое впечатление будет, что попал в бомжатню. Это не так. Бомжи, конечно, есть в любой камере, но есть в ней и вполне нормальные люди. А вонь – так куда ж от нее денешься.

Так же, как при заходе в тройник, нужно поздороваться, только громко, чтобы слышали все, камера-то большая. Определить «блатной» угол и двигаться прямо туда. Не топтаться, не озиаться по сторонам, не здороваться по пять раз чуть ли не с каждым, а смело идти в угол, вежливо раздвигая всех, кто стоит на пути. Как в трамвае. В общей хате в этом углу будет находиться так называемая первая «семья». Семья – это неформальное объединение эсков, впервые попавших в тюрьму. У рецидивистов семей не бывает, там отношения носят гораздо более циничный характер. Там есть «кенты по салу»: пока у тебя есть сало – ты мне кент.

Семья – название очень точное: она, действительно, похожа на настоящую семью, только сексуальных отношений в ней нет. Цель создания семьи – помощь, поддержка, коллективное принятие решений, коллективная защита и взаимная ответственность. Пожалуй, во всем сложном тюремном мире семья – это единственное объединение людей, которое можно считать коллективом, потому что только в семье у группы эсков появляются более или менее устойчивые общие цели.

В общей камере всегда есть несколько семей, расположенных в иерархии: первая, вторая, иногда третья. Дальше счет не идет, хотя практически все эски объединяются в семьи. Территорию каждой семьи легко распознать по тому, как лежат на нарах матрасы: у первой – свободно, с промежутками, у второй – поплотней, у третьей – совсем плотно, а дальше совсем матрасов нет.

Численность семьи в среднем – от трех до пяти человек. Как правило, во главе первой семьи, и стало быть, всей камеры, находится лидер, но, бывает, что его нет, тогда жизнь в камере коллегиально регулирует первая семья. Влияние администрации на выстраивание камерной иерархии и, следовательно, организации сложной системы отношений, практически равно нулю.

Процесс первого общения с верхушкой общей хаты похож на такой же процесс в тройнике. Но одно отличие будет обязательно – больше понтов. В условиях публичности (за беседой вольно или невольно будет наблюдать вся камера, а это двадцать, тридцать, пятьдесят человек) каждый из первых семейников, претендующий на лидерство, обязательно будет надувать зоб. На такую демонстрацию презрения, развязности и враждебности не нужно обращать никакого внимания, делается это в расчете не столько на вас, сколько на публику и самого себя. Считайте такое обращение нормальным, в конце концов, у этих ребят есть перед вами, как минимум одно преимущество: они уже прошли те этапы, которые у вас еще впереди. Тюремный опыт можно пополнять и двадцать лет, но наиболее стремительно он накапливается в первые недели пребывания в тюрьме.

После общения с первой семьей вам определяют спальное место. Оно не будет самым удобным, но и самым плохим тоже не будет. Вас еще не знают, а места возле дючки уже заняты теми, кто в силу обстоятельств записан в разряд шнырей, полотеров и чертей. Петухов, вопреки расхожему некомпетентному мнению, в камере нет. Сидеть с петухом – «западло». Выявленный или «вновь созданный» петух должен «выламываться» из хаты и в последующем сидеть в одной камере с такими же, как он сам. Надо признать, в последнее время

это правило стало частенько нарушаться, жёсткость традиционных норм поведения постепенно смягчается.

Занимайте свое спальное место и попытайтесь устроиться на нем с «комфортом». Хорошо, если вам достанется кусочек нары шириной сантиметров сорок, может вообще не достаться, тогда придется спать по очереди с кем-то. Попробуйте не расстраиваться, отнеситесь к этому, как к испытанию, которое вы обязаны преодолеть. Вы не первый – другие выдержали, должны выдержать и вы. Во всяком случае, по сравнению с арестом и возможным (или неизбежным) сроком теснота, духота и недоброжелательность – мелочи жизни.

В камере к кому попало обращаться не следует. Если этот человек в камерной иерархии стоит выше вас, то он может расценить ваше обращение как выпад и претензии на более высокое место, если он ниже вас – в глазах окружающих вы уроните себя. Так как у вас возникнет много вопросов по устройству быта, обращайтесь за советом к тем, кто лежит рядом с вами. Они такие же, как вы, поэтому общение будет достаточно легким.

Взаимоотношения между зэками в общей камере в силу ее многолюдности и тесноты складываются гораздо сложнее и конфликтней, чем в тройнике. Причем возня (именно возня, а не борьба) за «место под солнцем» происходит на всех уровнях, а не только в лидирующей верхушке. Вариантов этой возни много, но общие принципы противодействия ей имеются.

Во-первых, относитесь к недобрым проявлениям в свой адрес максимально спокойно, не давайте нервишкам шалить. Обдумывайте каждое свое действие и слово. Маловероятно, что вы встретитесь с открытой неприязнью, агрессией или оскорблениями. Так в тюрьме себя может вести только шизофреник или провокатор, обычный зэк ведет себя покоррктней, чувствует свою беззащитность и зависимость от множества обстоятельств. Если же это произошло, то нечего думать – бить в рожу или не бить? Конечно, бить! Причем бить сильно, точно, жестоко, бесстрашно и без остановок. Хуже не будет. Вас остановят, можете не сомневаться. Хуже будет, если проявите трусость или милосердие. Евангельская модель поведения в тюрьме не годится. Если вас ударили по левой щеке, а вы подставляете правую, то можете уверенно рассчитывать, что скоро придется подставить и другую часть тела. Но такое стремительное развитие конфликта случается редко, обычно время на размышление есть.

Во-вторых, анализируйте ситуацию. Если вас кто-то попытается подмять под себя, то будет делать это постепенно, должна быть заметна динамика. Если этот кто-то разговаривает с вами так же развязно, как и со всеми, то нечего тратить на него нервы. Тут ничего не поделаешь. Рожденный чертом умрет с рогами. Если этот кто-то сегодня разговаривает с вами чуть развязно, завтра развязно, а послезавтра совсем развязно, то нужно что-то делать, чтобы его подвязать. Если этот кто-то разговаривает с вами развязно, а с другими нет, то нужно срочно что-то делать.

Обычно достаточно просто строго поговорить. Без угроз и оскорблений, без негритянской жестикуляции, обезьяньей мимики, брызганья слюной и других понтов. Нужно просто объяснить человеку, что его рожа вам не нравится, а в камере достаточно места, чтобы не замечать друг друга. Во время подобного разговора смотреть в глаза нельзя, прятать глаза нельзя, «бегать» глазами нельзя. Все это проявление слабости. Нужно либо смотреть в переносицу, это всегда сбивает с толку – взгляд вроде бы открыт, а ничего в нем не прочитаешь, либо смотреть постоянно в одну точку мимо лица собеседника – у любого это подсознательно вызывает тревогу – что он там видит? Смерть с косой? Архангела Михаила?

В-третьих (и в главных). Не провоцируйте конфликт сами, не реагируйте на поведение окружающих болезненно. Неосторожный толчок, неприличный жест

или невежливое слово могут вырваться у кого-то случайно. Учтите, у сокамерников нервы напряжены так же, как и у вас. В тюрьме расслабленными бывают только мертвецы.

Не спешите «утвердиться» в камере. Не лезьте со своим мнением или советом. Можете не сомневаться, что пройдет немного времени, недели две, месяц и, если вы умный, все будут знать, что вы умный, если вы дурак, все будут знать, что вы дурак. Тюремное общественное мнение обмануть невозможно, это только встречают по одежке, а потом каждый занимает то место, которое он должен занять.

Если в первый или второй день после вашего прибытия в камеру вам предложат влиться в чью-то семью, не спешите с согласием. Не исключено, что чуть позже вам предложат стать семейником люди более уважаемые. Но и грубо отказывать нельзя, так вы потеряете расположение, которое к вам проявили люди. Надо поблагодарить и что-нибудь соврать. Например, что адвокат уже решил вопрос об изменении вам меры пресечения с ареста на подписку о невыезде, и вы не сегодня-завтра будете на свободе. Или что вы решаете вопрос о переводе вас в тройник. После этого нужно еще раз поблагодарить. Вообще, в тюрьме не нужно бояться быть вежливым. Вежливость и заискивание – абсолютно разные вещи. Пройдет немного времени, рассмотритесь в хате – тогда и входите в семью.

«Прописок» бояться не надо. Прописка как обязательный ритуал встречи новичка давно исчезла. Потеряла она также строгий порядок и последовательность действий и сопровождающих их слов. Но не исключено, что кому-то придет в голову проверить вас на «вшивость»: посмотреть, как вы поведете себя в неприятной ситуации. Если вы не знаете, как отвечать на вопросы типа «что будешь есть – хлеб с параши или мыло со стола» (а эти вопросы и ответы на них сейчас могут знать только придурки, которых больше ничего в жизни не интересует), то и не отвечайте ничего. Посоветуйте спрашивающему уйти от вас, не мельтешить, у вас голова болит. А если он будет настойчив, спросите у камерного рулевого, здесь чертей принято бить или как-то по другому поступать? Если вдруг скажет, что принято бить – значит, надо бить. Даже если вы на пять весовых категорий легче и никогда подобную науку не осваивали. Победителем здесь будет не сильный или умелый. В тюрьме оценивают не технику или артистичность исполнения, а характер. Но руль вряд ли так скажет, ему нужна тишина в камере. Поднимется шум – постовой контролер нажмет кнопку тревоги, через две минуты прибежит буц-команда, и тогда в камере всем душно станет, всем без разбора, разборы будут потом. А после разборов душно станет уже рулю.

Существует еще одно абсолютно глупое массовое заблуждение о тюремных обычаях, мол, чуть сделал что-то не так, и тебя «опустили». Заблуждение это распространяется потому, что на свободе более всего эту тему развивает тот, кто сам, как говорится, весь срок от члена бегал (говорится, конечно же, чуть грубее). Гомосексуализм в тюрьме развит гораздо меньше, чем хотелось бы тем, кто любит на эту тему поговорить. Интересы он для основной массы зеков не представляет никакого, и обсуждать это явление считается неприличным. «Опускают» же в тюрьме либо в виде наказания (это, действительно, страшное наказание, обратной дороги из этого позора нет, даже если «опустили» по ошибке), либо по беспределу (это бывает намного реже).

В виде наказания могут «опустить» за серьезный проступок: невозвращенный долг, предательство, беспредел, контакт с петухом. Нормальному зеку это нисколько не грозит – не делай гадостей и не будешь наказан. По беспределу же «петушат» каких-то несчастных людей: физически ущербных, дебилов, опустившихся наркоманов или алкоголиков. Иногда для любителей интерес представляют молоденькие зэки со смазливой мордашкой, но все зависит только от их поведения. Нормальному зеку это опять же не грозит.

Крайне редко бывает, когда кого-то «опустили» по оговору. Но и в этом случае несчастные были сами виноваты в том, что не смогли непреклонно защитить свое достоинство. По тюремным понятиям, если тебя в чем-то обвинили, а ты не стал активно себя защищать – это явный признак вины. Но эти случаи настолько редки, что не стоит принимать их во внимание.

Устройство быта

Устройство тюремного быта – задача и простая, и сложная одновременно. Простая потому, что от вас особо ничего не зависит, приходится жить по уже заведенному распорядку. Сложная потому, что в этих жестких условиях надо находить возможность для активного существования. Главная цель в устройстве быта – сохранение физического и психического здоровья, точнее, максимальное противодействие физическому и психическому разложению.

В тюрьме существует только один фактор, который благоприятно воздействует на здоровье – жесткий распорядок дня. Это не преувеличение. Непрерывный восьмичасовой сон строго в ночное время, прием пищи в раз и навсегда установленные часы оказывают на организм человека положительное влияние. Многие бывшие зэки, попавшие в тюрьму в молодом возрасте и отсидевшие солидный срок, помнят впечатление от встреч на свободе со сверстниками, одноклассниками, друзьями детства – вчерашними юношами с «пивными» животами, мясистыми опухшими лицами, вчерашними девочками – располневшими, расплывшимися, обабившимися. А он сам как не имел ни грамма лишнего веса, так и не имеет. У рецидивистов даже выражение такое есть: сидеть, значит быть на консервации.

Распорядок дня – это, конечно, хорошо, но, пожалуй, хватит о хорошем, больше его не будет. Дальше только проблемы.

Тюремная еда никогда не отличалась изысканностью, разнообразием и калорийностью, хотя по существующим нормам она, вроде бы, рассчитана так, чтобы обеспечить человеку нормальную жизнедеятельность. Но это только вроде бы. Когда у власти были коммунисты, тюремная пайка была беднее нынешней – меньше мяса, меньше жиров, хлеб спецвыпечки, похожий на глину. Но, надо отдать должное тюрьмам того времени, продукты закладывались в котел полностью или почти полностью. Иногда доходило до парадокса: сотрудники тянули домой отличную нежную селедку, которая на свободе давно уже стала бешеным дефицитом, а в тюрьму упорно поступала по, наверное, еще бериевским схемам распределения. И заметьте – сотрудники тянули, а зэки были сыты. Тогда в тюрьмах и зонах, конечно, никто морду не наедал, но и что такое дистрофия, тоже не знали.

Времена изменились. Нормы питания увеличились но, как ни странно, уменьшились. Вместо мяса – бульон из костей, вместо растительного масла и смальца – пленка жира, собранная с того же застывшего бульона, селедка утонула вместе с Советским Союзом, ее заменила тощая килька. Вот только хлеб еще хуже не стал, теперь в тюрьмах его выпекают самостоятельно, так дешевле, и получается такая же дрянь, как и спецвыпечка для советских тюрем.

Спасает то обстоятельство, что зэки вынужденно ведут малоподвижный образ жизни, тратят мало энергии и меньше нуждаются в ее восполнении. Но все же жрать хочется.

По возможностям питаться зэков условно можно разделить на четыре группы.

Первая – это те, за кого быстро, настойчиво и грамотно решаются все вопросы на свободе. У них еда есть всегда, и есть в избытке. Таких людей совсем немного, и о них речи нет.

Вторая (примерно треть) – это те, кому регулярно передают забытые по максимуму передачи. Даже при условии, что они с кем-то делятся, и при прохождении цепочки «прием передачи – ее досмотр – доставка зэку» она теряет в весе, для тюремной жизни еды вполне хватает. Таким людям можно дать два совета: раз в день (лучше, если это будет обед) есть горячую жидкую пищу, во всяком случае, брать баланду, вылить ее в парашу никогда не поздно, и всегда сохранять небольшой запас продуктов – вдруг передачу не принесут, мало ли, что родственникам помешает.

Третья группа – это те, кому передают «дачки» нерегулярно или дачки не такие уж и «пушистые». Этих людей тоже около трети. В их ситуации носом крутить уже нельзя, нужно есть все, что дают. Имеющиеся продукты из передач нужно распределять таким образом, чтобы основной дефицит тюремного рациона – белки и витамины – поедались равномерно, а не сразу (если, конечно, в голове хватает клепки, чтобы понять, где именно содержатся белки, и где витамины. Для сведения: традиционный деликатес тюремного стола – сало – не содержит ни белков, ни витаминов).

Ну, а представителям четвертой группы (таких тоже примерно треть), которые вообще не получают передач, можно только посоветовать питаться регулярно, тщательно пережевывая баланду (хотя что там пережевывать?). А, если серьезно, то им придется столкнуться с неожиданной проблемой. Несмотря на постоянное чувство голода, через несколько дней пребывания в тюрьме баланда перестанет лезть в горло. С этим нужно бороться, заставляя себя съесть всю пайку.

В условиях скудного питания, малоподвижного образа жизни, отсутствия свежего воздуха и наличия постоянного мощного стресса даже крепкий организм быстро ослабевает и становится объектом для самого распространенного в тюрьме страшного заболевания – туберкулеза легких или, как его обычно называют зэки, – тэбэцэ. Чтобы не сдохнуть от чахотки (а для того, кому нечего жрать, лекарств никогда не найдется), стоит через силу съесть все.

Можно еще посоветовать бросить курить и обменивать сигареты (если они есть) на продукты, но, пожалуй, это совет пустой – у того, кто не получает передачи, и курева нет, да и бросить курить в тюрьме вряд ли возможно).

Спать надо как можно больше. Приучить себя постоянно спать несложно, в помещении со спертым воздухом это легко достигается, сонливость ощущается всегда. Да и времени для сна здесь побольше, чем на свободе, где мало кто умудряется всегда спать ночью и по восемь часов. Тюрьма, конечно, не армия, после отбоя жизнь в ней отнюдь не умирает, но все же с наступлением ночи становится намного тише. Сон восстановит физические силы, недостаток которых испытывает любой зэк и, что самое важное, сон – единственный способ изолировать себя от жуткой реальности и хотя бы в сновидениях пожить другой жизнью (это на жаргоне называется «слетать в страну дураков»). Сон необходим для сохранения угасающих душевных сил.

На прогулку отводится только один час в сутки. Причем в этот час включается время выхода зэков из камеры, время, в течение которого их пересчитывают, время движения к прогулочным дворам, время на отпирание-запирание дверей и время на все это кино в обратном порядке. Для самой прогулки времени остается не так уж и много. Плюс к этому «прогульщики» (так называют контролеров, которые проводят прогулку) еще и стараются ее

сократить, чтобы раньше закончить осточертевшую работу. Это им легко удастся – у зэков часов нет, часы запрещены. (Почему – не знает никто, даже тот, кто утвердил этот запрет, это очередная бюрократическая глупость).

Поэтому каждую минуту прогулки нужно использовать с максимальной отдачей. Никогда не отказываться от прогулки, не обращать внимание на дождь, снег, мороз, отсутствие теплых вещей. Для такого короткого пребывания на воздухе это не может быть помехой. В прогулочном дворе нужно как можно глубже дышать, внушить себе, что со свежим воздухом вы вдыхаете здоровье и силу. Нужно больше смотреть на небо. С точки зрения психологии, так вы переключаетесь на другие впечатления и тем самым уходите от «давления» тюремных стен, а с точки зрения парапсихологии, эффект еще более интересный (если, конечно, в это верить). Экстрасенсы утверждают, что вся тюремная территория и помещения настолько «пропитаны» отрицательной энергией, что представляют собой «черную дыру» в пространстве. Светлую энергию можно получить, соприкоснувшись взглядом с небом. Нужно попробовать, хуже точно не будет.

Соблюдение личной гигиены – серьезная проблема, особенно в общей камере. В поезде ездить приходилось? Тогда представьте утро в плацкартном вагоне, где работает только один туалет. Теперь еще представьте, что двери в туалете нет, и окна для вентиляции не откроешь. Вот так и в общей хате. Какая уж тут гигиена. А осознание того, что ваш внешний вид никого не интересует, даже вас, так как зачастую в камере и маленького зеркала нет, невольно порождает предательские мыслишки: не умываться, не бриться, не мыть руки. С этим надо бороться сразу и жестко, не давая себе раскисать и опускаться. Подобный процесс в дальнейшем приведет к утрате воли, апатии, депрессии и уродливой деформации личности.

Зэки, зажатые в тесноте душной камеры, становятся мишенью любого инфекционного заболевания. Чтобы хоть как-то защититься от этого, надо как можно чаще мыть руки, умываться и обязательно ходить в баню, тем более, что это удовольствие бывает не чаще, чем раз в неделю. Свои вещи никому не давать, чужие не брать, стараться реже пить с другими зэками из одной кружки. Полностью этого избежать, скорее всего, не получится, тюремные традиции очень сильны – чай или, как его по старинке называют, чифир, принято пить из одной кружки.

Хорошо бы, выходя на прогулку, брать поочередно свои вещи и вытряхивать их. Но маловероятно, что это будет получаться регулярно, «прогульщики» не разрешат, нужно договариваться. А договариваться с контролерами почти всегда чего-то стоит. Тюремщики над этим вопросом не задумываются, полагая, наверное, что проветривание одежды и спальных принадлежностей автоматически осуществляется во время обысков. (Примечательно, что при обысках они сами дышат этой отравленной пылью).

Стирка – не меньшая проблема. Моющих средств хронически не хватает, тазов нет вообще, хорошо, если кому-то родственники передали. В камере из крана течет либо холодная вода, либо никакая, воду надо греть маленьким кипятильником, а розеток тоже не хватает. Можно успеть постираться в бане, но возникает другая головная боль – где сушить мокрые вещи? Когда у тебя жизненного пространства меньше, чем у цепной собаки, сушка становится сложной задачей.

Заниматься физическими упражнениями (это называется «заниматься спортом», хотя побед и рекордов, конечно, никто не устанавливает) зэков не заставляют, но и не запрещают. И слава Богу! Лет двадцать назад, если зэк бегал по прогулочному двору, ему «цепляли полосу» – ставили на учет как склонного к побегу. (Выражение «прицепить полосу» связано с тем, что на всех сопроводительных документах «побегушника» – личном деле, карточках –

рисуеться наискосок жирная красная полоса). Если зэк «качался» или отрабатывал удары, говорили, что «это он, сука, против нас тренируется!» и сажали в карцер, где в то время были такие нормы питания, что только бо ноги не протянуть, уж какой там спорт.

К счастью, сейчас с этим вопросом все наладилось. Хоть тюремщики и поглядывают с опаской на иного крепкого, тренированного зэка, но запретить спорт не могут. Этот факт нужно использовать на всю катушку, даже если на свободе вы физкультуру не жаловали. Спорт в тюрьме – лучшая профилактика от всех болезней. В камере, конечно, им особо не позанимаешься – тесно, в прогулочном дворе тоже тесновато, но все-таки место найти можно. В каждом дворе есть (во всяком случае, должно быть) подобие гимнастической перекладины и параллельных брусьев. Делайте, что угодно: подтягивайтесь, отжимайтесь, приседайте, есть место – бегайте по кругу, нет места – прыгайте, как будто на скакалке, боксируйте с тенью.

Иногда зэки делают из тряпок мяч, и играют им в футбол. Но, как правило, находится идиот, который это запрещает, и мяч отбирают. Почему-то мало кто из тюремщиков понимает, что чем больше зэк выбросит из себя «дурной» энергии, тем он будет спокойней и доброжелательней. Иногда зэки играют в «слона», это хорошая игра – атлетичная и заводная, но в тюремном дворе опасная. При падении «кучи-малы» на бетонный пол кто-нибудь обязательно травмируется.

Чего делать нельзя – так это боксировать в спарринге и бороться. Перепуганный попкарь подумает, что зэки подрались, и дальше все пойдет по стандартной схеме: тревога – прибытие буц-команды – укладка всех носом в пол – поиски виноватых – наказание невиновных.

Заниматься спортом нужно каждый день, не давая себе никаких послаблений и твердо помня великую латинскую поговорку: здоровый дух бывает только в здоровом теле. А без здорового духа остаться в тюрьме полноценным человеком невозможно.

Очень важно правильно распределить свой досуг. Если на свободе любой нормальный человек испытывает нехватку времени, то в тюрьме другая проблема – чем бы его заполнить? Самое важное занятие для зэка – обдумывание перспектив уголовного дела, существующего «расклада» и своих будущих показаний. На это времени жалеть не стоит. Нужно завести общую тетрадь (ее может передать адвокат или родственники в передаче), в которую записывать все, что относится к уголовному делу: даты, содержание документов, суть только что прошедшего допроса, беседы с адвокатом, свои предположения, планы и наметки. Записывать надо все и максимально подробно, не лениться. Все это в ближайшем будущем может пригодиться. Записи зашифровывать нельзя, тюремщики при обысках их читать все равно не станут, это им не интересно. Но если они наткнутся на непонятный текст, то обязательно заинтересуются и тетрадь заберут. Поймут – не поймут, что там написано – неизвестно, но тетрадь, скорее всего, назад не вернут, а просто выбросят. А вы никому ничего не докажете.

Чтобы не свихнуться, не нужно раздумывать над уголовным делом двадцать четыре часа в сутки, хватит и четырех-пяти. Остальное время можно посвятить общению с сокамерниками, чтению библиотечных книг (меняют их нечасто, поэтому нужно читать все подряд) и газет. Настоящим окном в мир является телевизор, радиоприемников в тюрьме нет – запрещены.

Еще один идиотский запрет. Авторы всех запретов – чиновники тюремного ведомства – до сих пор, похоже, не могут «въехать», что Советского Союза с его идеологией нет, и «Голос Америки» на пару с «Немецкой волной» никак не испоганят ранимые зэковские души. «Умники» же рангом пониже, свято верящие в то, что раз начальство сказало, значит в этом всегда есть

смысл, уверены в том, что изобретательный и зловредный зэчка из приемника изготовит радиопередатчик. Интересно, какую часть тела надо иметь на месте головы, чтобы не задаться двумя вопросами: как именно зэк умудрится голыми руками сделать из дешевенького приемника передатчик и, главное, что и кому он будет передавать? «Юстас – Алексу»? Да за червонец любой продажный попкарь отнесет записку по указанному адресу, а за чуть более солидную сумму принесет в камеру мобильный телефон.

Если есть возможность передать вам телевизор, обязательно нужно ее использовать. В народе (имеется в виду – в неопытном народе) считается, что телевизоры в камерах есть только у самых «крутых». Это мнение иногда укрепляют и публикации, хотя журналист наверняка такой же неопытный, как и его читатели. Каких-либо ограничений на передачу конкретному зэку телевизора не существует, его могут передать не только родственники, а любые люди. Количество телевизоров в камере формально тоже не ограничено. Иногда жадненькие и нечистоплотные сотрудники тюрьмы используют незнание этих фактов для собственного обогащения, мол, телевизор от друзей принять не можем, пусть его привозит больная мама. Или – не примем, так как в камере уже один есть, но, конечно, для вас снисхождение можем сделать...

Желательно, чтобы телевизор был небольшой, не новый и его не жалко было бросить в тюрьме. Помимо возможности постоянно смотреть телевизор, его владелец имеет еще один немаловажный козырь: никому не позволено конфликтовать с хозяином «ящика», а вдруг его переведут в другую камеру, что тогда? На собственные рожи смотреть? Поэтому, если у вас есть телевизор, то в камере вам всегда будет удобно и ссориться с вами не будет никто.

Следственный изолятор – название довольно точное. Человек, попавший в него, действительно изолируется от общества. Свидания с родственниками предоставляются только по разрешению следователя. Практически этого не бывает никогда, трудно сказать почему, но даже взятки мало помогают в решении этого вопроса. Судьи свидания иногда предоставляют, но, во-первых, нечасто, во-вторых, только после того, как состоится одно или несколько заседаний, а, в-третьих, до этого еще досидеть нужно. Писем следственно-арестованный не получает – нельзя. Сам зэк писать может сколько угодно, но не отправят ни одного – не положено. (Ксивы и малявы, конечно, стаями летают из тюрьмы на волю и обратно, но это неофициально и незаконно).

Единственным законным каналом, через который зэк поддерживает связь с родными, являются продуктовые передачи. Так как дачки – это объект повышенного внимания, то нужно знать, как правильно их получать.

В соответствии с официальными документами к этим продуктам могут иметь отношение только сотрудники СИЗО, которые должны принять передачу от родственников по перечню, указанному в заявлении, произвести ее досмотр (нет ли в ней чего запрещенного: денег, записок, наркотиков) и выдать под роспись зэку по тому же перечню. Фактически же контролерам лень делать эту нелегкую и малоприятную работу (а, ну-ка, попробуй целый день перегружать продукты из сумки в сумку, разрезать колбасу, сало, хлеб и пересыпать сахар).

Все это проделывают немытыми лапами осужденные из числа хозобслуги. Эта публика (и контролеры, и зэки), называемая «дачники», хочет вкусно есть и приятно курить, хочет накормить свое начальство и кентов и еще, если получится, подзаработать на продаже излишков. Поэтому при любой возможности они стараются хоть что-то урвать от передачи. (По старым понятиям, в том числе и неписаным правилам тюремщиков, забрать у зэка кровное – а это пайка и торба, которую ему передали с воли – хуже, чем быть пидором. Но, похоже, об этих понятиях уже никто и не помнит).

Как правильно забрать свою передачу? Получив заявление от контролера, надо быстро, но внимательно его прочитать, чтобы «ухватить» общую картину. Попросить кого-нибудь из сокамерников помочь в оценке веса и объема продуктов. Взять шариковую ручку. Далее – не спешить. Дачник, будь это контролер или зэк, всегда будет поторапливать (вплоть до угроз), стараясь выдать передачу побыстрее – так легче обмануть. Никакой спешки!

Когда дачник сует в кормушку очередной продукт, надо найти его название в заявлении, вслух прочитать, например: «колбаса „Московская" – две палки», – и посмотреть, что он дал. Колбаса будет разрезана на куски, хотя для досмотра достаточно надрезать палку поперек или вдоль. Но так не делается никогда – как отщипнешь колбаски? Нужно эти куски сложить, пытаться восстановить палку. Если получилось – нормально, в заявлении отметить птичкой, если нет – предъявить эту «конструкцию» дачнику, указав на отсутствие гармонии. Ответ будет, типа, «это не я разрезал, ничего не знаю». Это верно, принцип разделения труда нужен еще и для того, чтобы избежать персональной ответственности. Но ваше дело – показать недостачу, что потом подтвердит вся камера.

Надо убедиться, что колбаса действительно «Московская», а не купленная где-то на вокзальном перроне. Или, например, если в заявлении написано чай «Dilmah», то на пачке должно быть написано то же самое, а не «Одесская махмара». На любое несоответствие нужно указать дачнику. Труднее всего это проделать с весовыми продуктами, весов-то нет ни у дачника, ни в камере. Но пытаться сделать это нужно. Штучный товар, например, пачки «Мивины», нужно пересчитывать. Если одной-двух не хватает – заявлять об этом. Прощать мерзавцам нельзя.

Получив все продукты, на обороте заявления нужно написать: «Не получил – (перечислить), получил не полностью – (перечислить). Остальное получил полностью. Дата. Подпись».

Идеальный вариант – не брать передачу вообще, если в ней чего-то недостает, но это себе может позволить только тот, кому и так еды хватает. В этом случае передачу довольно быстро пополнят. Тому, кто голодает, или у кого без курева «уши пухнут», отказаться от дачки невозможно. Другой вариант – не брать только те продукты, с которыми возникли недоразумения. Вряд ли недостачу восстановят, но потом легко будет доказывать свою правоту. Третий вариант – брать все, но потом при любой возможности добиваться восстановления справедливости.

Иногда бывает, что из-за небрежности в камеру приносят испорченные продукты – сахар, залитый подсолнечным маслом, или соль вперемешку с вареньем. Если видно, что продукт в пищу не пригоден – не брать. Главное – знать, что если на заявлении не будет вашей отметки о недостаче или порче продуктов, «кипишевать» смысла нет. И помнить, что в случае недоноса продуктов любые угрозы тюремщиков – пустой базар, начальство никогда их не поддержит за такие проделки.

Приятного аппетита!

Как ладят воры и менты

Большая часть зэков, впервые попадая в тюрьму, изначально настроена против администрации. Это объяснимо. В их представлении тюремщики – это солдаты той армии, которая «приняла», «закрыла», отдубасила бедолагу и

заставила подписать против себя все нужные и ненужные бумаги. Зэк, на основании имеющейся у него неполной информации, справедливо, как ему кажется, считает, что все менты (в самом широком смысле: милиция, прокурорские, судейские, тюремщики) – это один лагерь.

Буквально через несколько дней вся агрессия зэка по отношению к тюремщикам улетучится, станет понятно, что никакой целенаправленной злобы к нему они не испытывают. Тюремщики – такой же атрибут тюрьмы, как и решетки, колючая проволока или привинченный к полу табурет, поэтому зэки относятся к ним абсолютно нейтрально: ну, есть они и есть, куда ж от них денешься.

В тюрьмах бывшего СССР было намного жестче, хотя условия содержания мало чем отличались от нынешних. Дело в том, что идеология того государства, активно и умело вбиваемая в любую голову, учила и заставляла тюремщиков смотреть на зэков как на врагов. Ни один закон, хоть как-то защищавший убогие права зэков, не выполнялся, а выполнение его не поощрялось. Зэк был негодяй по определению, и любая грубость и насилие в отношении него считалась хорошим тоном. «Хороший зэк – мертвый зэк» – так переворачивалась поговорка покорителей американского Дикого Запада. Впрочем, это вызывало полную взаимность – «лучший кент – это мертвый мент».

Сейчас тюремщики, конечно же, не стали умней, честней, образованней и благородней. Даже наоборот. Но отсутствие идеологии в государстве в целом и структурах государственной власти в частности за десяток лет убило энтузиазм, служебное рвение, инициативу и злобность тюремщиков. Редкие из них сохранили какое-то представление о возмездии и справедливости – эти чудачки продолжают служить за идею. Часть тюремщиков, работая в тюрьме, просто отбывает номер – ничего другого делать не умеет, да и не хочет. Часть (наиболее продвинутая и многочисленная) смотрит на тюрьму, как на кормушку, параллельно с работой рубит копейку и, в общем-то, довольно добросовестно относится к своей официальной деятельности, понимая, что для того, чтобы и дальше хлебать из корыта, его нужно поддерживать в рабочем состоянии.

Лучше всего учиться этикету отношений зэков и тюремщиков у особо опасных рецидивистов. Официально их, правда, не существует, новый Уголовный кодекс эту публику не предусмотрел, но неофициально они в тюрьме еще с десяток лет пофигурируют, пока не сдохнут. Кстати, особо опасные рецидивисты (в документах сокращенно писали – ООР, как и общество охотников и рыболовов, называют же особистами, особняками, особыми) совершенно не похожи на портрет, который рисует воображение обывателя: гориллоподобный мужик с налитыми кровью глазами. Особисты – это рецидивисты, имеющие четыре, пять и больше судимостей, как правило, за кражи. Огромный тюремный опыт этих людей выработал у них великолепные способности притираться к любому человеку.

С администрацией (причем со всеми – от низа до верха) особист всегда приветлив, вежлив и доброжелателен, на его физиономии легкая улыбка (сразу и не рассмотришь, что это не физиономия, а волчья морда). Интонации разговора добродушно-насмешливые, но не заискивающие, в них присутствует легкая, едва уловимая ирония. Такая манера разговора с первых слов определяет его непринужденность и поверхностность и снимает напряжение у человека, к которому обращается рецидивист. А расслабив собеседника, уже можно и попросить его о какой-нибудь услуге.

Неписанные, но твердые правила тюремного этикета следующие: к молодому контролеру зэки обращаются на «ты» и по имени – Вася, Коля. Если имени не знают, то – «командир». К матерому старшине или прапорщику (хотя таких уже почти не осталось, руководство департамента от небольшого ума

поотправляло их на пенсию) обращаются на «ты», но по отчеству – Николаич, Иваныч. К незнакомому офицеру – «гражданин начальник» или по званию – «гражданин лейтенант», «гражданин майор». Часто неопытные зэки, особенно из числа служивших в армии, говорят «товарищ майор». Это вызывает у окружающих всего лишь улыбку, но лучше все-таки не ошибаться, можно в ответ услышать легкую грубость типа «твой товарищ лошадь в овраге доедает» или «я с тобой, мразь, по карманам не лазил, какой ты мне, на ... , товарищ» (в тюрьме это, действительно, легкая грубость, на которую никто не обращает внимания). Обращаться к офицеру «командир» не следует, ему это не понравится, в ответ можно услышать: «я тебе не командир, такой солдат, как ты, мне и на ... не нужен».

К знакомому офицеру обращаются на «вы» и по имени-отчеству или только по отчеству. Обращаться к нему на «ты» не следует, большинство тюремщиков (вплоть до самых верхов) – люди закомплексованные и неуверенные в себе, им необходимо, чтобы собеседник ненавязчиво подчеркивал их превосходство. Многим из них нравится, когда намекают, что они каждый день совершают подвиг. Если тюремщик сильный и уверенный в себе (таких немного), то панибратство ему все равно не понравится, он вас оборвет, легко «поставит в стойло», и дальнейшего нужного вам разговора не получится. И льстить такому тоже не следует, это будет его только раздражать, он-то знает, что работа в тюрьме – это не подвиг, а ковыряние в дерьме.

Отношения тюремщиков и зэков основаны на конфликте. Конфликт этот не личного свойства, это конфликт между Законом и Преступлением, но все же конфликт. И реализовывать его должны тюремщики.

Теоретически для того, чтобы работать в тюрьме, необходимы особые качества: психофизиологические, морально-волевые и профессиональные. Настоящим тюремщиком, безупречным сторожевым псом может стать далеко не каждый. Но из-за маленькой зарплаты, низкого престижа профессии и безработицы работать в тюрьму приходит кто попало. Знать об этих людях все зэку, конечно, ни к чему, но кое-что знать нужно.

Примерно половина тюремщиков боится зэков. Именно боится, постоянно пряча страх где-то в глубине души. Боится прямой агрессии, боится боли, боится крови, боится угроз, больше всего боится возможной расправы на свободе, где их не смогут защитить закон, форма, сотрудники и тюремные собаки. Страх этот объективных предпосылок абсолютно не имеет, агрессии со стороны зэков сотрудники подвергаются крайне редко (вопреки общепринятому представлению), да и результаты этой агрессии, как правило, – царапины и синячки, а на свободе от рук преступников тюремщики или бывшие тюремщики страдают не чаще, чем работяги или торгаши. Женщины-почтальоны, разносящие пенсии, и таксисты страдают намного больше. Но осознание этого факта страха все равно не уменьшает. Работает такой не за совесть, и только когда его контролирует начальственное око. В основном же старается с зэками в контакт вообще не вступать.

Еще процентов сорок сотрудников не боятся зэков, но и активно воздействовать на них не желают. Этим, как говорится, все по барабану. Эти тоже стараются с зэками поменьше общаться.

И лишь десятая часть тюремщиков представляет серьезную угрозу. Эти зэков не боятся, убеждены, что в любом случае они – гады, более или менее ядовитые, и проявляют в отношении них целенаправленную и умную агрессию. Только они активно и постоянно изучают незаметные глазу процессы, происходящие в зэковской среде, жестко и умело встраиваются в эти процессы, зачастую достигая при этом цели. Именно они находят наркотики, деньги, записки с воли, выявляют камерных лидеров, как бы те не маскировались под сереньких мужичков, грамотно составляют документы для наказания зэков и привлечения их к уголовной ответственности, придумывают хитроумные

комбинации, сталкивая зэков лбами и осуществляют, если надо, жестокие и эффективные противозаконные экзекуции. В то же время беспредел эти люди не любят и стараются его искоренять.

Тюрьма прекрасно знает, кто из тюремщиков к какой категории относится. Поэтому, если вам захотелось «покачать права» – обращайтесь к представителю первой группы, пошутить, похихикать или обсудить вчерашний футбольный матч можно со второй, а добиться справедливости – с третьей. Но Боже упаси попутать!

Есть еще одна существенная информация относительно персонала. Состав тюремщиков очень неоднороден. Коллективом их могут называть только в ведомственной газетке «Закон и долг», больше известной под названием «сучка».

Примечательно, что так эту газетку называют и зэки, и администрация до определенного уровня, что даже может служить своеобразным тестом: как только тюремщик, поднимаясь по карьерной лестнице, перестает называть газету «сучка», он из тюремщика превращается в чиновника, а чиновник даже в мыслях не может себе позволить раздражать начальство.

На самом деле их сбили в один личный состав по абсолютно внешним признакам, внутреннего единства среди них нет никакого. Отношения тюремщиков очень напоминают отношения зэков, по всей вероятности, они их подсознательно копируют. Причем, как для администрации тюрьмы не является секретом, кто из зэков с кем дружит, а с кем враждует, так и для зэков отношения между тюремщиками – не тайна.

Нужно обязательно учитывать эти отношения, решая свои вопросы, строя близкие и перспективные планы. Чтобы случайно не пожаловаться кенту на кента и не похвалить врага врагу. Но это – дипломатия, это – тюремный опыт, этому в книжке не научишь.

Изучая, присматриваясь, прощупывая конкретного тюремщика, помните одну важную мысль: мент – это профессия, а мусор – состояние души. Не всякий мент – мусор и не всякий мусор – мент. Для решения своих вопросов необходимо точно знать, мусор перед вами или нет. Если у вас вопрос честный, лучше подыскать мента почестнее. Гнилой вопрос проще решить с мусором.

Физическое воздействие

Больная тема. (В прямом и переносном смысле).

Если верить рассказам о тюрьме, зэков там лупят, как бешеных собак. Создается впечатление, что утро начинается с избиения зэков, продолжается это занятие целый день и вечер – до отбоя. Впрочем, иногда зэков бьют еще и ночью. Выходных, похоже, нет. Почему распространяется подобная глупость – объясняется легко. Серьезные и умные люди, побывавшие в тюрьме, не любят о ней рассказывать. Возможно, не любят и вспоминать – это определить трудно, но болтают о тюрьме они очень мало. Наверное, это были не самые приятные дни в их жизни. Может, есть еще какие-то причины. Эти люди могли бы распространить о тюрьме правдивую информацию, их бы, конечно, послушали. Умные тюремщики о тюрьме тоже рассказывать не любят – чем хвастаться? А так как и первых, и, особенно, вторых слишком мало, не каждому они встречаются – вот никто правды о тюрьме и не знает.

Основной поток информации исходит из газетных и журнальных публикаций (реже телепередач) и глупого «базара» разной шушеры, побывавшей в застенках. Публикации и телепередачи не то, чтобы лживы, они слишком однобоки. Чаще они посвящаются какому-нибудь яркому событию, которое передают в угоду художественности искаженно и оторвано от реальности. Тюремная жизнь, в основном, состоит не из ярких событий, а из серой, утрюмой каждодневной скуки. Страшной скуки.

Рассказы большинства бывших зеков о тюрьме – глупые и умышленно искаженные. Основная тема, которая подвергается искажению – это беззлобные, унылые и блеклые отношения с тюремщиками (правильней сказать, отсутствие отношений). Вот и начинает такой рассказчик «плести» о жестоких массовых экзекуциях, индивидуальных избиениях, пытках и истязаниях. А как иначе показать себя героем? Рассказать, как в камере была неделю дючка забита, и весь народ провонялся дерьмом на полгода вперед?

Если верить руководителям системы, которую они сами ласково именуют словом, созвучным с названием мужского детородного органа, то зеков у нас не бьют никогда, мы приближаемся к европейским стандартам, строим в тюрьмах бассейны и, вообще, скоро каждого зека будем нежно целовать в задницу.

Врут и те, и другие. А правда лежит даже не посередине, а далеко в стороне.

Зеков, конечно же, бьют, но бьют вовсе не так часто и много, как это представляется. Доказать это очень просто. Дело тут, конечно, не в гуманности тюремщиков. С этим у них дефицит. Одно из главных качеств тюремного персонала – лень. Причем качество это выражено массово и ярко (если, конечно, можно допустить, что лень способна ярко проявляться). А теперь поверьте опыту бывалого человека: бить кого-то – занятие трудоемкое. Избивать человека физически ничуть не легче, чем колотить дрова или крутить ручку мясорубки. У вас для этих дел часто задор появляется? Поэтому тюремщику заставить себя ударить зека – чуть ли не подвиг совершить. Для этого нужна очень серьезная причина.

Дальше. Избивать человека (даже не имеющего возможности ответить агрессией на агрессию или хотя бы защищаться) нелегко в эмоциональном и моральном плане, всегда приходится преодолевать ощущение опасности и какой-то подлости, за которую можно ответить. Для этого нужна или принципиальная позиция, или сильные эмоции (возмущение, гнев, ярость). Принципов у большинства тюремщиков нет, а на сильные эмоции они, в основном, не способны, говоря научным языком, мотивация достижения слишком низка, а если попроще – огонька маловато.

Поэтому беспричинно зеков вообще редко бьют (разве что с кем попутают) и, скажу больше, многое из того, за что и надо бы надавать «по бочине», им сходит с рук.

Бьют зеков в пяти случаях:

- 1) в «воспитательных» целях, в качестве наказания за проступки и профилактики возможных проступков;
- 2) в целях «борьбы с преступностью», для получения признательных показаний по уголовному делу или информации по тюремному правонарушению;
- 3) по заявке каких-либо заинтересованных лиц – потерпевшего, например;
- 4) из личной неприязни;

5) из «садистских» побуждений.

Первый случай (около 70%) – наиболее распространенный. Большинство тюремщиков к уголовному делу никакого отношения не имеют, с потерпевшими не знакомы, а личной неприязни к зэку испытывать не могут: они не знают друг друга. Бьют же зэков за самые разные проступки: от выглядывания в окно (это называется «висеть на решке» – имеется в виду решетка) до пьянок и физических расправ в камере. Бьют больно и жестоко, но, как ни странно, лениво. Бьют не потому, что считают этот путь наиболее эффективным, не потому, что эмоции выплескиваются через край, а потому, что идти законным путем невыносимо трудно. Нужно отбирать объяснения, писать рапорта, составлять акты, делать выписки и копии, придумывать какие-то заключения и постановления. Да еще для этого требуется знание грамоты и наличие какого-либо интеллекта (где ж их взять?). Куда проще: надавал зэку палкой по заднице – и проблема решена.

Как вести себя в случае, если вы попали под подобную раздачу?

Первое. Можно посоветовать расслабиться и получить удовольствие. Это, конечно, шутка. Теперь серьезно. Постарайтесь терпеть, проявите максимальную стойкость, не пытайтесь разжалобить тюремщиков демонстрацией боли – результат будет обратный. Люди слабые, почувствовав вашу слабость, подсознательно попытаются утвердиться, увидеть вас еще более слабым, а себя на вашем фоне, соответственно, сильным. А на людей сильных ваши сопли вообще никакого впечатления не произведут: бить-то вас все равно нужно.

Мужественная реакция на побои подсознательно вызовет страх у слабых и уважение у сильных. Имеется в виду не презрительная улыбка, гордый взгляд, угрозы и оскорбления в адрес тюремщиков (не стоит дразнить гусей), а просто сведенные до минимума стоны и максимальная отрешенность от происходящего.

Второе. Подавите страх, который, естественно, возникает в этой ситуации. До смерти вас точно не забьют. И очень сомнительно, что покалечат. Подобные случаи, конечно, бывали, но все же они крайне редки. Бьют тюремщики так, чтобы было больно, но телесные повреждения не причинялись. Поэтому не бьют по голове, шее, груди, животу, в пах, средней и нижней части спины, конечностям. Бьют, в основном, по заднице, реже по верхней части спины (по «горбу»). Оружие, как правило, резиновая палка, реже – ботинки. Бить кулаками обычно никто не умеет – самому легко травмироваться.

Третье. Подавив страх, прогоните гнев, ненависть и злость. Скрыть эти эмоции в такой экстремальной ситуации невозможно, а если они будут у вас проявляться, это вызовет аналогичную ответную реакцию. Вам достанется еще больше. Гоните мысли о несправедливости, беззаконии и беспределе. Об этом подумайте на досуге, благо, досуга в тюрьме много. Отнеситесь к экзекуции как к хирургической операции: больно, но придется потерпеть.

Четвертое. Прогоните стыд. Это нормальная реакция любого мужика, если он, конечно, мужик не только потому, что носит штаны, – когда тебя бьют, а ты не можешь ответить – становится стыдно. Не стыдно! Вы действительно ничего не можете сделать. Ничего! А любая сильная отрицательная эмоция принесет вашему здоровью вреда больше, чем побои.

Пятое. Любая экзекуция сопровождается диалогом. (Ничего себе, диалог! Одни рычат и рывкают, другому и рта не дают раскрыть. Но все же – это диалог). Старайтесь не возражать. Если считаете нужным возразить, говорите спокойно и рассудительно, без истеричных воплей и всхлипываний.

Никогда не говорите категорично: все было не так! Скажите: было не совсем так. Если вас стали слушать – это уже половина победы. Постарайтесь, чтобы вас поняли. Как ни противно, будьте дружелюбны, это сбивает пыл с любого. Если знаете, что в чем-то виноваты – признайте вину. Не хотите признать – начинайте врать (как именно – сказано выше).

Шестое. В жизни всегда есть место юмору. Если после того, как вам надавали по заднице, вы «добродушно» скажете «спасибо за науку», – девяносто процентов вероятности, что бить вас больше не будут.

Второй случай – экзекуции с целью получения информации (15% от общего числа экзекуций). Это может коснуться только тех редких эков, попавших в тюрьму за «звонкие» преступления, с раскрытием которых у правоохранителей не ладится. Гораздо чаще так выясняют обстоятельства какого-нибудь тюремного правонарушения. Эта проблема не касается основной массы эков, но если кого коснулась – дело серьезное. Такой вид насилия представляет систему, и, хотя эти экзекуции происходят не каждый день, а только время от времени, они все равно продолжают. Обычно они сочетаются с другими методами незаконного воздействия: надуманными лишениями передач, водворением в карцер, применением наручников или смирительной рубашки и «прессом» в камере.

Единственная «радость» от этой ситуации – осознание своей неординарности, немногим уделяется такое внимание. Подобное внимание оказывается, как правило, в первые дни, максимум, недели после заезда в СИЗО. Скоро, к счастью, оно иссякнет.

Что нужно делать, пока внимание не иссякло. Важно, что с вами будут общаться (в том числе и бить) только оперативники. Глупых попкарей рядом не будет. Опера – народ пограмотней и помышленей большинства сотрудников, с ними можно разговаривать и находить общий язык. Постарайтесь понять, что от вас хотят. Когда поняли, хорошенько подумайте, а нужно ли скрывать то, о чем вас спрашивают? В рассуждениях исходите только из рациональности и здравого эгоизма, по принципу «выгодно – невыгодно». Выбросьте из головы глупые понятия типа: с ментами общаться «впадлу», рассказывать о чем-то – впадлу, сдать какого-то негодяя – впадлу. А вам не кажется, что этот негодяй вас уже пять раз сдал? Вот и подумайте.

Учтите, что доказательную силу имеют только показания, подписанные вами в протоколе допроса. Все другое – информация к размышлению. Пусть размышляют, кому есть, чем размышлять. Что бы вы не сказали оперу – он это никуда не пришлет. Сказки о каких-то диктофонах-микрофонах – это детский лепет. В уголовное дело пленки, записанные таким образом, не втиснешь, да и на всю тюрьму вряд ли найдется два неполоманных диктофона.

Поэтому, если вас все же стали пытаться (в данной ситуации это слово самое верное – у вас, действительно, хотят что-то выпытать), постарайтесь быстро понять, что именно от вас хотят услышать.

Выражение «допрос третьей степени с пристрастием» знают все. Но никто не понимает. С пристрастием в тюрьмах никого не допрашивают, наверное, с 1953 года. Само по себе признание в преступлении никому не интересно, нужны доказательства. А для этого допрашивать надо беспристрастно, иначе истина уйдет в сторону. Что же касается «третьей степени», то это и есть допрос с применением пыток, истязаний, причинением физической боли и нравственных страданий.

Допрос третьей степени (совершенно запрещенный законом, но от этого совершенно не забытый) – это действительно допрос, сыскное действие, и проводить его – наука (кстати, по В.И. Далю, одно из значений слова

«сыск» – допрос, иногда с пыткой). Можно с уверенностью сказать, что в тюрьме этой наукой практически никто не владеет. Сделать больно могут многие, выпытать правду – единицы.

Дело в том, что любой допрашивающий имеет общее представление о конечной цели допроса. Он предполагает результат, ожидает ответ и, осознанно или неосознанно, хочет его услышать. Даже если вы скажете правду, но она не будет совпадать с тем, что от вас хотят услышать – вас будут продолжать мучить. Поэтому путем проб и ошибок (только постарайтесь поскорей) надо направить разговор в нужную сторону. Услышав правдоподобную (а, точнее, удобную для них) версию, опера успокоятся.

Каждая ситуация, порождающая подобный допрос, своеобразна, и каждый такой допрос «очарователен» по-своему. Следующий пример, думается, универсален, во всяком случае наглядно показывает умное направление действий.

Один зэк – придурок, назовем его А., задумал «загнать» в тюрьму какие-то деньги. Не имея своих «ног» (ногами, гонцами, почтальонами называются сотрудники, поддерживающие неслужебные связи с зэками, заносящие в тюрьму деньги, чай, спиртное или выносящие записки), он обратился к Б., у которого «ноги» были. Тот за определенную долю согласился, взял у А. записку с просьбой передать деньги, и все. То есть А. взамен ничего не получил – типичная для тюрьмы ситуация. А., побывав на свидании, узнал, что записка дошла по адресу, и деньги были переданы. Б., естественно, «включил мороз». А., будучи все-таки придурком, за правдой обратился к администрации. Его, конечно же, посадили в карцер, и вспоминать о нем больше нет смысла.

Работать оперативники стали с Б. Тот долго запырлялся, все отрицал, изворачивался (по неписаным «нормам» оперотдела, долго – это минут пять), после чего на него надели наручники. Хорошо надели, от души. Б. завизжал, как недорезанный кабан, и заявил, что все расскажет, только пусть снимут наручники. Ему объяснили, что в этой фирме авансы не выдают, пусть вначале расскажет, а там видно будет.

Рассказал. Записку он передал контролеру В. Позже, уже без наручников, он спокойно, связно и последовательно описал, как договаривался с контролером, как тот прятал записку под погон шинели и т.д. Деньги, конечно же, контролер ему не принес. Все бы хорошо, да вот беда – В. сменился после дежурства и на службу придет только через трое суток, а живет он где-то далеко за городом. Решили подождать.

Через три дня состоялась «очная ставка». (Вообще-то, очная ставка – это следственное действие, осуществляемое только в рамках уголовного дела, но в народе так называется любой процесс, по сути ее напоминающий). Этот «цирк» продолжался часа полтора. Зэчара, глядя в глаза контролеру, клялся в своей правоте, а возмущенный контролер пытался набить рожу зэку, причем поведение обоих было совершенно естественным. Так как контролеру наручники не наденешь (в ходе подобных «следствий» иногда и контролерам, и офицерам доставалось по ушам, но редко – это опасно, ведь у сотрудника, даже если он конченый негодяй, прав побольше, чем у зэка), его отпустили с миром. А зэка, естественно (ну, что ж делать?), снова забили в наручники. Снова завизжал он, как свинья, и снова «честно» рассказал: записку передал контролеру Г. На В. указал потому, что считает себя порядочным и сдать гонца не мог (ну, разве не петух?).

С Г. проблем оказалось еще больше: к этому времени его перевели служить в другое подразделение, и, чтобы его найти, понадобилась еще неделя. Очная ставка, а точнее, цирк с таким названием, повторилась во всех деталях. Отпустили Г. и снова стали надевать на Б. наручники. Не успели как

следует затянуть – он заверещал и рассказал очередную «правду»: записку он все-таки передал В.

Все. Сыск зашел в тупик: какие-либо доказательства добыть невозможно, а верить мерзавцу нельзя. Теперь он может рассказывать все, что угодно, в том числе и истинную правду, но толку-то что от этого? Пнули его опера еще пару раз, но пнули уже устало и разочарованно. А правду так никто и не узнал.

Проводить подобные допросы никто не любит. Делают это, как правило, по указанию начальства или по просьбе милиционеров. В обоих случаях тюремные опера больше заинтересованы показать результат, чем его добыть. Однако если речь идет о тюремных подробностях, например, кто занес водку в камеру, то результат будут стараться именно добыть.

Когда после подобного допроса вы вернетесь в камеру (вообще-то нужно сажать в карцер, в одиночку, но на это обычно у «следователей» не хватает трудолюбия), обязательно подробно опишите сокамерникам процедуру общения с указанием известных вам имен, фамилий или описанием внешности и характерных примет оперов. Они об этом очень скоро узнают, и это резко сдержит их служебное рвение. Раз вы об этом говорите в камере, значит, будете говорить адвокату, а позже – и судье. Доказать факт пыток практически невозможно, но объясняться, оправдываться и отписываться никто не любит. Тем более, что опера прекрасно знают – тюремное начальство сразу же отвернется от них, если возникнут неприятности. Защищать друг друга у тюремщиков не принято. Так же, как у эков.

Третий случай – избиения по просьбе заинтересованных лиц не из числа правоохранителей, а, как правило, потерпевших (2–3% от общего количества). Этот случай достаточно редкий. Хотя и появляется немало людей, заинтересованных в том, чтобы сделать зэку больно, реализовать это желание очень нелегко. Только единицы из всех желающих сумеют выйти на сотрудника тюрьмы, который сможет «обеспечить» зэку эту боль. Если это все же происходит, то такие экзекуции редки, бессистемны и, как правило, одноразовы. Тюремщику легче «нагрузить» заказчику ужасные подробности, чем реально бить зэка. Все равно заказчик это не проверит.

Также заказчики постоянно совершают ошибку, характерную для большинства людей, стараясь решить вопрос на как можно более высоком уровне. Думают, что так вернее. Как бы не так! Дороже – точно, наверху берут больше. Но пока указание «запрессовать» конкретного зэка спускается сверху вниз, оно на каждой ступеньке ослабевает в два раза. Каждый начальник строит из себя честнягу и законника, поэтому старается напрямую заказ не передавать, а говорить намеками. Да и большинство из них всю службу просидели пухлыми попами в мягких креслах и понятия не имеют, как это – «прессовать» зэка. Конкретный же исполнитель кивает головой и думает: «Ща-сс!.. Вам дали бабки, а я буду врагов наживать?». После этого имитирует экзекуцию, и на том дело кончается.

Четвертый случай – избиение из личной неприязни (2–3%). Это тоже довольно редкий случай. Учитывая лень и равнодушие тюремщиков, эту неприязнь у них трудно пробудить. Но иногда это все же происходит. Как правило тогда, когда у кого-нибудь из них возникли неприятности из-за конкретного зэка, например, из-за вас.

Чем ниже в тюремной иерархии стоит ваш обидчик, тем больше у него желания реализовать свои мстительные планы, и тем меньше у него возможностей. В тюрьме даже вывести зэка из камеры может далеко не каждый. Чем выше тюремщик будет стоять и, соответственно, чем больше у него реальной власти, тем меньше он будет обращать внимание на ваше существование, у него голова занята другими проблемами. Если все же подобная конфликтная

ситуация сложилась, то, во-первых, избегайте конфликтного поведения: не грубите, не дерзите, не пытайтесь дураку что-либо доказать и, во-вторых, постарайтесь поговорить по этому поводу с кем-нибудь из начальства. Это помогает в девяноста процентах случаев. Любой тюремный начальник понимает абсолютную бессмысленность подобного конфликта и не желает его продолжения. Он что-нибудь придумает, мер для этого достаточно.

Когда-то один умный зэк сказал, без сомнения, великую фразу: «Между зэками и администрацией бывают только мелкие стычки, настоящих конфликтов быть не может. Зэки не могут существовать без администрации, а администрация не может существовать без зэков. Конфликты бывают только у зэков с зэками и у администрации с администрацией. При этом зэки решают свои конфликты руками администрации, а администрация – головами зэков». Запомните эту мысль.

Пятый случай – «садизм» (10%). Это слово не случайно взято в кавычки. По общепринятому мнению тюремный персонал состоит из садистов, и именно садизм – основная причина избиений зэков. Мнение это абсолютно ошибочно. Садизм – это половое извращение, патологическое наслаждение, испытываемое от причинения физических или нравственных страданий другому человеку. Настоящего садизма в тюрьме фактически нет. В тюрьму приходят работать совершенно случайные люди. С такой же вероятностью садист может оказаться среди стоматологов или метателей копья. Специально садист в тюрьму работать не пойдет, дурная склонность – это мимолетный порыв души, а выбор профессии – результат работы какой-либо головы.

Если же садист в тюрьме все же оказался, то возможностей применить и развить свои паскудные отклонения у него отнюдь не так много, как кажется. Тюрьма – очень суровое и жестокое место, извращенцев не признают зэки и, следом за ними, не признают и тюремщики. Не только не признают, но и откровенно презирают. Зэки могут «опустить» извращенца, тюремщики, конечно, так не поступят, но в моральном смысле тоже могут «опустить» – сделать изгоем.

Конечно, приходилось наблюдать, когда у иного моего «коллеги» при виде боли и страдания начинали сверкать глазки, учащалось дыхание и губы становились слюнявыми. Но это подмечалось всеми окружающими и всегда подвергалось циничным комментариям, издевкам, а человек, склонный к проявлению садизма, быстренько корректировал свое поведение. Или уходил из тюрьмы. Поэтому истинных садистов среди тюремщиков нет вообще.

Ошибочно садизмом считают другое явление. Когда какой-то немытый черт, без царя в голове, привыкший к тому, что он всегда был человеком третьего сорта, приходит в тюрьму и получает власть над другими (в данном случае над зэками) – вот тогда держись. Вот здесь он расквитается за все свои обиды, унижения и комплексы неполноценности, вот здесь он оторвется. От такого и будут страдать невинные зэки. Но это явление, во-первых, не имеет никакого отношения к садизму, а, во-вторых, не настолько и страшное. Не у каждого такого мерзавца будет постоянная возможность издеваться над зэками. Да вообще таких возможностей мало. Тюрьму (еще в гулаговские времена) так здорово организовали, что любые действия каждого тюремщика контролируются его начальником, действия этого начальника – другим начальником и так далее. В тюрьме незаметно вообще ничего не происходит, обо всем становится известно. Поэтому такая прыть довольно быстро укорачивается.

Вычислить такого «храбреца» очень просто, он во всем чуть-чуть переигрывает: чуть громче, чем надо, кричит, чуть более грозно сверкает глазами, чуть дальше выдвигает челюсть, чуть больше выпячивает грудь, чуть шире расставляет локти.

Если придется столкнуться с таким – выход один, причем довольно действенный: его надо запугать. Как ни удивительно, сделать это достаточно легко: надо просто внимательно и строго посмотреть ему в глаза и постараться запомнить лицо. Именно так – осмотреть его явно запоминающим взглядом. Если спросит: «Чего вылупился?», надо ответить: «Запоминаю». Дрогнет. Обязательно дрогнет. Его трусливое подсознание подскажет – уйди в сторону. И он уйдет. Переключится на другого зэка. Но это уже не ваша печаль.

Оснований уверенно говорить об этом вполне достаточно. Я помню немало зэков, на которых никто, никогда, ни при каких обстоятельствах не поднял руку. Не посмел поднять.

Наряду с избиениями есть еще несколько способов болевого воздействия на зэков: незаконных и законных. Незаконные – это так называемый «заплыв», надетый на голову полиэтиленовый пакет, ставший уже всем известный противогаз и так называемая «стоматологическая помощь». Законные – наручники и смиренная рубашка.

По порядку. Заплыв – наиболее доступная, но и наименее опасная для здоровья пытка. Зэка укладывают на пол лицом вниз (часто на матрас, чтобы не было синяков), заводят прямые руки за спину и тянут их в сторону головы. Иногда надевают наручники. Получается такая «лежачая» дыба. На языке тюремщиков это звучит оригинально, говорят: «Мы с ним заплыли». Вот так – плавали вместе, только стиль плавания у каждого был свой.

Полиэтиленовый пакет. Применяется очень редко и в сочетании с наручниками, надетыми в положении «руки сзади». (Это только в американском кино руки заковывают спереди. В нашем «кино» руки всегда сзади, при этом иногда, почти как в Америке, разъясняют: «Ты имеешь право отвечать, когда спрашивают, и молчать, когда не спрашивают. Это твоя свобода выбора, мразь!»). Применяется только в тех случаях, когда от зэка нужно что-то узнать. Цель понятна – в кулке человек начинает задыхаться, испытывает физическое страдание и, главное, сильнейший страх. Вести себя нужно, как при любом допросе третьей степени, и помнить, что за вашим состоянием будут внимательно наблюдать и никогда не допустят, чтобы вы задохнулись.

Противогаз. Эта штука более разносторонняя. Называется «в слоника поиграть». Во-первых, противогаз можно использовать, как пакет, перекрывая воздушный шланг, но это не главное достоинство этого метода. Чаще через противогаз зэку дают «покурить». Правда, зэку почему-то это не нравится. Дело в том, что курить дают оригинально: прикуривают штук пять сигарет (сигареты всегда самые дерьмовые), вставляют их в шланг, открученный от противогазной коробки, зажимают рукой, чтобы ограничить доступ воздуха, и – кури, бродяга! Человек при этом чуть ли не сходит с ума, бьется в конвульсиях и выплевывает собственные легкие. К счастью, и кулек, и противогаз в тюрьме применяются редко, это штуки больше милицейские, да и там потихоньку уходят в прошлое.

«Стоматологическая помощь». Это самая страшная пытка. Человека заковывают в наручники, руки под коленями. Затем под мышками перед грудью просовывают швабру или лом и подвешивают на спинках двух стульев. Эта поза называется «попугайчик». В общем, похоже. Потом вставляют поперек рта палку, разжимают рот и напильником стачивают передние зубы. Если у вас, не дай Бог, дело дойдет до этого – лучше рассказывайте. Что угодно, только рассказывайте. Все равно расскажете.

Законные методы. Наручники. Люди несведущие думают, что наручники – это только мера безопасности, цель их применения – оградить себя от нападения «страшного» зэка. В основном, их так и применяют, правильной сказать –

должны применять. Иногда же наручники применяют для причинения физического страдания. Как именно – опущу. Так как этот метод «законный», пусть о нем пишут в служебных инструкциях.

Специалистов «правильно» надевать наручники, к счастью для эков, очень немного. Наука эта несложная, но овладеть ею мешает лень, страх и, главное, отсутствие учителей. Так применять наручники на языке эков называется «забить в наручники». Кто пробовал, тот знает – это пытка. Дело в том, что закон разрешает в определенных случаях применять наручники. Случаи эти всегда можно нарисовать на бумаге. А то, с какой силой будут затянуты браслеты, в каком положении будут руки – закон не предусмотрел. Также закон не ограничил и время применения наручников. Это и дает тюремщикам возможность делать эку очень больно, не нарушая закон.

Парадокс – казалось бы, этот способ болевого воздействия должен быть основным, ведь, не нарушая закон, не рискуешь и понести ответственность. Однако в СИЗО наручники применяются довольно редко, лень мешает. Применение наручников нужно сопровождать составлением ряда документов, а это – невообразимо трудно.

Если же вас забили в наручники, остается одно – терпеть. И действовать по обстоятельствам.

Смирительная рубашка, или как ее не так давно официально-застенчиво называли: успокоительная рубашка. Надо было назвать сразу снотворной. Вот бы того умника, любителя поиграть словами, разок успокоить в рубашке перед сном.

Смирительная рубашка – великое изобретение человечества. Без шуток. Если правильно ее применить, бедолага испытает муки ада, и от ужасной боли, говоря медицинским языком, потеряет контроль над актами мочеиспускания и дефекации, а, говоря попросту – полностью обгадится и надолго забудет о буйстве, какого бы происхождения оно ни было. Недельку, а то и две, он не сможет нормально ни наклониться, ни повернуться. Но при этом ни одного телесного повреждения причинено не будет. Только растяжения или, максимум, надрывы связок. Поэтому рубашка и пережила века в психбольницах и тюрьмах. Применять ее правильно (на жаргоне – «закатать в рубашку») сейчас, наверное, уже не умеет никто. Ну и слава Богу!

Если вам «повезло», и вас закатали в рубашку, помните, что время ее применения ограничено двумя часами. Немало, конечно, но все же. Кроме того, при этой процедуре должен обязательно присутствовать медработник. Если увидите, что он пытается выйти покурить, кричите: «Доктор, не уходи! Я уже втыкаю!». Это не шутка. Не так много лет прошло, как одного беднягу рубашкой задушили. Ну, и еще один маленький совет. Перед тем, как начнут закручивать рукава, нужно спрятать большие пальцы внутрь кулака, иначе могут быть вывихи и переломы. Все. Счастливого полета!

Так шутить позволяет уверенность в том, что с вами этого не произойдет – слишком мала вероятность.

Существует еще ряд вариантов причинения страдания экам, но они, в общем, являются производными от описанных. Со временем, наверное, появятся новые, оригинальные. Время на месте не стоит, и тюремная мысль, хоть и туго, но работает.

Изредка наши тюрьмы проверяют комиссары Совета Европы, точнее, его Комитета по недопущению пыток. Эти добрые и наивные люди старательно ищут какие-то пыточные камеры, какие-то приспособления: дыбы, цепи, щипцы.. Вот уж, действительно, чудачки. Ну кто ж так ищет?

Психическое воздействие

Иногда тюремная администрация с целью подавления воли конкретных зэков оказывает на них исключительно психическое давление, без примеси физического. Как правило, это осуществляется путем «пресса» в камере, но это – тема отдельного разговора. Тюремщики такие приемы используют очень редко, так как они требуют изобретательности, оригинальности, коварства и знания психологии. Методами психического давления также являются запугивания, оскорбления и унижения, но они слишком примитивны и неэффективны.

Арестованный довольно быстро адаптируется к тюремной действительности, осознает свое бесправное и опасное положение и поэтому почти не обращает внимание на такие мелочи, как угрозы и оскорбления. Само пребывание в тюрьме, окружение из очень «милых» людей, ожидание хитростей следствия, суровости приговора суда, срока наказания представляют такую мощную угрозу, что на ее фоне чье-то вяканье и воспринимается как вяканье. В условиях повышенной опасности зэк отчетливо понимает, что не та собака кусает, которая гавкает.

Оскорбления зэками также воспринимаются достаточно спокойно. Это ведь не на тихой улице его встретил тюремщик и стал оскорблять. Вот такая ситуация была бы удивительной! А так – у тебя власть, ну и болтай, что хочешь.

Настоящее психическое воздействие в тюрьме не имеет никакой теории и методик, оно основывается только на вдохновении отдельных сотрудников. (Удивительно, но творческие натуры встречаются даже среди тюремщиков. К счастью для зэков, очень редко). Поэтому рассказать об этом явлении можно, только описывая наиболее характерные примеры.

Первый пример. Для выяснения каких-то обстоятельств в служебное помещение приводят зэка, явно из интеллигентов, вежливого, неагрессивного, с правильной речью и неуверенностью в глазах. Опер задает ему вопросы, интеллигент начинает врать. При этом невооруженным взглядом видно, что он боится ситуации, врать не умеет и, оттого, что врет, страдает еще больше.

Опер дает ему чистый лист бумаги и вежливо, негромким голосом, обращаясь на «вы» (такое обращение настолько нетипично для тюрьмы, что воспринимается как угроза), просит написать в верхней части листа цитату из Высоцкого «В гости к Богу не бывает опозданий». Подавленный зэк пишет, пару раз читает вслух. Опер интересуется, понятен ли смысл выражения? Понятен, отвечает зэк. Ну, тогда загните лист так, чтобы этой записи не было видно, – говорит опер, – и давайте писать объяснение. Каждый раз, когда зэк спотыкается и пытается соврать, он просит его отогнуть бумагу и прочитать фразу вслух. Потом, угрюмо глядя в глаза, спрашивает, точно ли понятен смысл? Может быть, вы, уважаемый, путаете фразу «в гости к Богу» с фразой «в гости к другу»? Нет, – отвечает зэк, – все понятно. И пишет правду.

Метод, конечно, специфический. Если бы на месте интеллигента оказался рядовой дебил, толку не было бы никакого. Но в таком случае и опер не стал бы изощряться.

Второй пример (более агрессивный). В камерах карцера устанавливают динамики, подключают магнитофон. Изготавливают две записи. На одной из них скучный голос монотонно зачитывает правила поведения заключенных в

следственных изоляторах. Слушать противно, но терпимо. Это для прокурора: мол, несем знания в массы, оказываем юридическую помощь оступившимся. Главная ценность во второй кассете. Там на пленке, склеенной кольцом, звучит истеричный вопль какого-то зайки: «Вы не-иск-ре-не-не!». И так без конца: «Вы не-иск-ре-не-не!». Через три часа такой «радионяни» зэку кажется, что он сходит с ума. Да, наверное, не напрасно кажется.

Третий пример (еще более агрессивный). В санчасти умирает какой-то доходяга. Умирает вечером, поэтому лежать ему до утра, пока не вывезут в морг. Один коварный и изобретательный гражданин начальник нашел способ, как приобщить преступника после смерти к борьбе с преступностью. Чтобы компенсировать грехи. Труп переносят в пустой карцер размером чуть больше туалета в пассажирском вагоне и укладывают на единственную нару лицом к стене. Как будто он спит.

Потом водворяют в эту камеру зэка, которого давно хотят «обломать». Тот начинает будить спящего, и в какой-то момент понимает, что перед ним труп. Он кричит, барабанит в дверь, но ему долго не открывают, хотя тюремщики стоят рядом и по очереди смотрят в щелку глазка на физиономию зэка, давясь от смеха. (Вот это юмор! Куда там телепередаче «Розыгрыш»! Верно говорят: «Кто был в тюрьме, тот в цирке не смеется».)

Когда, наконец, открывается дверь, живой зэк требует, чтобы мертвеца забрали из камеры. А в ответ ему какая-то сонная морда объясняет, что человек просто отдыхает, а ты, падла, если будешь ломиться и орать, точно станешь мертвым. Дверь закрывается на всю ночь. Рано утром еще живого зэка переводят в другой карцер, а мертвого уносят в санчасть.

Когда после этого мероприятия зэк, ставший «воспитанным» (а его поведение, действительно, здорово меняется) пытается рассказать о пережитом, на него смотрят, как на алкаша, которого «хапанула белка».

Подобные эксперименты могут закончиться для зэка хэппи-эндом, но все равно ему предшествует сильнейший стресс, который надолго оставляет след в эмоциональной памяти и заставляет задуматься о роли администрации в тюрьме и собственной уязвимости. При этом реализуется точный психологический расчет: у зэка не остается морального права затаить злобу, закончилось-то все благополучно. Но это уже «высший пилотаж», такое случается очень редко. Вот примеры такого «благополучия».

Первый. Сидит в многолюдном корпусе (около двух тысяч человек) зэк, с точки зрения администрации, весьма противный. Назову его М. Руководит «движением» в корпусе, добивается какой-то справедливости, организует написание жалоб на действия тюремщиков (надо признать, справедливых жалоб), формирует и распределяет «общак», одним словом, говоря по-воровски – «смотрит» за корпусом, говоря по-ментовски – мутит воду. Как только М. допускает малейшую промашку – «едет» в карцер, но, в силу своего опыта, промашки он допускает редко.

При очередном обыске в камере, где сидит М., один из сотрудников разбивает нарды. Нарды местного производства, слова доброго не стоят, но других в камере нет. Зачем разбивает – объяснить трудно, тюремщики часто совершают немотивированные поступки. После этого начинается нездоровая возня: зэки по очереди жалуются на этот беспредел. Создается замкнутый круг: зэки жалуются – их «прессуют» – они жалуются еще больше.

Выход находится. Как-то вечером зачинщика этого противостояния выводят из камеры и помещают в бокс, где находятся с десяток арестантов, которых сейчас будут водворять в карцер. По одному их выдергивают из бокса, заводят в дежурную комнату и «воспитывают». Воспитывают так, что в боксе процедура хорошо слышна.

М. «прикидывает» свои перспективы: с одной стороны, вроде, на него никаких документов не готовили, стало быть, сажать не за что, а, с другой стороны – от этой публики в погонах ожидать можно все, что угодно. В общем, перспективы хреновые. «Варится» он так часа полтора на фоне криков тюремщиков и воплей зэков, потом остается в боксе один. Вопли стихают, наступает тишина. На душе у М. становится еще «приятней». Наконец, заводят его в комнату, где находятся человек пятнадцать офицеров во главе с начальником. И тот, обращаясь к М. по имени-отчеству, спрашивает, действительно ли в камере нет нарды? Это непорядок. Возьмите, пожалуйста. И дают М. красивые резные лакированные нарды. На одном поле надпись «Ворам веры нет», на другом – «Ментам веры нет». Все, извините, забирайте нарды и топайте в камеру.

Топает М. и подсчитывает, сколько же он лет жизни за два часа потерял?

Второй пример. По традиции, перед каким-либо праздником карцер забивают публикой, которая имеет «вес» в тюрьме. Во времена большевиков порядок этот был вполне осмыслен: во избежание любых недовольств политического толка тех, кто «строил погоду», прикрывали. Но при этом из общего правила делалось одно исключение: на Новый год эту процедуру не проводили, этот праздник – для всех праздник, и для красных, и для белых, к идеологии он не имеет никакого отношения. В тюрьме новогодняя ночь – самая тихая ночь в году.

Когда Союз развалился, а вместе с ним исчезла его идеология, эту традицию почему-то сохранили, но сохранили довольно тупо: стали сажать неугодную публику на все праздники без разбора, в том числе и на Новый год. Зачем – никто не задумывался, вообще вопрос «зачем?» тюремный персонал задает редко, а руководители этого персонала еще реже. Мол, едем по колее, и слава Богу, до сих пор вывозила, авось, и дальше вывезет.

Накануне очередного Нового года, 31 декабря, набивают полный карцер теми, кто составляет «цвет» тюрьмы. Набивают плотно, из расчета три-четыре человека на два места. Формально их закрывают за хранение заточек, которые им подложили в вещи при обыске, или на основании других примитивных «прокладок», а фактически – за самостоятельность и нежелание кланяться. Естественно, вся тюрьма предпринимает героические потуги, чтобы «затнать грев на подвал». Эти старания пресекаются усиленным надзором и обысками через каждый час. Ни курить, ни пожрать у наказанных нет. Такая вот новогодняя елочка.

Часов в десять вечера всех неожиданно выгоняют в коридор, где их окружает вся оперативная группа вместе с собакой. Понятно, что все это не к добру. Старший из присутствующих начальников холодно и коротко поздравляет группу зэков с Новым годом, желает здоровья и удачи. Зэки стоят, не шевелясь, затравленно смотрят, воспринимая этот спектакль как намыливание веревки. Начальник продолжает: сейчас он объяснит, кто в «доме» хозяин. Это уже воспринимается как затягивание петли на шее. И, наконец, наступает развязка: амнистия, все свободны, все по «домам».

Секунды две стоит тишина, а потом все «узники совести» одновременно делают выдох и приходят в движение. Кто-то нервно смеется, кто-то ругается про себя, но через полминуты улыбаются все. Вот так, все закончилось хорошо. Но задуматься о том, кто в доме хозяин, все же придется.

Подобные встряски зачастую оказывают на зэков гораздо больший эффект, чем жестокое физическое насилие. Однако чрезмерно опасаться их не стоит. Во-первых, они очень редки, а, во-вторых, хотя и крайне неприятны, но

страшны только в том случае, когда происходят неожиданно. Надо быть постоянно готовым к таким сюрпризам.

Как говорят в тюрьме – «булки не расслаблять»!

Что такое «пресс»?

Ни для кого не является секретом, что население тюремной камеры может оказаться враждебным к отдельным ее обитателям. Несмотря на то, что в общественном сознании взаимная агрессивность зеков сильно преувеличена, безопасным местом камеру и правда назвать нельзя.

Причины камерных конфликтов настолько разнообразны, что зеку, недавно попавшему в тюрьму, и еще не ориентирующемуся в особенностях ее организации, «удара» можно ждать откуда угодно.

Условиями, порождающими или способствующими возникновению, развитию и разрешению конфликтов (в том числе и в самых крайних, экстремальных формах) являются особенности тюрьмы вообще: лишение свободы; постоянный стресс, вызванный арестом и ощущением краха благополучной жизни и всех надежд; совместное содержание людей одного пола; жесткая регламентация повседневной жизни; агрессивные и однообразные внешние раздражители – лязг запоров, хлопанье дверей и «кормушек», звонки, громкие команды по радио. А также традиционные особенности национальной тюрьмы: предельная стесненность в многоместных камерах; высокая концентрация в одном помещении не самых добрых и умных представителей человечества; дефицит информации о ходе событий, активно влияющих на судьбу арестанта, и порождающий неуверенность и постоянное ожидание чего-то плохого; грубое обращение тюремного персонала – «с вещами на выход», «без вещей на выход», «пошли», «встали», «руки за спину», «быстрей, б..., вышли из камеры». И так далее и тому подобное.

С наличием всех этих условий нужно смириться раз и навсегда. Общие тюремные особенности вечны, как и сама тюрьма, а национальные меняются так медленно, что вряд ли станут принципиально иными в ближайшие несколько десятков лет. Конфликтов следует избегать, неприятностей в тюрьме и без них хватает. Для того, чтобы уйти от конфликтов или хотя бы свести их количество к минимуму, нужно знать природу их возникновения и общие правила поведения.

Первая группа конфликтов, достаточно частых, но наименее опасных – это ссоры и драки, возникающие спонтанно. Потом тюремщики пишут в своих документах – «на почве внезапно возникших неприязненных отношений». Это не совсем правильно, неприязненные отношения, как правило, длятся достаточно долго, а вот кульминация этих отношений происходит внезапно. С «семейниками» и приятелями зеки не дерутся никогда. Это конфликты, имеющие бытовое происхождение: кто-то кого-то случайно толкнул, опрометчиво сказал оскорбительное слово, уронил чужую миску, вместо извинений за ошибку ответил грубостью. В камерах они возникают постоянно, но не намного чаще, чем на молодежной дискотеке. Конфликты эти, в сущности, совершенно нелепы, так как в их основе нет конфликтной ситуации, только конфликтное поведение участников. Длятся они недолго и продолжения обычно не имеют. Последствия их, в общем, пустяковые – разбитый нос или подбитый глаз. Как избежать подобных ссор и как вести себя в случае их возникновения, знает всякий нормальный человек: не обострять ситуацию, постараться реагировать на чью-то выходку спокойно

или перевести все в шутку. Ну, и, естественно, самому не становиться инициатором конфликта.

Такие стычки всегда бессистемны. Если же вы почувствовали в их чередовании какую-то системность, неслучайность (а она всегда шита белыми нитками) – это тревожный сигнал. Значит, кто-то маскирует под случайные конфликты целенаправленное воздействие.

В одну группу с этими конфликтами попадают и внешне сходные с ними, но совершенно дурацкие – это чьи-то психи, связанные с неадекватной реакцией на абсолютно нейтральный раздражитель: шутку, приветствие, улыбку. Причина их – постоянное нервное напряжение, с которым иногда невозможно совладать. В народе это называется «башню рвануло». Такое поведение напоминает кратковременное помешательство, да, в принципе, и является истерическим припадком. Предвидеть его невозможно, главное – сразу распознать, успокоить и придержать буяна, но желательно не кулаками и ногами. Это быстро пройдет. Потом будет повод посмеяться. Серьезной опасности такие выходки также не представляют, так как достаточно редки и проходят без особых последствий. В камерах, к счастью, нет (во всяком случае, не должно быть) тяжелых и острых предметов.

Вторая группа – конфликты, возникающие в результате хулиганских или садистских побуждений. Материальных причин такие конфликты не имеют, они бессистемны и непостоянны. Происходят они по примитивной схеме: у одного или нескольких дебилов возникает нездоровое желание поглумиться над другими дебилами (или не дебилами, как получится). Что все эти умники и претворяют в жизнь. Как правило, подобному издевательства предшествует некоторая «разведка», прощупывание объекта издевательств. Не случится ли так, что он окажет активное сопротивление? Камерные хулиганы и садисты совсем не настроены на смертный бой, жертва не должна сопротивляться. Поэтому, если вы почувствовали нездоровое внимание к своей персоне, лучше сразу его оборвать. Не получилось – тогда обострять конфликт самому, в обиду себя давать нельзя. Человека решительного и дерзкого вряд ли кому-то захочется побить или потолкать.

Иногда хулиганские издевательства над бессловесными жертвами становятся систематическими, изощренными и напоминают целенаправленный «пресс». Но это уже явный беспредел, и за него рано или поздно можно ответить.

Все последующие разновидности конфликтов охватываются точными и емкими понятиями: «пресс», «прессовать», «запрессовать».

Третья группа конфликтов – «пресс», исходящий от эзков. Причины его разнообразны, и трудно сказать, какие из них встречаются чаще, поэтому их можно перечислить лишь в случайном порядке.

Два вида такого «пресса» – это когда человек, подвергающийся физическому или психическому насилию, сам виноват в сложившейся ситуации. Первый: проиграл или проспорил и не смог в срок рассчитаться, второй: совершил какой-то серьезный проступок, дающий право другим эзкам на справедливое (по их представлениям) наказание виновного. Это может быть невозвращенный долг: занял у сокамерника сигареты, рассчитывая на передачу, а передачу не принесли. Или вызвался передать кому-то записку при отправке в суд. Записку изъяли, у сокамерников возникли неприятности. Или подавал подельников, и об этом стало известно в камере. Или выходил по вызову опера, а потом в камере случился шмон, и из тайников были извлечены деньги и ксивы (на жаргоне это называется «нычки попалить»).

Этот прием традиционно и надежно используется администрацией. Опер, получив информацию от агента (а большинство оперов умеет при желании делать это незаметно для окружающих), чуть позже «выдергивает» из камеры

неугодного зэка, полчаса рассказывает ему «о погоде, кино и перспективах охоты на носорогов», а после возвращения зэка «домой» начинается шмон. Изредка зэки прощают эту комбинацию, но чаще, в силу преобладающей тупости и подозрительности, клюют на приманку и предъявляют претензии не тому, кому надо. Как ни парадоксально, но прием этот существует столько, сколько существует тюрьма, и, похоже, просуществует еще столько же.

Перечень таких «провинностей» можно продолжить. Единственный умный совет по этому поводу – не доводите до таких ситуаций. Если садился играть, то для чего? Выигрывать? А если бы выиграл? Получал бы с проигравшего? Вот теперь пусть кто-то получает с тебя. Не надо было играть. Камера – не казино. Там, чтобы не плодить «фуфлометов», вначале игроку фишки продают. В камере фишек нет, играют на слово. Поэтому существует два достойных варианта – либо отдавать долг, либо (что намного умней) вообще не играть. Причем не играть принципиально, не «ведясь» на всякие «заманухи» типа поиграть на присядки или шалобаны.

Что касается невозвращенного займа, то нужно либо не брать в долг (одна из арестантских заповедей гласит: не проси!), либо подробно оговаривать условия сделки, в том числе и в случае, если в указанный срок рассчитаться не получится.

Ну, а если ситуация с долгом уже сложилась и породила серьезный конфликт, остаются два выхода, оба малопочетные: либо выламываться из хаты, либо рассчитывать задницей. Выбирайте.

Что касается конфликтных ситуаций, когда в результате ваших неосторожных действий пострадали другие люди, то знайте – надо уходить от глупой самонадеянности и не допускать подобных действий. Нужно избегать детского азарта, который часто захватывает зэков, особенно молодых: обдурю-ка я ментов! Ментов, конечно, обдурить можно. И несколько раз обдурить можно. Но постоянно – никогда. Зэк, прежде всего, должен быть мудр, а уже потом азартен.

Ну, а если неприятность уже произошла, надо уверенно доказывать свою невиновность. На истеричные аргументы типа – он специально это сделал! (а будут и такие), реагировать спокойно, мол, докажи. Не можешь доказать – не ляпай языком!

Случается, что корни «пресса» тянутся с воли: кто-то кому-то остался должен, кто-то с кем-то враждовал... По классическим уголовным понятиям в тюрьме нельзя решать «слободские» вопросы, но сейчас это правило не соблюдается. Враги по свободе очень редко встречаются в одной камере, вероятность невелика. Претензии к вам в связи с вашим поведением на воле, как правило, могут предъявлять только посторонние лица, которые о реальной ситуации знают лишь понаслышке. Основные мотивы таких претензий – не восстановление справедливости и наказание виновного, а желание почувствовать себя мудрым судьей, вершителем судьбы и просто покуражиться. Поэтому, чем активнее вы будете доказывать свою невиновность, тем лучше. Требуйте доказательств, ведь по понятиям бездоказательно обвинить человека – беспредел.

Еще одна возможная причина «пресса» – имевшее или якобы имевшее место сотрудничество с администрацией тюрьмы. Такие претензии всегда сомнительны. У лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, подобные предъявы вполне объективны: в колониях контингент очень четко распределяется «по полочкам». Об этом всегда становится известно в камере, и человеку, бывшему когда-то на зоне завхозом или каким-нибудь общественником, то есть «козлом», в общей хате будет очень неуютно. И администрация тюрьмы палец о палец не ударит, чтобы его защитить, просто переведут в «притесненку» – камеру, где содержатся ему подобные.

Там, где сидят несудимые, такие предьявы вряд ли могут иметь серьезные основания. Но, часто, ориентируясь на какие-то внешние признаки, камерные «контрразведчики» все же выявляют «кумовского». Как правило, не попад. Зачастую, самый активный обличитель – и есть кумовской. Чтобы не укрепить обвинителей в их правоте, нужно решительно отметить все претензии. Никаких доказательств сотрудничества зэка с администрацией не бывает, только подозрения. Поэтому подобные обвинения всегда рассчитаны на испуг и признание. Значит, испуга быть не должно. Должен быть справедливый гнев и возмущение.

Наиболее серьезным «прессом», исходящим от зэков, является вымогательство. Обычно зэки редко осмеливаются просто так «выдавливаться» бабки из сокамерника. Чаще это делается «под крышей» опера, который дал «добро» на «пресс» или сам инициировал его. (При этом цели опера могут и не совпадать с целями зэков). Без такой «крыши» «прессовать» опасно – можно остаться не только без желаемого дохода, но и без имеющегося здоровья.

Подобный «пресс» происходит по следующей схеме: в камеру попадает новый зэк, имеющий на свободе обеспеченных родственников (иногда о таком одолжении даже просят оперативников). Названий у такого объекта много: «дойная корова», «сладкая булка», «пушистый бобер». Затем начинается обработка. Вначале по-хорошему, а точнее, «вешая на уши», новичку рассказывают, как уютно ему будет сидеться именно в этой камере, и как плохо в других. Для того чтобы не попасть из рая в ад, надо платить. Отсутствие наличности не является препятствием, достаточно просто написать домой записку. Текст должен быть самый драматичный, типа: если не дадите денег, меня поставят на ножи. Необходимость таких страстей внушается достаточно легко: а вдруг твои папа и мама не «поведутся» на просьбу? Подумают, что ты в тюрьме с жиру бесишься и хочешь получить бабки на водяру и наркоту. Нет, надо нагнать на них побольше жути!

Затем малява передается через кормушку «ногам», причем сам автор записки не видит этого человека и даже не слышит разговор (быть рядом с кормушкой при этом базаре недопустимо). По прошествии времени новичку объявляют: все в порядке, бабки дошли по назначению, твой вопрос решен. Бывает, что он, действительно, таким образом решается, и тогда через оговоренное время нужно лишь написать новую записку. А бывает и по-другому – мол, твоя ксива запалилась, у «гонца» неприятности, надо «улаживать» вопрос, пока он нас не посадовал. Дальше начинается «доеение», выбраться из которого порой бывает невозможно.

Иногда такой «пресс» проистекает по гораздо более жесткой и примитивной схеме. Новичка просто запугивают или бьют. Или сочетают эти методы. Активно сопротивляться этому может не каждый, даже решительному и физически крепкому человеку не под силу противостоять нескольким подлым противникам. Камера – не ринг и не татами. Рано или поздно вам нужно будет лечь спать или сходить на парашу. А учитывая изощренность такого «пресса», удара можно ожидать в любой момент.

Что нужно делать? Во-первых, при любом разговоре с сокамерниками последнее слово должно быть за вами. Не в переносном, а в самом прямом смысле. Например, когда вам будут рассказывать о необходимости писать ксиву домой (или о чем-то другом, неважно), вы можете как угодно широко раскрывать глаза, удивляться, переспрашивать, «вестись» на описываемые «ужасы», но точка в разговоре должна быть поставлена вами и никогда не совпадать с предложением. Типа, понял, хватит об этом, голова болит, буду спать. Услышав такой ответ, любой собьется с толку, убеждения-то потрачены впустую.

Во-вторых, внушите окружающим и себе самому, что вы можете решать свои проблемы и без посредников. Если только опер принимает решение, сидеть вам в этой камере или нет, то и разговаривайте непосредственно с ним.

В-третьих. Твердо скажите своим «благодетелям», что отец и мать вас в тюрьму не устраивали, и обращаться к ним за помощью вы не будете – запаadlo. Кстати, учтите, что по классическим (мудрым и благородным) понятиям втягивать родню в свои криминальные дела может только полупидор. Или полный пидор. Уважающий себя человек пользуется исключительно помощью поделщиков и друзей. И не иначе.

В-четвертых. Если меры «морального» характера не помогают, и конфликт вызревает все больше, придется идти на его обострение. Надо драться. Убить или серьезно кого-то покалечить вы вряд ли сможете, вам тоже такие последствия не грозят. Цель драки – не победа над негодьями, этого все равно не будет, цель – выехать (не выломиться, а выехать!) из хаты с гордо поднятой головой. Для этого надо постараться наставить максимально больше синяков беспределщикам и получить синяки самому. Кстати, активно защищающегося человека (даже неумелого), практически невозможно побить, не попав несколько раз в лицо.

Драка в камере должна быть замечена контролером, который вызовет подмогу. Может быть и не замечена, контролер один, а камер много, да и лень ему их постоянно обходить, скорей всего, будет дремать где-то в сторонке. Но и в этом случае при ближайшем выводе на прогулку или при проверке все «шрамы» будут видны.

В-пятых. Если вы не в силах драться (а это отнюдь не позорно, не каждому дано быть воинственным), надо терпеть и использовать возможность напрямую поговорить с «кумом». Просить, чтобы он вас вызвал, не надо – это обязательно будет истолковано против вас. Просто дождаться, когда он сам вызовет. Поверьте, что это произойдет довольно скоро. В разговоре с оперативником не нужно тратить эмоции на описание серьезности конфликта, своих переживаний и возмущения по этому поводу. Не надо просить о помощи («Не проси!»), будешь должен. Люди, проработавшие в тюрьме даже непродолжительное время, быстро черствеют и становятся неспособными адекватно воспринимать чужую боль. Не его же «прессуют» в камере. Поэтому рассчитывать на сострадание не нужно. Лучше всего спокойным и будничным тоном сообщить оперу, что вы скоро «завалите» кого-нибудь в хате, при этом не уточняйте, кого именно. И поинтересуйтесь, что дают за убийство ээка? Срок добавят? Или снизят?

Даже если вы не сумеете это рассказать естественно, игра будет просматриваться, все равно опер очень болезненно отреагирует на это сообщение. Ни один из них не посмеет экспериментировать: а может, это блеф? А может, никого он не убьет? Почувяв, что в камере может состояться преступление, он обязательно струсит и либо переведет вас в другую камеру, либо даст команду беспределщикам прекратить «пресс». Допустить такое преступление – это очень большое и грязное пятно на репутации оперативника. Из человека, не способного предотвращать длящиеся конфликты, сыщик, как из говна пуля. И это пятно прилепится к нему на всю карьеру. Таких оперуполномоченных называют в три слова: «опер упал намоченный».

Четвертая группа конфликтов – «пресс», исходящий от администрации. Это наиболее серьезный метод воздействия на ээка. В сочетании с другими незаконными методами: угрозами, оскорблениями, надуманными дисциплинарными наказаниями, применением наручников, пытками и избиениями, камерный «пресс» создает абсолютно безвыходное положение для жертвы.

Цели такого «пресса» три: склонить человека к нужным следствию и розыску показаниям; «обломать» непокорного; получить бабки (увы, рядовое вымогательство). Наиболее часто встречающаяся причина – первая, но они могут и сочетаться. Во всяком случае, беспредельные рожи, получив добро на террор какого-то зэка, обязательно переключатся на личный интерес. Рассчитывать, что у конченных негодяев могут быть идейные позиции в борьбе с преступностью, может только полный профан в тюремной действительности. К большому сожалению, среди товарищей в мышинных пальто с большими звездами на погонах, заказывающих такой «пресс», профанов два из трех (по утверждению некоторых моих коллег – девять из десяти). Эти менты-заочники искренне считают, что в камере с арестованным «работают» в нужном направлении – склоняют к явке с повинной. Попутно, может быть, и склоняют.

Если отношения между оперативниками и их агентурой замешаны на нарушении закона, то складываются они своеобразно. Схема «опер – агент» ломается, так как в определенном смысле они становятся подельниками. Иногда слабенький опер как-то незаметно оказывается «под» агентом, и кто кем руководит, уже непонятно.

При наличии ментовской «крыши» «пресс» становится более изощренным. Зачастую тогда к тупому физическому воздействию примешивается психическое. Это бойкотирование жертвы, постоянные мелкие придирки, угрозы, оскорбления, высмеивание, провокация драки и др. В этом смысле показателен конкретный пример. Заезжает в девятиместную камеру потенциальная жертва, в недалеком прошлом действующий спортсмен, мастер спорта по дзюдо, весом под центнер, опытный, решительный, жесткий, знающий себе цену мужик. Но незнакомый с тюрьмой.

Одного взгляда достаточно, чтобы понять бессмысленность любых прямых провокаций – искалечит. Псевдоагентуре необходимо, чтобы он сам спровоцировал конфликт, тогда вмешается администрация и его накажет. Но как это сделать, если он ведет себя совершенно спокойно и не обращает ни на кого внимания? Выход находится. В камеру подсаживают какого-то «чушкаря»-полудебила, и рулевые начинают над ним издеваться так, как подсказывает их извращенная фантазия.

Жертва, как всякий сильный и порядочный человек, чувствует себя абсолютно мерзко, когда на его глазах какая-то шоблота глумится над несчастным, и требует прекратить беспредел. В ответ ему объясняют, что по тюремным законам он никто – фраер, и устанавливать свои фраерские порядки может в спортзале, но не в камере. И продолжают мучить беднягу. В конце концов, жертва (а этот мужик никак не может взять в толк, что истинная жертва – именно он) не выдерживает, лупит парочку мерзавцев, попавшихся под руку. Лупит не сильно, а как проституток – по щекам (все остальные стремительно прячутся под нарами), и наводит в камере порядок и тишину. Ненадолго. Через минуту его как зачинщика драки выволакивают из камеры, бьют, забивают в наручники, а потом избитого, с опухшими руками бросают в карцер.

Самое страшное, что те, кто только что это все с ним проделал, искренне считают, что восстановили справедливость и наказали беспредельщика. По-другому считать они и не могут. И только опер и его прямые начальники знают: все прошло по плану. Жаловаться этому парню некому, его никто не поймет. Только очень опытный и мудрый тюремщик (да и то не всегда) сумеет по едва уловимым признакам понять, что это – «постанова» и не «повестись» на нее, не терзать невинного. Но где они, опытные и мудрые?

Дать совет, как избежать такого тотального «пресса», очень трудно. Надо терпеть, это не будет продолжаться вечно. Надо помнить, что перед вами через такое испытание прошло немало людей, и кое-кто прошел достойно.

Можно, как уже говорилось выше, поугатать опера возможным убийством в камере. Но главное – думать только о себе. Только так в тюрьме можно выжить. Пусть рядом кого-то убивают, режут на куски, едят живьем – вас это не касается. Не касается, и все.

Существует такое понятие – пресс-хата (не путать с пресс-центром). Возникли пресс-хаты в шестидесятых годах прошлого века на тюремном заключении. Туда попадали люди двух категорий: те, кому суд дал «крытую» в виде части всего наказания (например, двенадцать лет усиленного режима, из них первые пять – ТЗ), и те, кого перевели на «крытую» из зон как злостных нарушителей режима. На самой «крытой» публика расслаивалась на тех, кто пытался противостоять администрации, и тех, кто шел на сотрудничество с ней. Сидели эти люди, понятно, в разных камерах и люто ненавидели друг друга.

С целью «обломать», а то и «опустить» наиболее приткую «отрицаловку», их по одному бросали в «козлиную» камеру, где они и подвергались «прессу». Отсюда и название – «пресс-хата».

В СИЗО пресс-хат как таковых не существует, контингент слишком непостоянный. Но временное их подобие иногда возникает. В рассказах о тюрьме пресс-хатами по ошибке называют совершенно другое явление – так называемые «спортивные камеры». Среди наркоманов, подзаборных блатных и прочей шушеры бытует мнение, что у эков-спортсменов одна извилина, и всей этой извилиной они ненавидят «правильных» уголовников. Это чушь. Просто в спортивных камерах заведен жесткий порядок: все идут на прогулку, все идут в баню, никто не курит. Естественно, что когда какого-то алкоголика, никогда не мывшегося на свободе и не желающего идти в баню в тюрьме, пинком выкидывают из камеры, он начинает верещать про «пресс».

Но, к счастью, «пресс» бывает не во всех камерах, и вовсе не часто. Явление это достаточно редкое. Чаще в тюрьме тихо, спокойно и уныло. И слава Богу!

Убивают ли в СИЗО?

Среди людей, не бывавших в тюрьме, впрочем, зачастую, и среди тех, кто там побывал, бытует мнение, что за проволокой незаконно погибают и исчезают заключенные. Происходит это якобы по злой воле каких-то влиятельных то ли высокопоставленных, то ли криминальных лиц, то ли мафии, то ли призраков НКВД. Очередное сообщение в средствах массовой информации о смерти в тюрьме какого-нибудь заметного фигуранта «резонансного» уголовного дела косвенно подтверждает справедливость такого мнения. Мол, все понятно – убили, чтобы замолчал навсегда.

Опыт показывает, что реальная картина сильно отличается от виртуальной. Во-первых, статистику смертей в тюрьме никто профессионально не исследовал и не сравнивал ее со статистикой смертности на свободе. Следовательно, компетентно утверждать, что смертность в тюрьме выше, и загадочных смертей там больше, чем на воле, неправомерно. Во-вторых, не совсем ясно (или совсем неясно), а кто же именно приводит в исполнение тайные приговоры? Кто? Тюремщики? Уголовники? Посторонние лица?

Ни один здравомыслящий человек не станет обращаться с подобным поручением к тюремщикам. Как люди, не всегда способные поровну разделить корм между тремя свиньями, смогут тайно ликвидировать конкретного эка? Да еще, надо

добавить, заметного зэка. Они либо убьют, но не того, либо того, но не убьют, либо, что случится скорей всего, и не убьют, и не того.

Уголовник, конечно, имеет возможность убить сокамерника, но не сможет проделать это тайно, придется ответить. И где гарантия, что через месяц, через год или когда палач «получит вышку», он не заговорит об этом? Придется и его ликвидировать, но такая цепочка бесконечна. А «вышаки», зачастую, не хотят сидеть пожизненно и жизнью своей не дорожат. Вспоминают все, что могут вспомнить. Да и применить такой способ может только преступный мир, власти не станут прибегать к услугам зэка – опасно, он ментов в два счета посядет.

Посторонние лица в тюрьму незаметно попасть не могут, все равно кого-то из администрации в суть этого визита (хоть бы и грамотно залегендированного) посвятить нужно. Снова тайны не получается.

«Загнать» жертве передачу с отравленными продуктами? Так отравится вся камера, зэки ведь делятся едой. Да еще подохнет кое-кто из тех, кто принимает передачи и привык от них отгрызать. Шуму будет много.

Единственный способ подобного убийства, с реалистичностью которого можно согласиться (признавая его крайне малую вероятность и огромную сложность) – это умерщвление зэка врачом или (что удобней) медсестрой путем многократного введения яда замедленного действия. Нельзя же допустить, чтобы человек умер сразу после укола, он должен болеть, лечиться и, в конце концов, не вылечиться. Для того чтобы этот замысел осуществить, необходимо стечение многих факторов: найти подходящего медика; завербовать его; убедить, что он не «уйдет» вслед за «пациентом»; достать яд; убедить «пациента» в необходимости «лечения»; добиться доверия «пациента» к «доктору» и, главное, обеспечить процедуру «лечения». В тюремном бардаке сестра, которая сегодня «колет» зэков в одном корпусе, завтра может оказаться в другом конце тюрьмы, а послезавтра – на каком-нибудь субботнике или на колхозном поле собирать кабачки. Какой уж тут «лечебный процесс».

Рассказы о подобных случаях слышать приходилось. Причем не от бабушек возле подъезда, а от тюремных профессионалов и бывалых зэков. Но – только рассказы. Никаких доказательств или сильной аргументации такие рассказчики не представляли.

Мнение о тайных убийствах поддерживается и вот почему. Иногда (именно – нечасто) зэки в тюрьме погибают. И администрация всегда прилагает массу усилий (вплоть до того, что платит деньги из своего кармана), чтобы факт убийства скрыть. Договариваются с судмедэкспертами, прокурорами о том, чтобы показать насильственную смерть естественной. Но делается это исключительно для того, чтобы спасти себя от жестоких дисциплинарных разборок. В случае смерти зэка в результате преступления «роется» так называемая «братская могила», в которую бросают массу сотрудников: от контролера до начальника. Даже если это не увольнения, а просто взыскания, они существенно влияют на карьеру и будущее благополучие. Во избежание этого тюремщики проявляют чудеса изобретательности, дипломатии, а в последнее время и платежеспособности.

Насильственные смерти, как правило, – дело рук зэков. Бывали, конечно, случаи, когда какие-то ослы-тюремщики перестарались, но они настолько редки, что представляют собой не правило, а исключение из правила. В основном тюремщики трусоваты и достаточно хорошо управляют своими действиями, чтобы случайно не «грохнуть» зэка.

Последнее положение в скором времени может нарушиться. Будучи в составе МВД, сотрудники тюрьмы ежегодно обследовались у психолога и психиатра,

что в какой-то мере обеспечивало распознавание психических отклонений на ранних стадиях. В департаменте же этим пренебрегают – похоже, что средства на диспансеризацию ушли «налево». А зря. Это очень опасно. Отрицательные нагрузки на психику тюремщиков очень высоки, не каждый может им противостоять.

Убийства в камерах случаются в результате двух процессов: под крышей кого-то из администрации, как правило, недалекого умом опера (от силы это десять процентов насильственных смертей) или по зэковскому беспределу (девятью и более процентов).

Указание убить кого-то опер не даст никогда, законченных идиотов там не держат. Просто он может попросить своих «помощников» «поработать» с конкретным зэком, чтобы тот стал разговорчивее. Помощники начинают усердствовать (а этим ублюдкам нравится усердствовать в этом деле) и, случается, перегибают палку.

Основная причина убийств и тяжких телесных повреждений, которые повлекли смерть – беспредел в среде уголовников. В результате камерного террора от рук рулей, смотрящих, подсматривающих и прочей шоблоты страдают, как правило, несчастные зэки, не способные за себя постоять. Иногда их бьют просто, иногда – изощренно. Фантазии садистов и отморожков безграничны. Но происходит это только в тех камерах, где нет сильной руки, а сидит шушера, которая дуется друг перед другом – кто круче.

Если за камерой надзирает неглупый и жесткий опер, то беспредела не будет, все знают – наступит расплата, причем расплата по жестокости может намного превышать вину. Беда в том, что не все опера неглупые и жесткие. Если же в камере сидит авторитетный зэк (а это всегда неглупый и жестокий человек), то беспредела не будет никогда. Условия могут быть жесткими, могут быть очень жесткими, но это условия, которые устанавливают предел, и которые никто не смеет нарушать. Да вот беда – авторитетных, умных и жестоких зэков тоже немного.

Но и описанные смерти очень редки. От туберкулеза, гепатита, СПИДа, дистрофии в тюрьме гибнет на два, на три порядка больше людей. Вот это, действительно, страшно.

Воры, лидеры, авторитеты

В тюрьме зэки рассаживаются по камерам, как говорится, «по видам режима». В СИЗО находятся еще не осужденные, режимов там никогда не было. Да и в колониях их уже вроде как нет – вместо них теперь уровни безопасности.

Если бы существовала муза – покровительница бюрократии, то она называлась бы «глупость», потому что только глупости и бюрократическому творчеству нет предела, только они фонтанируют всегда.

Вероятно, следом за уровнями безопасности появятся какие-нибудь категории значимости, типы ответственности или, например, углы атаки (а чем плохо?). Зэкам и тюремщикам, впрочем, до этого дела нет, для них важна суть, а не название. А суть как раз и не изменилась.

Рассадка «по режимам» означает, что ранее не судимые сидят отдельно от ранее судимых, ранее не отбывавшие наказание в местах лишения свободы – отдельно от ранее сидевших. Поэтому придется сидеть с публикой, подобной вам. Однако иногда этот принцип не соблюдается. Зэки сидят вперемешку в

камерах санчасти, где их сортируют по типам заболеваний, смешиваются они в боксах сборного отделения при вывозах в суды или ИВСы. Поэтому не исключено, что вы столкнетесь с зэками, известными в народе под названиями «вор в законе», «лидер» и «авторитет». Во всяком случае, послушать байки о них вам точно доведется, поэтому лучше заранее знать, кто это.

Слова «вор в законе», «лидер организованной преступной группировки», «преступный авторитет» сейчас знают даже малые дети. Но, думается, и взрослые имеют очень искаженное представление о тех людях, которых этими словами называют. Что из себя представляют они на свободе, чем занимаются и чем отличаются от других преступников – не входит в формат книги. Рассмотрим все это применительно к неволе.

Итак, по порядку.

«Воры в законе». Эти люди действительно существуют. Они действительно, используя «воровскую идею», оказывают влияние на внутреннюю жизнь тюрьмы, на зэков, на администрацию и на отношения между ними. Однако в общественном представлении их роль слишком преувеличена. Для рядового арестанта вор в законе персонаж скорее сказочный, чем реальный.

Причин этому несколько. Во-первых, воров немного. Выбиться в вора очень сложно, нужно иметь набор ярко выраженных качеств, нужно стечение обстоятельств и элементарное везение в жизни. Воров настолько мало, что большинство арестантов за всю свою пяти-десяти-пятнадцатилетнюю тюремную «службу» могут ни разу не встретить вора живьем.

Во-вторых, тюремное население настолько разнообразно, что организовать его какой-либо идеей невозможно. Особенно в последний десяток лет, когда рыночные отношения (в самом широком смысле: купи-продай колбасу, купи-продай родину, купи-продай товарища) вытеснили из мозгов преступников традиционные понятия о чести, долге, репутации и т.д.

В-третьих, самим ворами не слишком охота тратить нервы, мозги, здоровье и время на то, чтобы совершить невозможное – привить чувство общности сброду из наркоманов, потомственных алкоголиков, дегенератов и стукачей. Они, как правило, ограничиваются тем, что сплачивают авангард – так называемую «босоту» или «бродяг», через которых влияют на контингент зэков, хоть как-то ориентированных на идею – «воровского мужика».

В-четвертых, воры, безусловно, умные люди. Это на государственной службе можно выбиться в начальники, имея бараньи мозги, в преступном мире так не бывает. Так вот, имея хорошие мозги, являясь тактиками и стратегами, воры прекрасно понимают, что борьба за единство, справедливость и братство важна как процесс, а не как результат. Если представить, что вся несправедливость, подлость и беспредел в преступном мире исчезнут, то на фоне чего тогда воры будут демонстрировать свой ум, благородство и превосходство? Поэтому донкихотов среди них нет, мозги у них вполне практичные.

Быть абсолютно благородным вор не может по определению, он преступник, а значит кому-то причинил зло. Благородство его относительно, оно видно на фоне мерзавцев и отморожков, но, надо признать, видно достаточно отчетливо.

Воры в законе заметно отличаются от серой массы зэков. Это – личности. В своей преступной карьере они прошли жестокий отбор, выдержали многие испытания, закалили характер и отточили интуицию. Иногда в журнальных публикациях их называют «генералами преступного мира». Это в принципе неправильное сравнение. Меньше всего воры в законе похожи на персонажей

из анекдотов и комедийных фильмов, а слово «генерал» у большинства людей ассоциируется именно с такими персонажами.

Среди правоохранителей, конечно, есть боевые генералы и полковники, но их почему-то слишком мало. Зато придворных – хоть отбавляй. Эти тоже прошли суровую школу – школу лицемерия, лести, доносительства и предательства. А для того, чтобы стать вором, такие качества совершенно не нужны. Похоже, потому и нет победы в борьбе с организованной преступностью, что по одну сторону линии фронта «генералы» коварные, жестокие и расчетливые, а по другую – бездарные, трусливые и продажные.

Если вам доведется встретиться с вором в законе, воспользуйтесь этим. Смотреть на него как на икону не нужно – он точно не святой, но надо попытаться пообщаться, это может принести немалую пользу. Смело обращайтесь за любым советом, по своей масти вор обязательно его даст. Следует избегать хамства и высказывания вслух своих сомнений относительно влияния вора и знания им тюремной правды. Спрашивать с вора могут только воры. И вообще в тюремной иерархии не принято хлопать по плечу того, кто более опытен и авторитетен. За это окружение вора может вас и поколотить, не сильно, а так – для науки, не калеча. Если вам вор не нравится, то и не общайтесь с ним. Он к вам в друзья точно набиваться не станет.

Совет вора полезен по двум причинам. Во-первых, это совет бывалого арестанта, а во-вторых (это наиболее важно), ссылаясь в последующем на его толкование какого-либо явления, вы избежите необходимости доказывания. С мнением вора, может быть, и не согласятся, но прислушаются всегда.

Впрочем, встретиться с ворами у вас вряд ли получится, но столкнуться с их существованием заочно придется точно. Вы услышите рассказы сокамерников о ворах, вам доведется читать воровские «прогоны» и соприкоснуться с «общаком».

Рассказы о ворах носят характер народных сказок, в которых они представлены в роли былинных богатырей. Относиться к ним и нужно, как к сказкам, не принимая всерьез детали повествования. Но при этом помнить: о пустых и никчемных людях говорить не будут. Обычно эти сказки – о могучем влиянии воров на массу арестантов, об их способности поднять каторжан на неподчинение, голодовку и бунт. Доля правды в этом есть. Такие случаи бывали, однако в жизни все происходит не как в народном эпосе, а по другому сценарию.

В рассказах эти подвиги описываются примерно так. Сидят себе воры на малине. Малина – такая, как в фильме «Место встречи изменить нельзя» – с ходиками на стене, неубитым кроликом и продавленным диваном с клопами. Воры пьют чифир и водку, играют в карты, нюхают кокаин и чешут под мышками. Скучно им.

Потом их посещает мысль – а не замутил ли нам чего-нибудь? Например, голодовку в тюрьме? Пора продемонстрировать ментам, кто в Доме хозяин (словом Дом с большой буквы на языке воров называется тюрьма). Надавить на следствие и суд, поломать парочку уголовных дел и, вообще, показать государству, какое оно криминальное. Сказано-сделано, свистнули-гикнули, – вся тюрьма голодает, менты бегают с мокрыми от страха за свою карьеру штанами, следователи прекращают дела, судьи выносят оправдательные приговоры, государственные чиновники трепещут.

В жизни иначе. Воры как опытные арестанты прекрасно знают, как тяжело человеку в тюрьме. Знают, насколько тяжелей ему станет, если он начнет бороться с властью, тем более голодать или, не приведи Господь, бунтовать. Никогда от скуки воры не станут и думать об этом. Плевать они

хотели на демонстрацию силы – они и так ее знают. Знают они о том, что уголовные дела ломаются не протестом, а пачкой денег. А государственным чиновникам и так известно, какие они криминальные, от чьей-то голодовки они даже зады из кресел не приподнимут, вот если взятки перестанут давать, тогда завоют точно.

Причина неповиновения, массовых отказов от приема пищи и беспорядков в тюрьме – не в деятельности воров, но они могут эту причину умно использовать. Причина – в нестиранных простынях, в пустой баланде, в смертности от нехватки лекарств. Особенно, когда при этом укрепляется режим, закручиваются гайки, ручеек «грева» перекрывается, а наказания сыплются одно за другим.

Зэки не понимают, что те граждане начальники, которые их обкрадывают, не имеют ничего общего с теми, кто затягивает гайки. Они не знают, что первые не только не делятся со вторыми, не только не дружат, они даже здороваются сквозь зубы. Зэковскому желудку до этого никакого дела нет. Вот и растет недовольство. Воры это недовольство используют и почти всегда добиваются цели: простыни становятся чище, баланда гуще, лекарства доступнее. И «летят головы» некоторых начальников, правда, не тех, кто ворует, а тех, кто воет. Но это уже не воровские проблемы.

Воровской прогон – это письмо вора, которое адресовано в отличие от ксивы или малявы не конкретным лицам, а массе арестантов. Следовательно, прогон относится и к вам. Администрация тюрьмы практически не в состоянии перехватить прогоны по той причине, что они написаны не самим воров, а от руки размножены в камерах. Часть экземпляров тюремщики, конечно, изымают, но часть все равно гуляет по тюрьме, а через этапы – по другим тюрьмам и зонам.

Этот плюс прогона является и его минусом: он не имеет подписи автора и написан чужим почерком, поэтому может быть искажен при переписке. Как правило, это происходит случайно – от малограмотности переписчика или от неразборчивости его почерка. Нельзя исключить, что прогон написан операми, хотя это почти невероятно. До этого еще надо додуматься. Подобные действия в служебных инструкциях не предусмотрены, а брать ответственность на себя никто из них не хочет и почти никто не умеет. Самое большее, что они смогут сделать – это внести в уже написанный прогон какие-либо изменения: указать другую фамилию или кличку или что-нибудь еще. Написать свой прогон ни один оперотдел не сможет никогда и ни при каких обстоятельствах. Для того, чтобы писать на арестантском языке, надо на этом языке разговаривать, на этом языке думать и этим языком жить.

Большая часть прогонов вряд ли заслуживает внимания. Обычно это написанные специфическим языком выжимки из Святого Писания: не обижай ближнего, будь справедлив и мудр, арестантский интерес ставь выше личного, противодействуй ментам и тому подобная блажь. Воры сами абсолютно не верят в этот наив, но время от времени должны о нем напоминать.

Бывают прогоны и конкретного содержания, с указанием имен, фактов, анализом действий и четкими предписаниями. Вот их нужно читать внимательно, анализировать и делать выводы. При этом желательно избегать обсуждения вслух. Конкретный прогон завязан на конкретном конфликте, а от любого конфликта лучше держаться подальше. Для убедительности приведу текст одной малявы (автор и адресат себя, конечно, узнают).

«Привет всем, с массой наилучших пожеланий и т.д. По поводу ознакомленного ясности нет и быть не может, и одна, и вторая мусорская пашпортина однозначно. Я видел, как пишут, я знаю, как поступают в таких ситуациях. Ф..., не лезь в эти дебри, я же тебя просил, самое лучшее, что Мы можем предпринять в данной ситуации, это облагодетельствовать Наш Быт – это Святое. И запомни, те, кто действительно Истинные лидеры преступного Мира, т.е. Воры, никогда не позволят втягивать массу, в том числе и Бродяг в свои неразберихи. Кто Вор, а кто егор решает Круг Воров на Воле, а не масса каторжан и арестантов, так зачем же вся эта блевотина народу!!? Я тебя уважаю как своего младшего Брата и прошу – не лезь в это болото, занимайся тем, чем ты занимался, от этого много больше пользы. В общем, я надеюсь на твое понимание и не делай роковых ошибок, т.е. не вздумай обсуждать или говорить кому бы то ни было свое мнение по всему этому сблеву.

На этом, пожелав всего-всего, искренне Я».

Умно. Добавить нечего. Ну разве только то, что мусорская «пашпортина» была одна, и изготовлена по указанному выше рецепту именно для того, чтобы скомпрометировать воровскую «пашпортину».

Существует еще одно явление, которое в эковском сознании связывается с ворами в законе – общак. По легендам, где-то далеко, за тридевять земель, существует воровской общак, который, естественно, контролируют воры, и размеры которого доходят до баснословных сумм – миллионов и миллиардов долларов (в разных редакциях легенд по-разному). Спорить не буду, кроме воров этот общак, понятное дело, никто не считал, не видел, а только слышали о нем в легендах. Речь не о нем.

В каждой тюрьме либо существует постоянно, либо возникает время от времени свой местный общак, как бы маленькая копия воровского. Инициаторами его создания становятся более или менее авторитетные урки, которые придерживаются (или делают вид, что придерживаются) воровской идеи и понятий. В общак вкладываются деньги, сигареты, чай, продукты питания, одежда и другая благотворительность. Цель его – оказание помощи тем, кому в тюрьме тяжелей всего: в первую очередь «вышкакам», а также тем, кто в карцере.

Идея общака, вроде бы, вполне благородна, но вокруг него постоянно возникают какие-то интриги и скандалы. Причина – недоверие эков друг к другу. Один считает, что в общак он положил больше другого, другому кажется, что общак съедается его держателями и так без конца.

Если кто-то станет вас убеждать, что надо принять участие в пополнении общака, не возражайте, ведь по понятиям общак – это святое (слова «общак», «святое», «вор» написаны так, как положено в грамматике, – с маленькой буквы, по понятиям же их нужно писать с большой: такой вот агитационный ход). Человека, отказавшегося выделить что-либо в общак, могут ожидать неприятности, как минимум – общее презрение. Но не стесняйтесь расспросить «активистов» общака о подробностях его функционирования: кто его держит, кто распределяет, кому реально помогли из этого общака. Главное, чтобы вопросы ваши носили познавательный, а не подозрительный и, тем более, обвинительный характер. Вам обязаны ответить. Имен, пожалуй, не назовут, но общую схему обрисуют. Дуриловка здесь недопустима, когда-нибудь за нее могут строго спросить.

Также при наполнении общака недопустимо и насилие в любой его форме: угрозы, вымогательства, запугивания. Понятия (если они не козлиные) предполагают, что разумный и уважающий себя арестант сам выделит что-нибудь в общак, понимая, что он делает правильное дело. Если же вы

ощущаете давление, можете не сомневаться – половину общака сожрут и скурят те, кто его собрал. В этом случае надо правильно оценить и рассчитать свои силы: или дать жесткий отказ, или, во избежание конфликта, что-то выделить, но щедрость (и глупость) не проявлять.

Также надо знать, что тюремщики борются с общаком, пожалуй, ретивее, чем с любым другим проявлением зэковской самостоятельности. Для них он, как красная тряпка для быка. Вот и воют по-бычьи: топорно, неумело, бестолково, но нахраписто и жестоко. Объективных и серьезных причин для этого нет. Просто откуда-то сверху постоянно исходят суровые указания: общак – главный признак организации преступности, поэтому его надо находить, изымать и уничтожать (если бы поступали остроумнее, зэки давно вокруг общака перегрызли бы друг другу глотки, а так – наоборот – сплачиваются в борьбе).

Тех, у кого изъяли общак, обязательно и строго наказывают. И всегда не того, кого надо. Дело в том, что общак хранят только какие-то серенькие мужички, которые или не понимают своей роли, или не могут отказать блатным. Поэтому, если вам предложили подержать в своих вещах часть общего добра, лучше откажитесь. Просто откажитесь, и все. Если у кого-то это вызовет раздражение, объясните, что вас уже дважды (или трижды – врать нужно по обстоятельствам) обыскивали одновременно три опера, искали ксивы на свободу по уголовному делу. Это не случайно. Поверят. И отстанут, найдут других желающих.

«Лидеры организованных преступных групп» (или группировок, в чем разница – непонятно). Это термин милицейский, но его используют и зэки, говоря покороче – лидеры. К людям, которых так называют, надо относиться критически. Условно лидеров можно разделить на три категории.

Первая категория – это лидеры преступных групп, которые вращаются в сфере большого бизнеса и политики. Влияние их на свободе, безусловно, колоссально. Влияние их в тюрьме, как правило, сомнительно (тем более, что садятся они очень редко, почти всегда откупаются). Хотя бывают и исключения. Для примера возьмем одного бывшего премьер-министра, который сейчас «парится» в Америке. Несколько лет назад, когда он был на коне, то мог в асфальт вкатать любого. А теперь представьте его в общей камере нашего СИЗО. Что и кому он здесь сможет рассказать, кто его слушать будет? Греть хату он, конечно, будет, и спать будет на удобном месте, но рулить – никогда. Если доведется сидеть с таким – держитесь поближе, возле него всегда сытно, и менты меньше будут тревожить.

Вторая категория. Сбились на свободе в козью стаю три-четыре козла, а их возглавил пятый – прокозел. Натворили они каких-то гадостей: выставили десяток хат, убили мужика-таксиста гривен за двадцать выручки, кого-то ограбили, над кем-то поиздевались... Потом их, естественно, приняли, они друг друга быстренько посадили и заехали на тюрьму. По милицейским сводкам они – организованная преступная группа, а во главе ее – лидер. Но тюрьма очень быстро раскусит, кто есть кто, и быть этому лидеру в том стойле, которого он заслуживает. От такого лидера лучше отодвинуться подальше, может случиться, что он уже находится на финишной прямой к параше и скоро будет не лидер, а пидер.

Наконец, третья категория. Это те люди, которые, будучи на свободе, действительно находились во главе серьезных преступных групп. Их знают, их имена и клички на слуху, у них есть авторитет. Причем авторитетом они пользуются у классических уголовников, у новых бандитов, у бизнесменов, у милиционеров и у тюремщиков. Авторитет эти люди приобрели не за деньги, не за изощренный язык или приятную физиономию. Это результат последовательных действий, принципиальности, твердости, ума и еще многих серьезных качеств личности. Такой лидер – действительно лидер, то есть

человек, за которым идут другие, идут с охотой, а не по принуждению или обману.

Некоторые из них могли бы стать ворами в законе, а кое-кто, возможно, со временем еще станет. Большинство – никогда. Они, как правило, не стремятся к этому, да и биография у многих неподходящая для вора: служба в армии (а то и во внутренних войсках), работа в торговле, дружба с правоохранителями, должности завхозов и бригадиров в прошлых отсидках (по строгой тюремной морали эти должности козлиные, хоть и абсолютно не позорные).

Такие лидеры более многочисленны, чем воры. Но их не так много, как может показаться: на тысячу зеков – три-четыре человека. Большинство из них склоняется скорее к бандитам, чем к ворам, но к воровскому движению они относятся нейтрально и достаточно лояльно. Скажем так: деньги в общак могут и не сдать, но если братве понадобится помощь – помогут.

В общении эти люди вполне доступны, характер у каждого, конечно, свой, но одна общая черта имеется. Им не нужно набивать себе цену, они ее и так прекрасно знают. И знают, что ее прекрасно знают окружающие. Поэтому в общении они контактны и корректны, понты им ни к чему.

Знакомство с таким человеком пригодится всегда, однако сильно выпячивать его не нужно. Дело в том, что между некоторыми из лидеров бывает вражда, и вражда нешуточная. В тюрьме эта вражда, как правило, ограничивается мордобоем, но на свободе последствия могут быть и посерьезнее. Пытаться вникнуть в суть этих войн и, тем более, занимать чью-то сторону не следует. Это их проблемы, сами разберутся. А вот тому, кто попал между жерновами, придется худо.

Авторитеты. Наверное, никто толком не знает, что это такое. Преступный мир с давних пор употреблял слово «авторитет» в том смысле, в котором его употребляет «честный фраер» – обыватель, добропорядочный гражданин, человек, далекий от преступников. А именно – уважение, влияние. Второе значение слова «авторитет» – человек, пользующийся таким уважением и влиянием. Иногда употребление этого слова несколько искажается, но не сильно. Вместо фразы «он пользуется авторитетом», говорят – «он в авторитете».

Называть конкретного человека авторитетом преступный мир (имеется в виду солидный преступный мир, не шпана) никогда не старался. Во всяком случае, можно точно утверждать, что ни один из тех, кого кто-то, когда-то, где-то назвал авторитетом, себя так никогда не называл и таковым не считал. Вор в законе знает, что он – вор, заявляет об этом во всеуслышанье и берет на себя ответственность за свой титул. Лидер преступной группы знает, что он лидер, отвечает за каждого, кто под ним находится и там, где надо отвечать – заявляет о своей ответственности. Так как авторитетом никто себя не называет и не считает, ответственности от этого «погоняла» никакой, то, стало быть, их (авторитетов) вроде как и нет, хотя слово это у всех на слуху.

Этому явлению можно дать такое объяснение. Слово «авторитет» в качестве определения конкретного человека придумали менты. Они, общаясь с агентурой, неправильно истолковали применение этого слова. В середине девяностых годов в отчеты оперативных отделов попали такие термины, как «лидер преступной группы» (иногда более возвышенно – «лидер преступного мира») и «авторитет». При этом никто не мог понять, чем они различаются. Термины эти, естественно, родились где-то на самом верху, где сочиняются формы отчетов.

Года два опера в колониях и тюрьмах задавали вопрос своим начальникам – чем, по-вашему, различаются две эти категории? Внятного ответа не было. Посмотреть в словарь русского языка, прочитать, что означают эти слова и чем они различаются, начальники додуматься не могли. Потом решение все-таки нашлось. Лидер – это человек, который реально кем-то руководит, а авторитет – тот, кого все уважают, но никто не слушается (вот это парень!). Это вызвало недоумение у рядовых оперативников, но спорить не стали – себе дороже выйдет. Хочет начальство, чтоб были авторитеты – пусть будут. Иногда, смеха ради, в пояснительные записки к отчетам по оперативной работе в число авторитетов вписывали главных петухов. И ничего – катило. Начальство хавало.

Таким образом это слово вернулось к зэкам от ментов.

В казенных отчетах, указаниях и тому подобной «литературе» слово «авторитет» должно было писаться в кавычках. Какой уж знаток словесности это придумал – неизвестно. Зачем – тоже неведомо. Почему авторитет в области математики или медицины пишется без кавычек, а авторитет в области преступных дел – в кавычках? Если он липовый авторитет – так и нечего о нем вспоминать, а если настоящий – то зачем кавычки?

Впрочем, постепенно к этой безграмотности, как и ко многому другому, привыкли, но это слово правоохранители, а следом за ними журналисты, продолжают применять с завидным упорством. Делается это для того, чтобы проще было оправдывать свои ошибки и преувеличивать победы. По принципу: враг был силен – тем больше наша слава. Или меньше позор. По ситуации. Вот доказательство сказанному.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого.

г... 28 августа 2002 года.

Следователь по ОВД[1 – Особо важным делам – примечание автора.] отдела расследования особо важных дел и преступлений, совершенных организованными преступными группами СУ[2 – Следственного управления – примечание автора.] УМВД Украины[3 – А интересно, может ли быть у нас МВД Уганды или, скажем, Гондураса? – интерес автора.] в... области майор милиции..., рассмотрев материалы уголовного дела № 10020034, –

УСТАНОВИЛ:

А-ов, являясь „авторитетом" и лидером преступного мира...»[4 – Неужто всего мира? – удивление автора.]

И так далее. С этим постановлением согласен начальник отдела и т.д. (титулов тоже, как у российского монарха), очевидно, согласен и прокурор, получивший копию. Возникают вопросы. Данное постановление – сугубо процессуальный документ, не допускающий лирики. В каком уголовном или уголовно-процессуальном кодексе следователь отыскал словечки «авторитет» и «лидер преступного мира»? Зачем он их употребил?

Только затем, чтобы внушить самому себе, своим начальникам, прокурору и, позже, судье особую важность уголовного дела и особую опасность его главного фигуранта.

А-ов в прошлом, действительно, авторитетный жулик. Сейчас он немощный инвалид. Не продажный и не пугливый участковый, даже не обязательно умный, разогнал бы всю эту «махвию» вместе с ее «крестным отцом» рваной фуфайкой.

Это все к чему? Старайтесь не употреблять слово «авторитет» в «процессуальном» смысле, может неудобно получиться. А если придется сидеть с человеком, именующим себя авторитетом, присмотритесь, не юродивый ли он?

Понятия

Слова «понятия», «жить по понятиям», «раскидать по понятиям» в последнее время стали употреблять все. При этом смысл этих выражений совершенно размазался, каждый толкует их так, как ему нравится. Часто люди, далекие от тюрьмы и преступной жизни вообще, вкладывают в них негативный смысл, мол, по понятиям, – значит, нехорошо, в этом кроется какой-то обман и зло. Умные и добрые дяди в телевизоре говорят: когда мы будем жить по законам – будет хорошо, а пока живем по понятиям – имеем плохо. На самом деле подобные рассуждения – полная гниль. Плохо мы живем потому, что сами умные дяди ни законов, ни понятий не признают, а, стало быть, живут по беспределу, и всех так жить принуждают.

Понятия – это всего-навсего неписанные нормы арестантской жизни, выработанные годами и веками. Понятия заполняют, в основном, те ниши общественных отношений, которые не регулируются официальным законом. На языке юристов понятия называются «обычное право», которое существует в любой среде: балерин, шахтеров, любителей пива или, в нашем случае, преступников. Сущность понятий, как и любого права, состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага (настолько, насколько в тюрьме могут существовать свобода и благо).

Обычно понятия не вступают в противоречие с законом, они существуют как бы параллельно с ним, но иногда они противоречат закону и зачастую имеют гораздо большую силу, чем закон.

Самый простой пример действенности таких неписанных правил (не имеющих отношения к преступному миру) – это когда учитель в школе спрашивает у учеников, кто разбил окно, а все молчат. По официальным нормам поведения предполагается, что все школяры наперебой станут рассказывать, как это произошло. И пальцем покажут на негодяя, разбившего стекло. Но все будут молчать, товарища не сдадут. Да и учитель, повозмущавшись для понту, про себя подумает, что пацаны и девчонки в классе вполне нормальные, потому что их молчание – это по понятиям.

В тюремной жизни понятия не просто нужны – они необходимы как воздух. Понятия признаются не только зеками, но и администрацией тюрьмы. Естественно, что в случаях, когда тюремщики должны действовать согласно закону, они так и будут действовать, но понятия все-таки в расчет примут. Если в камере побьют человека, который повздорил с кем-то из верхушки камеры, и об этом станет известно администрации (если, конечно, не сама администрация это спровоцировала), можно не сомневаться, что экзекуция всем рулям, торчкам, смотрящим и прочей блатоте обеспечена. Небо им покажется с овчинку. Вполне возможно – с очень маленькую овчинку.

Но если в камере побьют «крысу», укравшую у сокамерника сигареты или колбасу, то никакой экзекуции не будет. Ну, посадят в карцер одного-

другого из числа тех, кто бил. И все. Хотя внешне правонарушения ничем не различаются, били и там, и там.

Перечислять понятия не имеет смысла, бумаги не хватит. Конкретное понятие привязано к конкретной ситуации. Да и простое знание понятий мало что даст, скорее, даже навредит. Понятия надо прочувствовать. Поэтому человеку, впервые попавшему в преступную среду, нужно очень внимательно прислушиваться, присматриваться и запоминать. Это единственный способ не наломать дров и не поломать себе судьбу.

Тюремные понятия выработаны опытом многих поколений зэков. В отличие от истинных понятий существуют лжепонятия (чертячи, или козлиные). Их плодят и поддерживают неопытные и неумные зэки, «нахватавшиеся верхушек» и пытающиеся внушить себе и окружающим, что они чего-то стоят на этой земле. Истинные понятия – это, конечно, не Десять Заповедей, это суровые и жестокие законы, которые довольно часто причиняют боль. Однако цель их – не причинение страдания, а выживание зэков как «биологического вида». Чертячи же понятия всегда нацелены на благо одного за счет другого.

Иногда (хотя не так уж и редко) в камере заводится какой-нибудь змей, который довольно ловко начинает раскидывать по понятиям действия и просчеты сокамерников, причем всегда так, что виноватым оказывается кто-то, а прав он. Как правило, этот змей – из числа ранее судимых. (Каким образом рецидивист может оказаться в камере с несудимыми, я уже писал). Так вот, если этот профессор блатной этики растолкует вам, что вы виноваты потому, что не так взяли ложку или не тем боком подошли к «телевизору» (так называется стол в общей камере), и на словах (на его словах, разумеется) получается, что вы виноваты со всех сторон, а вы не можете понять, как это получилось, то смело говорите ему, чтобы он все это разжевал проще, потому что по понятиям любые объяснения должны быть понятны всем, а словоблудие – это ментовское, а не арестантское. Понятия – от слова «понятно».

Таким поворотом разговора вы либо защитите себя от будущих хитросплетений (поверьте, для вас ничего хорошего в них нет, далее последуют обман и унижения, ваши унижения, разумеется), либо, что на деле бывает очень редко, вы обострите конфликт и от гнилого базара перейдете к базару жесткому. При этом не бойтесь показать, что вы пойдете и дальше – к рукопашной. Вот этого как раз и не произойдет, «специалисты» по понятиям не бывают специалистами по боям без правил и в таких случаях тушуются, надувают губы и переключаются на другой объект. Но это уже не ваше дело, в тюрьме каждый сам за себя.

Любому человеку, попавшему за решетку, придется жить и действовать по понятиям. Мне встречались люди, которые не признавали таких правил и презрительно относились к обитателям тюрьмы, составляющим ее большинство и делающим из понятий культ. Это были бывшие спортсмены, офицеры, бизнесмены, люди сильные, решительные, не пугливые и знающие себе цену. Однако проходили год-два, и они полностью вливались в жизнь тюрьмы, рассуждали по понятиям, действовали по понятиям и даже по понятиям выступали третейскими судьями в зэковских конфликтах. Происходило это не потому, что кто-то на них воздействовал или запугивал. Враждовать с такими ребятами не стремится никто ни на воле, ни в тюрьме. Просто нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Коль среда обитания диктует правила, приходится играть именно по ним.

В жизни по понятиям нет ничего плохого, цель всех неписаных законов – выживание. Тем более, что жить по понятиям – это вовсе не значит сутулить спину, распускать пальцы веером, чвыркать через губу, гнусавить «в натуре, бля буду», «божиться на пидора» и демонстрировать с понтом готовность вырвать у себя зуб. Достаточно просто уважать законы тюрьмы.

«Фильтруй базар!»

Выражение «фильтруй базар!» известно практически всем. И всеми понимается совершенно правильно – следи за речью! Это предупреждение много лет назад родилось в тюрьме и применялось в качестве предостережения от случайно сказанного оскорбительного слова или выражения. Тюремные понятия всегда строго регламентировали речь арестантов и условия использования той или иной фразы.

Запреты на употребление различных слов или их сочетаний вырабатывались многими годами и были направлены на недопущение бессмысленных конфликтов в арестантской среде и сокращение конфликтов вообще.

В последние два-три десятка лет значение этих запретов заметно снизилось, и сейчас речь зэков мало отличается от речи, например, базарных торговцев. Это плохо. Контроль за речью воспитывает у человека собранность, внимание, способность быстро обдумывать свои действия, а также уважение к себе и окружающим.

По классическим нормам поведения без серьезной причины употреблять грязные, оскорбительные выражения могли себе позволить лишь зэки, занимающие самые нижние уровни в тюремной иерархии. О таких говорили: «Наглый, как колымский педераст». Несмотря на то, что сейчас в тюрьме какой-нибудь «правильный пацан», считающий себя чуть ли не пупом земли, позволяет себе базарить на уровне колымского пидора, все же любому зэку нужно стараться постоянно контролировать свою речь. От этого хуже не будет ни тому, кто говорит, ни тому, кто слушает.

Основные причины необоснованного, беспорядочного и бестолкового употребления бранных слов – низкий уровень общей культуры (на жаргоне – «черт по жизни») и компенсация комплексов собственной неполноценности: глупости, безволия, малодушия, физической ущербности.

Нормы использования в разговоре ругательных и оскорбительных выражений следующие.

Матерные и другие грубые слова употреблять можно, но с соблюдением некоторых ограничений. Они не должны быть направлены в адрес конкретного человека. Ругаться «в воздух» можно сколько угодно, за это отвечать не нужно. Например, для выражения своего недовольства или возмущения действиями сокамерника можно смело говорить «для связки слов»: «Вася, ... его мать!». Но ни в коем случае нельзя сказать: «Вася, ... твою мать!».

Выражения (как матерные, так и не матерные), в любой форме указывающие на принадлежность человека к разряду «опущенных», а также на унижение сексуального характера его близких родственников (особенно матери), в местах лишения свободы являются тяжкими оскорблениями. Употребивший такое выражение должен отвечать за него: либо быть в состоянии обосновать необходимость оскорбления, либо понести наказание.

Мало кто задумывается о смысле наиболее распространенного выражения «иди на ...». Старые арестанты иногда возмущаются: «молодежи на ... послать, как „здрасьте" сказать!». А надо бы задуматься.

Несколько лет назад в одной колонии строгого режима молодой зэк именно так оскорбил пожилого одноногого, молчаливого и спокойного зэка, не

подумав, что тот отбывает второй срок за убийство, и воспитывался на старых лагерных традициях. Инвалид потребовал извинений. Он вообще проявил чудеса терпеливости: несколько раз пытался объяснить обидчику, что тот поступил неправильно. В ответ оскорбление только повторялось. Одноногий скрытно вынес из промышленной зоны в жилую свой рабочий инструмент – пластину для укладки статора, надел чистую рубашу и на глазах у многих эзков в клубе колонии в очередной раз предложил обидчику извиниться. Тот не понял. Больше он вообще ничего не понял, инвалид воткнул ему пластину в шею и заколол одним ударом, как кабана.

Воспитательное значение этого поступка (почему-то хочется называть это поступком, а не преступлением) трудно переоценить. На год-два речь всех эзков в зоне резко обеднела на ругательства. Потом, правда, попустило. Видно, чтобы выработать устойчивый рефлекс, одного предъявления, даже такого яркого, недостаточно.

Ругательные выражения надо употреблять как можно реже. Старик Фрейд сказал: «Человек, первым бросивший ругательство вместо камня, был творцом цивилизации». У людей (имеется в виду – у нормальных людей, не быдлоты) сильные выражения являются проявлением сильных эмоций и заменяют сильные действия.

Как ни парадоксально, но «бык», ругающийся без остановок, на самом деле ругаться не умеет вообще, а только сквернословить (а это разные вещи). У него в запасе нет слов, которыми можно выразить сильную эмоцию, например, гнев. А применить вместо сильного слова сильное действие, скажем, ударить – опасно, не позволяют общественные нормы поведения. В результате у такого человека эмоции стираются, и он становится духовно «опущенным». В человеческом общении он настолько же беспомощен, как и «мышья», вообще не знающая ругательств.

Для сведения: все без исключения люди, пользующиеся в криминальной среде уважением, крайне редко употребляют ругательства. При спокойном разговоре не употребляют их вообще. «Истинное достоинство подобно реке: чем она глубже, тем меньше издает шума» (Монтень). Примечательно, что влияние этих людей на окружение (даже случайное и временное, каким является тюремная камера или боксик сборного отделения) настолько велико, что рядом с ними и другие перестают ругаться, хотя прямых замечаний никто не делает. В этом смысле можно пожалеть, что авторитетных людей в преступной среде очень мало.

Слова «феня», «блатная музыка» сейчас уже стали забываться. Туда им и дорога. Похоже, что эти явления отжили свое. Было время, когда воровской жаргон процветал, выполняя две важные социальные функции: разделительную и объединительную.

Суть первой – отмежевание профессионального преступного мира от мира фраеров. Человек, «ботавший по фене», демонстрировал окружающим свою причастность к особому миру, и этой причастностью нагонял тревогу и страх на обывателя. Самое главное – ни один честный фраер не мог понять, о чем урки между собой разговаривают.

Суть второй функции – каждый из владеющих «блатной музыкой» давал понять собратям, кто он такой. Чтобы безошибочно находить себе подобных.

Обе эти функции теперь никому не нужны. На уголовника, демонстрирующего свою причастность к преступному миру, могут посмотреть разве что с сожалением, а общаться между собой у преступников потребности нет, они не доверяют друг другу.

Жаргонные слова и выражения существуют сейчас и, без сомнения, будут существовать всегда. Жаргон, как всякий неформальный и живой язык, постоянно меняется – одни слова уходят, другие искажаются или приобретают иной смысл, третьи привносятся в него извне. Понимать и знать жаргон не сложно, в нем применяются обычные русские слова, только в несколько ином значении. Злоупотреблять им не нужно, это выглядит глупо. Там, где смысл более точно передается обычными словами, нужно использовать обычную речь. Избегать использования жаргонных слов также не следует. Все они возникли совершенно естественным путем, «из народа», и зачастую гораздо точнее отражают суть понятия, чем официальные термины. Если зэки в свое время назвали народных заседателей «кивалами», то, наверное, точнее нельзя было сказать.

Очень осторожно нужно употреблять слово «козел». На свободе оно практически безобидно, даже внятного значения не имеет, применяется как попало. Раздражение любого рода в адрес кого угодно мужского пола часто выражается этим словом. Именно в привычке к этому слову кроется опасность. Когда-то давно в местах лишения свободы оно мало отличалось от слова «петух». Потом значение его изменилось, несколько ослабло, и сейчас оно означает прихвостня администрации. Но, применяя его без разбора, можно нарваться на очень жесткую реакцию. За это слово в тюрьме надо отвечать. Многие люди были жестоко биты за случайно вырвавшееся – «козел!»

Так уж сложилось, что в национальной тюрьме тема сексуальных отношений достаточно щекотлива. Чтобы не повторить ошибку многих неосторожных зэков, разговоров по этому поводу лучше вообще не вести. Но это не всегда удается. Из-за скуки и скученности тюремной камеры зэки вынуждены обсуждать самые разные стороны своей жизни до ареста, в том числе и отношения с женщинами.

Надо твердо помнить, что по тюремным традициям женщина (в сексуальном плане) – существо второго сорта. (Это не мнение автора, это мнение, сложившееся в преступном мире!). Поэтому в любых сексуальных контактах женщина может выступать только в подчиненной и даже унизительной роли. Ни в коем случае нельзя допускать в рассказе упоминания о доставлении женщине каких-либо ласк, отличающихся от грубо традиционных. Это немедленно будет расценено, как склонность к извращениям и «контакт» с «грязными» частями женского тела. И объявлено об этом будет тоже немедленно, ведь сидеть с «контаченым» впадлу, его надо немедленно выломить из хаты. Судьба такого рассказчика будет печальна – чуть раньше или чуть позже он окажется в «петушатне».

Мужчине, вообще, лучше никогда не рассказывать об интимных подробностях своей жизни. Уже сам интерес к этой теме наводит на размышления – а мужик ли ты?

Вряд ли в тюрьме найдется много людей, знающих правила грамматики. Но несмотря на это, одно правило соблюдается очень ответственно. Это применение возвратной частицы «-ся» в некоторых характерных словах. Частица «-ся» означает «себя». Поэтому можно уверенно говорить «я трахал», но ни в коем случае нельзя сказать – «я трахался». Наличие возвратной частицы всегда будет пониматься как указание на пассивную роль в акте мужеложства. Знание этой мелочи очень важно. Ошибка, скорее всего, приведет лишь к насмешкам, но при неумелом влиянии на дальнейшее развитие событий может стоить и дороже.

Так что – фильтруй базар, бродяга!

Азартные игры

Игра была, есть и, наверное, всегда будет неизменным атрибутом тюрьмы. Основные причины этого – вынужденное скопление в одном месте множества мужиков и такое же вынужденное безделье этих мужиков. Работа не мешает, воровать не у кого, на баб и водку не отвлечешься, вот и появляется желание разбавить серую арестантскую скуку азартной игрой.

Играют в тюрьме во что угодно: карты, нарды, домино, шашки, шахматы, спичечный коробок. Официально запрещенными являются карты, причем запрещены карты вообще, а не только традиционно азартные игры. За хранение колоды карт обязательно накажут. (Изредка возникает комическая ситуация, когда у зэка изымают не колоду, а только несколько карт. С одной стороны, хранение их запрещено, а, с другой – десятком карт ни в одну игру не сыграешь. Наблюдать со стороны за мучительным выбором решения каким-нибудь гражданином начальником довольно забавно).

Нарды еще несколько лет назад были запрещены, потом их разрешили, и, надо признать, беды это не принесло никакой. Но все же жесткие запреты на азартные игры в тюрьме имеют серьезные основания. Сама по себе игра не представляет никакой опасности, опасны ее последствия. Если кто-то выиграл, то, следовательно, кто-то проиграл. И должен рассчитаться. Хорошо, если есть чем, а если нечем? Подобные ситуации очень распространены, они порождают глубокие конфликты и жестокие разрешения этих конфликтов.

В тюремной азартной игре (на жаргоне это называется игра «под интерес», на официальном языке тюремщиков – игра с целью извлечения материальной выгоды, вот где разница: авантюризм и шкурность) всегда присутствует парадокс. Казалось бы, если один зэк проиграл, то другой обязательно выиграл. Не тут-то было. Проигравшие есть всегда, выигравших нет почти никогда. Выигравших – в смысле, тех, кто получил от игры реальную пользу. Как правило, проигравшему рассчитываться нечем, он же садился выигрывать, а не проигрывать. Мнение о том, что по тюрьме «гуляют» баснословные деньги – миф. Он возникает потому, что цены на «внутреннем» нелегальном тюремном «рынке» на сигареты, чай или водку намного выше, чем на свободе. Создается впечатление, что это от избытка денежной массы. На самом деле – от дефицита товаров. «Живых» денег в тюрьме немного и на расчет с долгами их обычно не хватает.

В результате, игра «под интерес» приносит только беду, причем выигравший зачастую страдает не меньше проигравшего. Если о результатах конкретной игры неизвестно ментам (или пока неизвестно), то победитель обрекает себя на создание и дальнейшее развитие конфликта. К конфликтной ситуации, объективно сложившейся в результате игры, он должен добавить свое конфликтное поведение – выбивать долг. Он как бы запрограммирован на такое поведение, отступить назад – значит уронить свой авторитет (или то, что ему кажется авторитетом).

Если о результатах игры узнает администрация, то страдания победителя станут более материальными, а иногда и более чувствительными, особенно в некоторых местах. Тюремщики всегда вынужденно расценивают игру как разновидность мошенничества. Даже если она была честной, они об этом знать не могут, они за спиной у играющих не стояли. Поэтому администрация всегда встает на защиту проигравшего, не разрешая конфликт, а загоняя его вглубь.

Иногда (к счастью, очень редко) проигравший рассчитывается быстро и решительно, втыкая победителю заточку в бок. Не с целью убить, а с целью

причинить телесное повреждение, заработать новый срок, но гарантированно расстаться с кредитором. Впрочем, такая форма расчета бывала только у рецидивистов, которым на лишних три-пять лет срока наплевать.

Отсюда предварительный вывод: игра в тюрьме – это зло, и нужно с первых дней пребывания за решеткой собрать волю в кулак и никогда не приближаться к играющей публике.

А теперь – взгляд на проблему с другой стороны.

«Для массы Арестантов и всего Порядочного Люда!

Мира, благополучия и процветания Нашему Общему Дому и ходу Воровскому во имя Праведных дел!!!

Всем известно, что ДНО[5 – Дом наш общий – примечание автора.] без игры будет серым, скучным и неприветливым. А потому, игра была, есть и будет во все времена существования мужского общества и Братства. И как бы она не видоизменялась (от карт до домино – кладь-кладь, от ставок на футбол до обычного спорта, кто дальше плюнет), она остается средством общения и познания самого себя, своих сил и возможностей. И в этом случае еще больше возникает нужда и необходимость в Братском разъяснении единственно верных и правильных по жизни позиций отношения к игре, без соблюдения которых в ДНО будут царить распри, хаос и бандитский беспредел, который вносит сумятицу в Арестантскую солидарность и Тюремное Братство, играя на руку заинтересованным кругам и *[6 – Пятиконечной звездочкой обозначается администрация – примечание автора.].

Пользуясь случаем и видя в этом большую необходимость, Я обращаюсь к вам, Арестанты: давайте вместе налаживать положение в ДНО, т.к. за нас это делать никто не будет!!!

А начинать все надо со старых Братских принципов.

Игра не портит отношений! Ни в коем случае нельзя мириться и соглашаться, а, тем более, доводить до того, что сел напротив – значит враг! Этими установками руководствоваться нельзя! И делать этого тоже нельзя, т.к. все это – не Наше!

Все должно быть разумным и в пределах разумного, даже выигрыш или проигрыш. За неразумное отношение к игре и партнеру необходим строгий спрос как с играющих, так и с окружающих. И в этом случае спрашивается не за то, что они сделали, а за то, что они не сделали, а должны были сделать. В чем и заключается смысл Братского призыва: быть благоразумными и доброжелательными, а отнюдь не равнодушными друг к другу и к жизни НОД!!!

Много хаоса и беспредела творится с молчаливого согласия окружающих, и все это лишь потому, что в ДНО забывают или не знают, что бездействие в милосердном деле преобразуется в действие смертоносного греха!!! Любая игра под интерес без очевидцев считается недействительной! Во избежание непоняток, это должен знать каждый Арестант!

Прежде, чем сесть играть, с партнером необходимо обговорить все правила, оговорки и отступления, связанные с игрой, взаимоотношениями и платежом. ИГРА – НЕ ИГРУШКИ! ЭТО СВЯТОЙ ДОЛГ, ЧЕСТЬ, СУДЬБЫ, ЖИЗНЬ! Это должен знать каждый!

Нельзя втягивать в игру малолеток, т.к. они ведут неосознанный образ жизни. Нельзя втягивать в игру обманым путем, словоблудием (типа, пару штук сигарет), тем самым принуждать к игре и платежу. Нельзя также вынуждать к игре силой, угрозой, запугиванием, т.к. все это бандитское, а не Наше. Нельзя также переводить спортивный интерес в материальную выгоду (типа, присядки на сигареты). Нематериальное в материальное не переводится!

Проиграл – уплати вовремя, гласит Арестантская заповедь. А потому любая отсрочка и неуплата вовремя является движком-фуфлом. Многие нечистоплотные Арестанты умышленно делают скажухи, чтобы потом упрекнуть или поставить „на вид” в тяжелый и трудный момент. Не скашайте и не допускайте этого, чтобы не было упреков и лишних разговоров! ДОЛГ КРАСЕН ПЛАТЕЖОМ, А ПЛАТЕЖ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧЕСТНЫМ!

Практикуется также и преднамеренное „пачканье” в босяцкой среде, прячась от уплаты и скрываясь от партнера. В этом случае расчет может быть произведен с Вором или „положенцем”. Ну, а со злоумышленника получают как с интригана.

Очень часто в период игры возникают спорные моменты, доходит до упреков, оскорблений и рукоприкладства. Этого делать категорически нельзя! ПРОЦЕСС ИГРЫ ПРИРАВНИВАЕТ ПАРТНЕРОВ!

Ограничения суммы в игре должны распространяться только на тех, у кого были в игре сбои. Для остальных, чтобы не было оскорбительным, должен быть принцип разумности. На многих тюрьмах, лагерях для игры на число устанавливаются согласованные с Братвой суммы. Это нормально и разумно! Чтобы не плодить фуфло.

По отношению выделения с игры на О[7 – Общак – примечание автора.], будь то мужики или Воры, обязательки нет, но, в первую очередь, это – лицо Арестанта, его демонстративное отношение к Общему и к НАШЕЙ ЖИЗНИ вообще. Порядочному Арестанту говорить об этом не надо. Для порядочных зачастую напоминает Библейский 10-процентный закон жертвы.

Спор приравнивается к игре! А потому и расчет должен быть, как у Святого карточного долга!

БЛЮДИТЕ СВЯТО ЭТУ ЧИСТОТУ!

Данный прогон должен не только упорядочить взаимоотношения и открыть глаза Арестантам на Нашу Жизнь, но и не позволить забыть о том, что все это выстрадано Старшими Братьями и написано их кровью!

Мы живем, а, значит, и учимся, чтобы знать, как надо жить в этом мире, чтобы меньше ощущать страданий и горя!

С наилучшими Братскими пожеланиями ко всем Арестантам!

Вор – Юрий Кацап[8 – Это единственная кличка в книге. Без этого нельзя, прогон получился бы обезглавленным – примечание автора.].

P.S. Прогон переписать, размножить и распространить по Братским хатам!

7.01.2001 г.»

Ну что тут добавишь? Написано не просто умно, а талантливо.

Только окончательный вывод все равно остается прежним – не играть!

Тюремный юмор

Как ни парадоксально, но в тюрьме, несмотря на гнетущую атмосферу, довольно много юмора. Грубый, примитивный и по тюремному специфичный, но все же он есть. Анекдотов тюремных мало, по-видимому, творение анекдотов слишком сложно для тюрьмы.

Смех – защитная реакция человеческой психики на цепь ударов и неудач, состоявшихся в последнее время. Если в тюрьме не смеяться – запросто можно «поехать». Существует хорошая английская поговорка: если смеяться и плакать одинаково бессмысленно, то лучше все-таки смеяться, чем плакать. Зэки эту поговорку вряд ли знают, но следуют ей постоянно. Чем больше вы будете смеяться и шутить, тем больше у вас останется шансов сохранить душевное равновесие и не впасть в депрессию. Нужно во всем и везде находить смешные стороны. Если таких сторон нет – надо их создавать или заставлять себя улыбаться, пусть даже окружающие думают, что вы идиот. Это не тот случай, когда мнением окружающих надо дорожить.

Юмор должен соответствовать тюрьме, быть таким же грубым и топорным, утонченные анекдоты не то, что рассказывать, вспоминать не надо. В качестве примера типичной вершины тюремного юмора можно привести следующий.

Сидит в общей хате какой-то чудак по фамилии Семенов (фамилия взята наугад). Сидит не слишком уютно, не играет в камере ни первых, ни вторых, ни даже третьих ролей, спит на «пальме» поближе к дючке. Следствие по его делу давным-давно закончилось (мнение, что зэки долго сидят в СИЗО из-за затянутого следствия – лоховское; следствие проводится в установленные сроки, сидеть приходится долго из-за неповоротливых судов). Связи с внешним миром у Семенова нет никакой, ему даже передачи некому носить, и от тоски и неопределенности он пишет заявление такого содержания (стиль последующих записей полностью сохранен).

Начальнику

Спец. части СИЗО г...

от подсудимого

Семенова Сергея Петровича

1972 г. рожд. ст. 93 к. 1 кам. 28

Заявление

Прошу Вас сообщить мне дату моего судебного разбирательства в... областном суде.

Заранее буду благодарен.

2.09.1999 г. /Семенов/

Этот вполне обычный для тюрьмы документ Семенов пишет на тетрадном листе в клеточку через строчку и всовывает рядом с другими заявлениями в решетку возле кормушки, чтобы рано утром, когда будут выдавать суточную норму хлеба (в тюрьме это называется «по хлебам»), старший по корпусу передал всю эту писанину в спецотдел. Первая семья любой общей камеры зачастую контролирует, кто из зэков что пишет (очень благородно!). По их чертячьим понятиям это объясняется необходимостью выявлять тех, кто желает попасть на встречу к куму. Можно подумать, кум такой осел, что не сумеет придумать незаметного способа встречи с нужным ему человеком (хотя, если признаться честно, кум иногда бывает именно таким ослом).

Так вот, читая заявление Семенова, самодеятельные цензоры от скуки и безнадеги тоже начинают шутить. Как умеют. В пустые строчки они вписывают свои слова, в результате чего получается вот такой шедевр тюремного юмора.

Начальнику

спец. части СИЗО г..

от подсудимого барбоса

не мыслящего по этой жизни

Семенова Сергея Петровича

работающим полотером в хате

1972 г. рожд. ст. 93 к.1 кам.28

при ответе не звонить, кричать

в кормушку три раза -

«Семен», «Семен», «Семен».

Заявление-челобитная

Час добрый вашей хате, работы и зарплаты. Прошу Вас сообщить мне дату, которая мне как серпом по яйцам моего судебного разбирательства в этом, как вы уже знаете задроченном ... областном суде. На этом «стоп», Жму краба, фарта в доме нашем.

Заранее буду благодарен.

С искренним

уважением «Семен»

Привет по кругу всем достойным.

2.09.1999 г./Семенов/

Вот так. Не КВН, конечно, но тоже ничего. Выше этого уровня шутить нельзя - не поймут.

Татуировки

История тюремных татуировок древняя и запутанная. Существует много толкований различных наколок. В МВД и департаменте имеются специальные книги и альбомы, в которых разъясняется значение той или иной татуировки. Многие «бывалые» зэки тоже любят порассказать о порядке нанесения наколок, их правильном сочетании и «грозной» ответственности за необоснованно набитую наколку.

Эти «теории» не стоят ломаного гроша. Все это бредни выживших из ума пенсионеров и «порожняки» тех, кто комплексует без общего внимания и пытается привлечь его любым способом. Никто из живых (и зэков, и ментов) не помнит того времени, когда татуировки что-то там означали и когда за неправильно нанесенную татуировку можно было нарваться на «спрос». Общее значение татуировок исчезло примерно тогда, когда зэки разучились перестукиваться через стену, то есть после расстрела последнего чекиста Лаврентия Берии.

Похоже, что в скором времени татуировок в тюрьме вообще не будет, это уже и сейчас становится не модным. Раньше наколки выделяли человека сидевшего среди не сидевших, очевидно, ими гордились. Теперь же, когда на свободе тату-салонов стало чуть меньше, чем парикмахерских, а наколки бьют даже нецелованные девочки, у серьезных арестантов возникает все больше сомнений в целесообразности натальной живописи.

Администрация тюрьмы с татуировками борется. Толку от этой борьбы никогда не было и нет, зэков, расписанных, как тигры, от этого меньше не стало. Смысл этой борьбы не может сформулировать никто, для чего эта возня продолжается – тоже никому не известно, но по инерции она лениво продолжается. Иногда какого-нибудь зэка, уличенного в нанесении татуировки, наказывают, но чаще на это не обращают внимания.

Реальная опасность тюремной татуировки – заражение СПИДом. Машинка для татуировки – переделанная электробритва, краска – жженный каблук, игла ржавая и грязная. Умный арестант должен понимать, что это не самый приятный способ подцепить СПИД или сифилис.

Наколка должна что-то обозначать. Смысл армейской татуировки (как правило, убогой в художественном плане; откуда в армии взяться специалисту?) понятен: навсегда оставить след о времени, когда ты, как мужчина, с оружием в руках охранял покой Родины. Стоит ли с подобной целью лепить тюремную татуировку, сомнительно, тем более что конкретного смысла она не содержит. Больно смотреть на иного человечка: заточка у него крысы, характер овцы, мозги курицы, а на груди – леопард. Ну, и кто же он на самом деле?

Наколка не может набиваться для красоты. Если появляется желание именно украсить себя татуировкой, то лучше использовать более доступные и безболезненные способы, накрасить губы, например. Что, не хочется? Тогда и наколку для красоты лепить не нужно. Учтите, мужчину по настоящему украшают только четыре вещи – это шрамы, морщины, седины и враги. Все остальное – бижутерия.

Есть еще одна беда от наколок. На улице опытный глаз сразу «выхватывает» бывалого арестанта. Один из явных признаков – в самую жару он одет в рубашку с длинным рукавом. Стыдно. Когда-то по молодости и глупости разрисовал себя, а теперь стыдно.

Ну, а если мысль набить наколку все же вам пришла в голову, то, во-первых, хорошо подумайте, что она будет символизировать, а во-вторых, нужно не семь раз отмерить, а двадцать семь. Потом уже резать. Это ведь навсегда.

Защита прав

Лишившись свободы, вы начнете ощущать нарушение своих прав особенно остро. Причем восприниматься это будет как нарушение не одного-двух, а всех ваших прав одновременно: вас незаконно задержали, незаконно продержали сутки-двое без составления документов, не имея достаточных оснований арестовали, не дали встретиться с адвокатом, не разрешили позвонить домой, отобрали (не изъяли, а отобрали) деньги и мобилку, нагрубили, оскорбили, побили и так далее.

Восприятие всего этого беспредела, конечно же, слишком субъективно. Пройдет немного времени, страсти поулягутся, и вы поймете, что во многом правоохранители действовали вполне законно, во всяком случае, наивно было бы ожидать от них других действий.

Но ощущение несправедливости останется. Тюрьма не даст этому ощущению умереть, ваши права будут нарушаться и дальше, можете не сомневаться. Ваше отношение к этому станет более спокойным, взвешенным и философским, но причин для возмущения будет немало.

Рано или поздно перед вами встанет вопрос: обращаться по поводу несправедливости с жалобами или нет? В тюрьме этот вопрос очень серьезный, а принятие решения сродни гамлетовским сомнениям. Человек, имеющий совсем немного прав (это если официально) или, если неофициально, вообще не имеющий никаких прав, ставит на карту слишком многое: убогое благополучие, шаткое спокойствие и иллюзию бесконфликтного существования.

Выбирать придется самому, исходя из серьезности проблемы, обстоятельств и перспектив. Но ряд неписаных правил нужно знать.

Что такое жалоба? Закон определяет ее как обращение с требованием о восстановлении прав и защиты законных интересов граждан, нарушенных действиями... (далее понятно). Слова «требование» и «жалоба» очень непохожи. Это как будто о разном. Требование – это воля, протест, вызов, активное действие, а жалоба – это просящий взгляд, дрожащие губы, хныкающий голос, размазанные сопли. Как же так?

Слово «жалоба», похоже, и придумано было для того, чтобы обращаться с жалобами было стыдно, мол, уважающий себя человек жаловаться не станет, это удел засранцев. В тюрьме культивируется и термин такой – «жалобщик». Исходит он от тюремщиков, подхватывается какой-то частью эков, причем не обязательно холоуями администрации, просто глуповатыми. Слово это произносится презрительно, звучит презрительно и воспринимается презрительно.

И напрасно. Презрения заслуживает безответный лох, а человек, защищающий свои права, честь и достоинство, всегда будет на голову выше этого лоха. Много лет назад один опытный умный тюремщик, обучая молодежь, спокойно и доходчиво объяснил, что, во-первых, человек защищает свое, и одно это заслуживает уважения, а, во-вторых, жалобщик часто указывает администрации на недостатки и глупости, которые она сама заметить не

может (в силу собственной глупости). Поэтому выслушать человека нужно всегда. И, если он прав, то помочь.

Мысль, без сомнения, умная, но, вот беда – эта точка зрения почти не распространена среди тюремщиков, с учителями не всем везет. Таковы реалии.

Прежде всего вы должны сами для себя решить: быть вам жалобщиком или быть вам безответным лохом.

Определите точно, что именно вы хотите обжаловать? Сидя в тюрьме, жаловаться на милицию, прокуратуру и суд можно сколько душе угодно. Для них вы сейчас далеко-далеко, вроде как на другой планете. А администрации СИЗО на эти жалобы наплевать, ее они не касаются. Жаловаться на администрацию тюрьмы нужно поосторожнее: им это может не понравиться, а от этих людей вы сейчас очень зависимы, к ним вы находитесь очень близко.

Распросив сокамерников, выясните существующую среди администрации структуру формальных и неформальных отношений: кто кому подчиняется, кто и среди кого имеет вес, кто с кем «кентуется» и кто с кем конфликтует. Не надо вслепую верить совету какого-нибудь знатока в камере, мол, жалуйся «хозяину». Пусть объяснит, если он такой просвещенный, почему он так считает, на чьем опыте его совет основан, какие реальные примеры (не фантастические, а самые приземленные) он сможет привести?

Всякий удар должен быть своевременным и наноситься точно в цель. Жалоба должна решать проблему, а не создавать вокруг нее хипиш. Поэтому надо точно определить уровень конкретного сотрудника, которому вы пожалуетесь. Обратитесь слишком низко – проблема не решится. Обратитесь высоко – все равно жалобу спустят вниз, и кому она попадет – неизвестно. Преобладающее большинство тюремных проблем решается в тюрьме. Вряд ли стоит по любому поводу (ну, например: вам в передаче колбасу не донесли) жаловаться Генеральному прокурору. Не приедет он искать вашу колбасу, не интересно ему. В этом случае, скорее всего, колбасу вообще никто искать не станет. А обратитесь, скажем, к начальнику режимного отдела или «своему» оперу, недостатку, глядишь, и возместят.

Не нужно рваться попасть на прием или написать начальнику тюрьмы. Во-первых, он сам никогда вашей проблемой не займется, кому-нибудь поручит и забудет поинтересоваться результатом. Во-вторых, если начальника зэки называют «Хозяйка», а не «Хозяин» (к сожалению, в восьмидесяти процентах случаев их именно так и называют, наверное, заслуженно), то, сами посудите, стоит ли обращаться к хозяйке?

Кличка или название конкретного человека в виде женского имени (Светка, Наташка, Барбара) или слова женского рода (Хозяйка) в тюрьме считается верхом презрения. Так называют петухов.

Стремление искать правду у самого высокого начальника является заблуждением, однако оно очень распространено и практически неистребимо.

Заблуждение это основывается вот на чем. Масса зэков представляется как стая волков, а масса тюремщиков – как свора волкодавов. А во главе волкодавов, естественно, самый матерый волкодавище. Самый сильный, самый мудрый, самый справедливый. В реальной жизни масса зэков – это бесформенная толпа мышей, крыс, паршивых овец и шакалов. Попадают, правда, и волки, и рыси, и леопарды. Но не часто. А масса тюремщиков – это дворняги, шавки и моськи. Хотя попадают и волкодавы, и гончие, и ищейки. Тоже не часто. Во главе дворняг редко оказывается волкодав, скорее, это умеющая хорошо приспособиться к вышестоящему начальству шавка. Должность начальника тюрьмы абсолютно не связана с риском для

жизни и здоровья, разве что с коммерческим риском в теневой экономике, и с риском попасться на взятке. Волкодавов же побаиваются те шавки, которые находятся под ними, рядом с ними и над ними.

Помните, у Высоцкого: «У начальника Березкина ох и гонор, ох и понт! И душа крест-накрест досками...», и дальше: «...только с нами был он смел, высшей мерой наградил его трибунал за самострел». Давным-давно нет ни трибуналов, ни высшей меры, но начальники березкины никуда не исчезли. Не исчезли и их гонор, их понт и их «смелость».

Самый удобный способ пожаловаться – это устно обратиться к кому-то из руководства СИЗО во время еженедельного обхода камер. Начальнику и его заместителям положено раз в неделю обходить все камеры и интересоваться житьем-бытьем арестантов. Как они выполняют эту обязанность, конечно, большой вопрос. Бывает, неделями и месяцами не появляются. Но если такой появится, нужно обязательно рассказать ему о своей проблеме. Желательно перед этим сформулировать мысль, чтобы не «буксовать», а то не поймут, чего вы хотите.

Ваше заявление обязательно выслушают, кто-то запишет, скажут: разберемся. Девяносто девять процентов вероятности, что никто разбираться не станет, или поручат какому-то «шнурку», который все равно ладу не даст. Ничего, это нормально, во всяком случае, ожидаемо. Ровно через неделю повторите свое заявление тем же тоном, что и раньше, не показывая эмоций. Но при этом обязательно добавьте, что гражданин начальник обещал проблему решить (хотя никто вам ничего не обещал, «разберемся» и «решим» – разные вещи). Гражданин начальник не помнит, что он вам говорил, и в присутствии свиты, которая его сопровождает при обходе, ему станет немного стыдно (на самом деле, стыдно ему никогда не бывает, просто возникнет некоторая неловкость: как же так, он такой важный и великий, а подчиненные проигнорировали его существование). После этого, вероятность решения вашей проблемы возрастет с одного процента до тридцати. А это уже надежда.

Через неделю спектакль можно повторить, но, если и после этого проблема не решится, – забудьте ее, значит, она не решится никогда.

Первая и главная сложность, с которой сталкивается зэк, написавший жалобу – как сделать так, чтобы она дошла до адресата. Существующая система движения зэковских жалоб по существу является системой по прекращению этого движения. Зэк не имеет возможности отправить жалобу по почте или вручить ее лично, жалобы рано утром забирает из всех камер старший по корпусу (так называемый корпусной). Ни в каком журнале он их не фиксирует, нигде не расписывается, ответственности за них не несет. Куда он их деваает – неизвестно никому, кроме него самого. В любой тюрьме «работает» сказочный персонаж – майор Корзинкин, который «рассматривает» большинство жалоб (у Корзинкина есть еще и брат-близнец, который «работает» прокурором). Поэтому, направляя жалобу, будьте заранее настроены на то, что она попадет именно к Корзинкину. Чтобы этого не произошло, нужно выбрать самого добросовестного корпусного (они работают посменно) и попросить его, чтобы он отнес жалобу куда следует. Как правило, этого достаточно, у всех корпусных нормальные отношения с зэками и портить их ему смысла никакого нет. Не исключено, что у него приоткроется «клюв». Ну, что ж, можно что-нибудь ему в клюв бросить, а можно и не бросать. И так сделает.

Коварный майор Корзинкин может перехватить жалобу и позже, но вы на этот процесс уже не повлияете. Вам останется только ждать.

Жалоба должна содержать минимум требований: в куче вопросов обязательно утонет главный. Если у вас есть несколько претензий, лучше написать о них

в разных жалобах, которые направить в разное время. Не засоряйте жалобу разным мусором, не подтвержденным доказательствами. Это распространенная ошибка – написать побольше гадостей, авось, какая-нибудь пролезет. Лучше пусть жалоба содержит только один факт, но этот факт должен быть подтвержден.

Даже если ваша жалоба дойдет по адресу и будет рассмотрена, это еще не значит, что она будет рассмотрена по существу. В бюрократической практике имеется целый набор приемов, как ответить на жалобу так, чтобы на нее не ответить. Во-первых, сроки ее рассмотрения максимально затянутся. Закон определяет, что жалоба, не требующая дополнительного изучения, должна быть рассмотрена немедленно. Но если чиновник дебил, ему всегда понадобится дополнительное изучение. Во всяком случае, ему выгоднее показаться идиотом (сам же он это в зеркале не видит), чем удовлетворить ваше законное требование. Поэтому реально ответ на жалобу придет дней через сорок, не раньше. В этом есть немалый смысл: у большинства людей за это время обида перегорит, и жаловаться они больше не станут.

Ответ на жалобу будет всегда по теме, но практически всегда не по существу. Половину текста займет глупая фраза о том, что «...ваша жалоба была рассмотрена...» (и верблюда понятно, что раз пришел ответ, то была рассмотрена), дальше будет написано громоздкое название организации, которая ее рассмотрела (а не громоздких названий сейчас нет). А во второй половине, скорее всего, разъяснят, куда вам нужно обратиться и сошлутся на парочку законов (точнее, на парочку названий законов – ссылок на конкретные правовые нормы и цитат, конечно, не будет). Интересно, где в тюрьме зэк найдет текст закона, чтобы убедиться в правильности ответа? Чиновник же не несет никакой ответственности за глупость, только за несвоевременность ответа.

Если вы повторно обратитесь с жалобой, то можете получить вообще восхитительную реакцию, вроде такой – «ваша жалоба аналогичного содержания была рассмотрена, и вам направлен ответ». Что, мол, ты, дурак, еще хочешь? Поэтому прежде чем жаловаться, подумайте, готовы вы к этому «марафону»? И коль уж пожаловались, то не «раскатывайте губу» и относитесь к последующим событиям с юмором. Не зацикливайтесь на жалобе, не тратьте нервы, здоровье дороже.

Необходимо точно определить цель, которой вы хотите добиться. Говоря образно, рассчитывайте так: если я прошу сотку, а получу червонец, то и это неплохо.

Имейте в виду, куда бы вы ни направили жалобу, хоть президенту, хоть начальнику вокзала, хоть в комитет советских женщин, рассматривать ее будут две организации: или областное тюремное управление, или прокуратура. С управлением все ясно, вряд ли вы найдете там понимание. Да и на прокуроров тоже особо рассчитывать не стоит, они же свои, местные, из Швейцарии не приедут.

Но иногда между правоохранителями возникают «войны», что-то там они поделить не могут. Вот во время этих «боевых действий» ваша жалоба может оказаться серьезным оружием.

Не нужно думать, что после вашей жалобы свершится революция. Это единичные случаи, когда по жалобе зэка или его родственников кого-то осудили или хотя бы выгнали. Бывало, что наказывали, но тоже нечасто. Но, несмотря на это, в жалобах смысл есть. Их не любит никто: ни тот, на кого жалуются, ни тот, кто проверяет жалобы, ни тот, кто должен принимать по ним решение. Поэтому администрация старается устранить причины, порождающие жалобы – так спокойней.

Выше говорилось, что жаловаться на администрацию надо осторожно, но это не значит, что, пожаловавшись, вы выйдете на тропу смертельной войны. Ничего подобного, «щемить» вас вряд ли станут, побоятся. Кроме того, в силу разобщенности тюремщиков жалоба заденет интересы только одного или нескольких сотрудников, другим же от нее будет ни жарко, ни холодно, а кое-кто еще и порадует. Так что бояться писать жалобы не нужно.

«Наступить на хвост» умному и настырному жалобщику мало кто умеет и абсолютно никто не хочет. Как-то один зэк, надо признать, весьма неглупый и грамотный, своими жалобами довел администрацию до того, что с ним уже боялись общаться. Он стал даже издеваться над начальством: выбирать себе условия существования, камеру, где ему хочется сидеть.

Этот случай, конечно, нетипичный, копировать его не нужно, но иметь в виду можно. Умник этот в результате перегнул палку и «ответил» – его закатали в рубашку. На ровном месте, по беспределу, но оформили все так, что даже он со своим опытом матерого сутяги по этому поводу жаловаться не стал, понимая бессмысленность жалобы. Просто он выпросил, чтобы им занялись люди неглупые и неленивые. Но случай этот, повторяю, нетипичный. Неглупых и неленивых сотрудников в тюрьме почти что нет.

Также не стоит опасаться осуждения ваших действий другими зэками. Обязательно найдется кто-то, кто начнет «чесать по ушам», что жаловаться – это не по понятиям, «западляну». Либо этот человек не понимает, что говорит, но любит, чтобы его послушали и «метет», что попало (короче, черт), либо, что случается чаще, он – кумовской. Третьего варианта нет. Если ваша жалоба заденет интересы и права других зэков – это точно будет не по понятиям, свою же судьбу каждый решает, как может. Драться за свое (любыми способами) – вполне по понятиям.

Администрация может попытаться столкнуть вас лбами с сокамерниками, проводя, например, незапланированные обыски. У них это называется «применять макаренковский метод воспитания через коллектив» (надо признать, что никто из тюремщиков Антона Семеновича Макаренко не читал, а попроси любого дать определение слова «коллектив», в ответ только замычит, как корова). Но системы в этих действиях все равно не будет. Те, кого жалоба задела, будут поручать проводить шмоны тем, кого она не касается. Один-два обыска – и наступит тишина.

Воровское движение (в широком смысле, не имеется в виду действия конкретного вора или воров) даже использует целенаправленные жалобы зэков и их родственников, чтобы воздействовать на обстановку в тюрьме, успокоить слишком энергичных ментов или сделать поскромнее слишком жадных. И надо признать, что этот путь достаточно эффективный. Слишком шустрый становится более рассудительным, а слишком жадный умеряет аппетит.

Чтобы обойти вредного майора Корзинкина, зэки часто направляют жалобы нелегально. Как это делается – объяснять смысла нет, на месте будет все понятно. Если уж в тюрьме попадает водка, наркотики, мобильные телефоны и даже боевое оружие, то неужели непонятно, как из нее выходят жалобы? Когда по такой жалобе начнется проверка, тюремное начальство попытается наказать ее автора. Законные основания для этого есть – подобное направление жалоб запрещено. Но как показывает практика, наказывают только особо глупых зэков, которые сами этот факт признают. Если вы твердо заявите, что передали жалобу через корпусного, никто обратного не докажет. Любая палка о двух концах, и система по прекращению движения жалоб сработает вам на пользу.

Ну и последнее. Постарайтесь писать жалобу пограмотнее. Текст должен быть лаконичным, изложение должно идти по схеме: время, место, событие.

Грамматических ошибок должно быть как можно меньше, цель жалобы – обратить внимание, а не вызывать смех.

Национальный вопрос

В тюрьму попадают люди всех национальностей, без разбора. Процентное соотношение зэков разных национальностей примерно соответствует такому же соотношению на свободе в данной местности.

При этом в тюрьме наблюдается парадоксальное явление: любое недоверие, ненависть, высмеивание или иное напряжение, существующее между представителями разных национальностей на свободе, в тюрьме почти полностью исчезают. Объяснения этому нет, такой факт существует, и все.

Эти отношения существовали во времена тюрем тоталитаризма, в период перестройки, существуют сегодня и наверняка будут существовать завтра. Теории, о которых приходится слышать, дескать, почвой для шовинизма, национальной розни и ненависти являются бедность, неграмотность, забитость и отсутствие прав, в тюрьме не срабатывают. Нет человека бедней, забитей и бесправней зэка, но межнациональных распрей в тюрьме не было и нет. В самый разгар Нагорно-Карабахского конфликта азербайджанец и армянин мирно сидели в одной камере, вместе ели-пили и еще шептали друг другу на ухо что-то на только им понятном языке, замышляя какую-то свою хитрую выгоду.

Тюрьма, с ее привычно грубыми отношениями, конечно же, разделяет зэков по национальностям, при этом используются слова, оскорбительные на свободе, но не в тюрьме. Еврея в глаза называют «жид», кавказца – «зверь», россиянина откуда-нибудь из глубинки – «кацап», уроженца западных областей Украины – «бандера». При этом никто никого не хочет оскорбить, а потому никто и не оскорбляется.

Так как тюрьма не признает в общении фамилий, зэки месяцами могут находиться рядом, активно общаться, приятельствовать и ссориться, но при этом знать друг о друге только, что вот это – Юра Кацап, а это – Вова Жид. Национальность используется в качестве определяющего или уточняющего признака. Одного называют Сережа Крымский, другого – Толя Харьковский, а третьего – Федя Зверь (зверь, понятно, не потому, что он людоед, а потому что родом, допустим, из Дагестана и зовут его Фарид).

Иногда неприязнь к зэкам некоторых национальностей или национальных групп все же присутствует, но вызвано это не национальной враждой, а другой причиной. К цыганам или тем же зверям относятся порой настороженно и недружелюбно из-за того, что они свои дела обсуждают на непонятном для окружающих языке («хрюкают по-звериному»). Русским или украинским зэкам это, понятно, не нравится – они, кроме своего полуматерного, другого языка не знают. Но национализм здесь не при чем.

Словом «жид» не всегда называют только еврея. Так как национальным признаком евреев считается сообразительность и умение извлечь выгоду в любой, даже пропашей, ситуации, то жидом могут называть любого человека с быстрыми мозгами, хоть и фамилия у него, допустим, Петрусенко. Зверем могут назвать любого, внешне похожего на кавказца.

Элементы межнациональной розни в тюрьму привносят тюремщики – у них психология только наполовину зэковская. Так, при какой-нибудь «раздаче» азербайджанец обязательно получит пару лишних пинков или ударов палкой

только за то, что он зверь, чеченец «ответит» за кровь русских солдат и слезы их матерей, а еврей или цыган – за то, что, падла, еще не всех обдурил. Но при этом истинного задора менты, как правило, не проявляют, а просто исполняют, как ритуал, норму поведения. Нужно же продемонстрировать начальству и окружающим свою тупую принципиальность и вроде как патриотизм.

Несколько особняком стоит отношение общей массы зэков к неграм, китайцам или вьетнамцам, которых в тюрьме с каждым годом становится все больше (как и на свободе). К ним относятся слегка презрительно и насмешливо, но причина этого в том, что зэки смотрят на этих забавных ребят как на что-то экзотическое. Но негр или китаец от этого не страдает, воспринимает нормально, понимает, что вождям хаты ему все равно не быть.

Тюремное врачевание

Одно из распространенных заблуждений относительно тюрьмы – то, что в санчасти СИЗО находиться намного приятней, чем в следственной камере. Заблуждение это идет от неправильного сравнения рассказов о сталинских лагерях с современной тюремной действительностью. В лагпунктах и на командировках того времени, где арестант, чтобы получить пайку, должен был отработать на повале или в шахте десять-двенадцать каторжных часов, оказаться в санчасти – это как очутиться в раю. Пайка здесь была, конечно, меньше, но и работы никакой. Лежи себе и плюй в потолок. В нынешних колониях условия труда ничем не отличаются от условий на любом заводе, да и работы на всех не хватает. И на пайку зарабатывать не надо, ее выдадут по-любому. Находящиеся под следствием зэки вообще не работают, и без санчасти можно лежать и плевать в потолок. Поэтому слепо стремиться на лечение не надо.

Шутить сквозь слезы по поводу казенного врачеванья начали еще великие. Сто пятьдесят лет назад Николай Васильевич Гоголь писал: «...лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет... Это уж так устроено, такой порядок... Все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком». Болеть в тюрьме нежелательно. Ноющий по поводу своих хворей зэк – настолько привычная картина, что на него вообще никто внимания не обращает, ни администрация, ни сокамерники. Случается, начинают замечать, когда он уже остыл. Но если все-таки болезнь случилась (а кто от этого застрахован?), нужно принимать меры. Чтобы не остыть.

Прежде всего, надо проявить настойчивость: использовать любую возможность, чтобы заявить о болячке. Для всякой тюрьмы характерно отсутствие умной организации и дефицит людей, способных эту организацию создать и поддерживать. Постовой контролер, которому вы расскажете о болезни, скорее всего, никому эту информацию не передаст. Подумает: об этом, наверное, знает медсестра, так зачем суетиться? Медсестра подумает, что об этом уже знает врач, а врач может по этому поводу вообще ничего не думать.

Вот суровый пример. В следственной камере один зэк упал на параше и сломал бедро. По свободе он был наркоманом, кости у него слабые, вот нога и сломалась при небольшом ударе. Четверо суток после этого его сокамерники просили дежурных контролеров, чтобы те вызвали врача. Каждый контролер абсолютно добросовестно и абсолютно тупо звонил в санчасть, но,

так как коммутатор соединял его с таким же контролером в коридоре санчасти, то он ему эту просьбу и передавал.

Тот также добросовестно и тупо рассказывал это первому попавшемуся доктору, а доктор, занятый «рисованием» историй болезни, не вникая в суть информации, бурчал, что в корпусе, где находится больной, есть свой врач. Все, в общем, что-то предпринимали, но толку от этого не было никакого.

На третий день мимо камеры пробежала какая-то тетка в белом халате. Контролер сообщил ей о беде. Тетка через решетчатую дверь, с расстояния пяти метров, внимательно посмотрела на хворого, спросила, что с ним. (Вот это метод диагностики! В тюрьме еще и не такое бывает, могут диагноз и по телефону поставить). Зэк объяснил, мол, нога болит (а что он еще мог сказать?), она дала ему две таблетки анальгина и исчезла.

К счастью, на четвертый день по графику проверка была поименная, а не количественная, и зэки должны были выйти из камеры, один не вышел, и о его переломе наконец-то узнали. Почему зэки не говорили о беде старшим по корпусу при вечерних проверках, почему не говорили «прогульщикам» – кто их знает? Стеснялись, что ли? А может быть, и говорили? Так кричать надо было. Если бы не поименная проверка, бедолага так бы и воткнул. Поэтому внимания медиков надо добиваться всеми имеющимися средствами.

Добившись приема врача или фельдшера, точно узнайте поставленный вам диагноз и запишите его, иначе забудете. Запишите, какие медикаменты необходимы для лечения. Через адвоката или следователя попросите родных, чтобы привезли так называемую медицинскую передачу.

Вопреки распространенному мнению, следователь или, как его называют в тюрьме: «следак» или «следачка», в рамках закона охотно идет навстречу подследственному. Отношение его к зэкам, как правило, спокойное и ровное. Лично он арестованному зла не желает, просто делает свою работу.

Лекарства от родных очень нужны, потому что в тюрьме необходимых медикаментов, скорее всего, не окажется. И это не вина местных лепил, никто «калики» (лекарства) налево не продает, их просто не получают. Иногда в рамках какой-нибудь гуманитарной помощи приходят просроченные препараты из Европы. Тюремные врачи собирают консилиум и пытаются перевести, например, с немецкого, что же им попало. С трудом переводят – средство для лечения поноса у свиней. Прикидывают, из чего составлено лекарство и решают – зэкам давать можно. И помогает! Из этого не нужно делать вывод, что отечественный зэк не отличается от немецкой свиньи. Отличается. У немецкой свиньи есть выбор лекарств, а у нашего зэка нет.

Когда родители привезут медицинскую передачу, вам ее на руки не выдадут, хранить лекарства в камере запрещается. Но обязательно покажут. Запомните или, лучше, запишите, когда написано заявление на передачу и какие препараты переданы. Внаглую ваши лекарства не украдут, в тюрьме это не принято, но врачи и сестры меняются, может возникнуть путаница. Поэтому надо четко знать, сколько уколов вам укололи, сколько «колес» закатали и сколько клизм поставили.

Будьте здоровы!

Голодовка

Выражение «объявить голодовку» известно любому, кто включает телевизор и читает газеты. На свободе не задумываются о полном смысле этого действия, да оно и понятно, голодает ведь кто-то очень далеко и очень редко. Практически никто с голодовками и голодающими лично не соприкасался. В местах лишения свободы такая форма протеста, как голодовка, известна с незапамятных времен. Нельзя сказать, что в каждой тюрьме, в каждый конкретный день кто-то голодает, но все же это явление достаточно распространено. Отказаться от приема пищи (это официальное название голодовки), или, как это называется на жаргоне, – «держать голодовку» – крайний шаг, когда человек в дополнение ко всем уже имеющимся невзгодам прибавляет еще одну – прекращает питаться, обрекая себя на мучительное и губительное существование.

Крайне редко зэки голодают в знак протеста против действий администрации, любые, даже самые уродливые формы сосуществования «воров и ментов», воспринимаются как нормальные. В основном, голодовка – протест против действий правоохранительных органов: милиции, прокуратуры или суда. В тюрьме слово «голодающий» достаточно часто употребляется, никого не удивляет и никого не застает врасплох. Отказ от приема пищи можно рассматривать в трех аспектах: социальном, медицинском и правовом.

В социальном аспекте голодовка стоит дешевле, чем жалобы на несправедливость в ООН или начальнику вокзала. Сокамерники относятся к голодающему вроде бы с пониманием, но в лучшем случае равнодушно, а в худшем – настороженно, справедливо полагая, что любое привлечение внимания администрации к их камере ни к чему хорошему не приведет. Если бесполезная голодовка затягивается (а она практически всегда оказывается бесполезной), сокамерники начинают подсмеиваться над протестующим и дразнить его предложениями поест.

Тюремщикам на объявление голодовки наплевать. Они к этому привыкли. Сочувствия к голодающему у них нет никакого, если же голодовка затягивается, она начинает их откровенно раздражать. Настырный голодающий невольно требует от них целого ряда действий: выдавать ему еду, забирать нетронутую пищу, отмечать это в специальных карточках, следить, чтобы ему тайно не передали продукты, путаться во всех этих несложных мероприятиях и получать от начальства «по балде» за ошибки. Иногда от скуки они начинают дразнить голодающего поджаренным на сковородке салом с луком или куском ароматной колбасы.

Таким образом, бедняга голодающий изолирует себя от окружающих. Он остается один на один со своей бедой. Это вам не на площади перед Белым домом голодать.

В медицинском аспекте голодовка принесет человеку гораздо больше вреда, чем он может предполагать. Каждый зэк где-то слышал, что голодать полезно, и эта безумная идея безостановочно циркулирует по зэковским головам. Нужно четко знать, что лечебное голодание и протестная голодовка не имеют ничего общего. Голодание по специальной методике, на фоне положительных эмоций, под пение птичек в цветущем садочке может быть и принесет пользу организму. Голодовка на фоне резко отрицательных эмоций, сильнейшего стресса, в вонючей камере не только не даст пользы, но и обязательно «ударит» по внутренним органам. Причем удар этот потом будет отдаваться всю жизнь. Ни один зэк не вышел из голодовки без серьезных последствий.

Голодающего каждый день навещает врач. Через несколько дней, когда в организме произойдет ряд изменений и, как говорят в тюрьме, «ацетон пошел» – при выдохе слышится запах ацетона, – зэка начинают кормить принудительно. Процедура эта малоприятная, если человек не сопротивляется: через рот ему вводят в желудок резиновый катетер, по

которому вливают какой-то гоголь-моголь. Если человек сопротивляется, процедура становится совсем неприятной: руки в наручниках, катетер вводят через нос, чтобы не перекусывал. При этом принудительное кормление рассчитано только на то, чтобы обеспечить самый необходимый уровень жизнедеятельности. На этом питании еще никто шею не наел, все равно организм страшно ослабевает.

Когда-то, теперь уже давно, один зэк, не признававший свою причастность к преступлению, держал голодовку восемь (!) лет. Добился этим он только того, что срок ему снизили с одиннадцати лет до десяти. На девятом году он умер. Может, он и прав был, не признавая вину, но кто теперь о нем вспомнит?

В правовом аспекте голодовка, вроде бы, и не существует. Процессуально она никак не может повлиять на ход следствия или суда, так как не предусмотрена ни одним законодательным актом. А среди зэков значение голодовки очень сильно преувеличивается. Бестолково организованная голодовка не даст никакого толка.

Обычно отказ от пищи проходит по такой схеме. Зэк, сидящий вместе с пятью или пятьюдесятью сокамерниками, прекращает есть. В знак протеста против чего-то там, понятного ему одному. Он не берет баланду, отдает кентам имеющиеся у него продукты и честно начинает голодать. Увлеченный своей справедливой обидой и гордый своей непреклонной волей, он не задумывается, что в это время следователь, прокурор или судья, против действий которого он протестует, с удовольствием «трамбуется кишку» (так в тюрьме называется процесс приема пищи). Он и не может ее не трамбовать, потому что абсолютно ничего не знает о чьей-то там голодовке.

Затем при удобном случае голодающий (а он к тому времени может уже два-три дня не есть) заявляет о своем намерении голодать какому-нибудь тюремному начальнику, рассчитывая на соответствующую реакцию. Реакции не будет. В крайнем случае начальник его издевательски одобрит, дескать, правильно, голодай, братуха, это полезно. Стройней будешь. И забудет об этом разговоре. Формально администрация должна реагировать на устное заявление о голодовке, но не делает этого никогда. Тюремщики очень опытные в этом вопросе, голодающих перед ними прошли десятки или сотни. Они прекрасно понимают, что цель зэковской голодовки – не заморить себя, а привлечь внимание. Вот они это внимание и не проявляют. После этого «протестант», поголодав еще день-два и не выдержав голода, насмешек сокамерников и ощущения безысходности, начинает есть все подряд.

Более умный арестант прежде чем начать голодать, подает письменное заявление об отказе от пищи, и даже отдав заявление, продолжает есть. Иногда подготавливает себя к голодовке по наивной тюремной методике: ест меньше, но чаще, пьет больше воды и так далее. Ну, в натуре, йог! Сам по себе факт, что заявление кто-то взял и куда-то унес, еще ничего не означает. Как и большинство других заявлений и жалоб оно, скорее всего, отправится к майору Корзинкину, а тот и ухом не поведет, даже если вся тюрьма вдруг начнет голодать. У него и уха-то нет.

Лишь добившись беседы с каким-нибудь офицером, можно считать, что заявление дошло до цели. Этот сотрудник, если, конечно, он способен связать пару слов, объяснит голодающему всю пагубность голодовки, ее бессмысленность, условия, в которых голодающий будет находиться, опишет «ужасы» принудительного кормления и расскажет примеры (совершенно правдивые) о печальных последствиях некоторых голодовок.

Если зэк продолжает настаивать на своем, его переводят в карцер. Не сажают как нарушителя, а переводят: с матрасом и вещами. Любые продукты питания забирают. Самое страшное и, как правило, неожиданное для

голодающего то, что у него забирают сигареты. Некурящему, конечно, на это наплевать, а курящему? Причем делают это на совершенно законном основании, так как табак – яд, а здоровье голодающего теперь надо охранять.

Одновременно с этим администрация тюрьмы должна направить сообщение о голодовке в орган, расследующий уголовное дело, и прокурору, надзирающему за тюрьмой. Казалось бы, цель голодовки достигнута. Теперь можно предположить, что злой следователь или кто-то там еще потеряет аппетит и сон от стыда и раскаяния. Не тут-то было! Тюремщики эти бумаги сразу никогда не направят. Просто из лени. По опыту они знают, что через пару дней зэк все равно «снимет» голодовку, так чего напрягаться. Потом придется снова сообщать, что он стал принимать пищу. Таким образом, неделя, а то и десять дней голодовки – невидимые миру слезы.

Но и когда наконец-то сообщения дойдут по адресам, опять же ничего не случится. Абсолютно ничего. Если зэк от слабости не сможет ходить на допросы, следствие просто приостановится, но наличие соответствующих документов у следователя позволит потом продлить сроки. Если зэк не сможет выехать в суд, то перенесут заседание. Месяца на три. И все. Все, против кого была направлена голодовка, будут сладко пить, вкусно есть и крепко спать.

Таким образом, и в правовом аспекте голодовка не имеет никакого смысла. Разговоры о том, что кто-то когда-то с помощью голодовки добился своего, основаны на том, что такие случаи очень редко, но все же происходили. Но голодовка была не первым и даже не третьим по важности методом борьбы. Главное – сильные адвокаты, а также «выходы» на властные структуры и средства массовой информации. А вот этого у рядового зэка как раз и нет.

Самоубийство

Практически любого человека, впервые попавшего за решетку, посещает мысль о самоубийстве. Это вполне ожидаемо, всякий разумный человек, перебирая в голове способы выхода из жизненного тупика, в котором он оказался, задумывается и о крайнем варианте – суициде.

Провоцирующим фактором являются случаи самоубийства, время от времени происходящие в тюрьме. Ведь кто-то смог решиться и довести до конца это решение.

Администрация тюрьмы упорно проводит работу по предотвращению суицидов: выявляет лиц, склонных к самоубийству, устанавливает за ними усиленный надзор, проводит профилактические беседы. Работа эта, может быть, и не всегда дает желаемый эффект, но проводится постоянно и настойчиво. Результат ее заметен: в расчете на количество обитателей тюрьмы самоубийств здесь намного меньше, чем на свободе.

Разговоры о том, что менты, мол, специально доводят некоторых зэков до самоубийства, абсолютно глупые. За допущенный суицид с тюремщиков очень строго спрашивают. Да и доведение до самоубийства как целенаправленный процесс – занятие весьма сомнительное и малоперспективное. Можно тратить время и нервы месяц, три, год, а результата нет – подлец все не вешается. Так что же, самому от тоски в петлю залезть?

Зэки относятся к самоубийствам очень тревожно, воспринимая их как результат того, что еще один не выдержал тяжелых условий и ушел из жизни.

Зэков, несмотря на их грубость и черствость, самоубийства очень впечатляют.

Мысль о самоубийстве неожиданна и коварна. При малейших признаках надо гнать ее от себя поганой метлой. Жить тяжелей, чем умереть. Умереть добровольно – удел слабых. И это надо внушать себе постоянно, нужно быть готовым к тому, что желание уйти из жизни может возникнуть совершенно внезапно, когда, казалось бы, нет никаких внешних причин для появления такого желания.

Тюремная практика показывает, что в подавляющем большинстве суициды совершенно непредсказуемы. Очень редко бывает, когда на это решается человек, который давно вынашивал и высказывал такую мысль. (Последнее не нужно путать с демонстративными покушениями на самоубийство, когда кто-то с понтом вешается, зная, что его тут же вытащат из петли. Цель таких выходов – не уйти из жизни, а привлечь к себе внимание).

Гораздо чаще зэк совершенно нормально и буднично общается с окружающими, решает свои немудреные арестантские проблемы, рисует себе какие-то перспективы, обсуждает футбольный матч и... вдруг, через час-два оказывается висющим в петле. Предсмертных записок практически не бывает, а если они есть, то содержание их очень туманно и явно символично. Странно, казалось бы, самоубийца понимал, сколько проблем возникнет у сокамерников: опросы, выяснения, подозрения, разборки. Но логика в предсмертных записках напрочь отсутствует, также как и в предсмертных действиях самоубийцы.

Тюремное самоубийство всегда имеет налет мистики. Вот уж, действительно, как будто дьявол уловил момент, когда человек оказался без «защитной оболочки», и толкнул под локоть. Недаром церковь так сурово относится к самоубийцам.

Поэтому, кто верит в Бога – пусть укрепляет свою веру, кто не верит – пусть верит в жизнь, но к подлой мысли о самоубийстве нужно быть готовым в любой момент, чтобы на вдруг возникшее сомнение «жить или не жить?», твердо ответить – «жить!»

Отношение к вере

Отношение к религии и вере в тюрьме своеобразно. Верить в Бога среди зэков очень модно (именно так – модно). Большинство из них на свободе о церкви знало только то, что туда можно прийти ночью на Пасху и с пьяных глаз посвятить бутылку водки и палку колбасы. Ну и еще, конечно, крашенные яйца. В тюрьме почти все резко становятся верующими. Это за версту отдает понтами. Смотри ты, вчера на свободе маленьких детей кушал, а сегодня читает молитвы и думает о вечном.

Такое неожиданное стремление к вере имеет три причины. Первая – абсолютная искренность. Немало людей, совершив преступление (как правило, тяжкое и насильственное, например, убийство), очень тяжело переживают это событие. Мнение, что все убийцы – бездушные отморозки, ошибочно. Обычно это живые люди со всем набором хороших и плохих качеств. Внешне эти переживания почти не заметны, тюремная обстановка не располагает к их проявлению, но внутренне преступников постоянно гложет вопрос: почему случилось именно так? Ответ на этот вопрос они ищут у Бога, и, к счастью, случается, что этот путь со временем в корне изменяет их личность.

Вторая причина – вполне материалистическая: зэк испытывает необходимость уйти от реальности, защитить себя от злой действительности. Вот и ищет защиту у Бога. Ищет также эгоистично, как и все то, что делал раньше.

Третья причина – слепое копирование. Ошибочно считается, что все зэки – носители злой воли (с ударением на слове «воля»). Это не так, преобладающее большинство их абсолютно безвольно. Они могут быть дерзкими и агрессивными, но при этом умеют плыть только по течению, действовать только по обстоятельствам и подсознательно копируют привычки (в основном, дурные) своих нехороших друзей. Именно безволие зачастую и приводит их в тюрьму. Вера таких людей – понты. Чуть освоившись в тюрьме, они забывают о Боге, так и не успев толком задуматься, что же это такое.

Места лишения свободы посещают служители разных конфессий: православные священники, баптисты, иудеи. В последние годы явное предпочтение отдается православной церкви, часто ее так и называют – официальная религия. (Какая официальная религия может быть в государстве, в котором религия от него отделена?) Впрочем, православные священники никому не навязываются.

У администраций тюрем и колоний стало модным строить храмы. Искренность их мотивов вызывает сомнения. Когда зэки дохнут от голода и нехватки лекарств, а тюремную церковь разукрашивают, как новогоднюю елку в стиле «колхозное барокко», это выглядит цинично. А когда какой-то гражданин начальник заходит в церковь с хозяйским выражением на лице и забывает не только перекреститься, но даже фуражку снять – о какой вере может идти речь?

Подобное фарисейство на воспитание зэковских душ оказывает примерно такое же влияние, как дебильный плакат двадцатилетней давности «На свободу – с чистой совестью!». Зэки эту фальшь оценивают быстро и безошибочно. К священникам же они относятся очень уважительно. Впрочем, в тюрьму батюшки приходят характерные: скромные, умные и спокойные. Чванливых попов с мордами базарных мясников, разъезжающих на не самых дешевых иномарках, там не встретишь.

Иногда совершенно бездумные и бессмысленные действия тюремщиков оказывают помощь в укреплении зэков в вере. Задумываясь о Боге, зэки очень бережно относятся к религиозной символике. Из фольги от шоколадок они делают незамысловатые оклады к маленьким иконкам, нательные крестики вырезают из деревяшек или лепят из хлеба.

При обысках эти предметы тупо изымаются и выбрасываются: «Нэ положэно!». Владельца этих предметов сдуру могут и наказать. Эти действия к воинствующему атеизму никакого отношения не имеют, просто «нэ положэно», и все. Потом зэки снова начинают украшать иконки и резать крестики, а так как этот процесс носит характер борьбы и жертвенности, то невольно способствует укреплению веры.

В любом случае стремление к вере – явление положительное. Даже если один из десяти показушников всерьез задумается о Боге – это уже хорошо. Но выпячивать свою религиозность не следует. Вера – это всегда личное и интимное. Не нужно нательный крестик подвешивать под кадыком, чтобы всем видно было, его место ниже, на теле под рубашкой. Верить нужно тихо, незаметно для окружающих.

Может быть, тогда душа станет немного чище.

Побег

Это сладкое слово – «Свобода». Чтобы ощутить суть свободы, нужно однажды ее лишиться. Только попав за решетку, человек начинает понимать, как много счастья у него было за забором, и как мало его осталось сейчас.

Побег – самое страшное слово в тюрьме. Для тюремщиков существует собственная классификация преступлений по их тяжести. Самое тяжкое – побег, уже потом – убийство, ТТП (тяжкие телесные повреждения), средние и легкие телесные. Замыкает список преступлений наркота.

Тюремная оценка тяжести указанных преступлений не соответствует официально-правовой. Так, за побег «дадут» только 5 лет, за тяжкие повреждения – 10 лет, а за убийство могут дать и пожизненное заключение.

Остальных преступлений для тюрьмы не существует. Истинно или ошибочно установленная склонность зэка к побегу обеспечивает ему неусыпное внимание тюремного персонала на протяжении всего времени нахождения за проволокой. Формально зэк, склонный к побегу (на сленге «побегушник», «склонник»), имеет совершенно одинаковые права с другими зэками. Но постоянный контроль делает его жизнь невыносимой: тюремщики, однажды заподозрив зэка в склонности к побегу, как правило, не будут вникать в обоснованность таких подозрений. По принципу: лучше перебдеть, чем недобдеть.

Склонность к побегу проявляется в разных ипостасях.

Первая – это так называемые побеговые настроения. Это мечты о свободе и доме, близких и друзьях. Любой нормальный человек хочет на свободу, любого нормального человека посещает мысль: вот бы удрать из этого дерьма! Побеговые настроения усиливаются весной, но на статистике побегов это не отражается – чаще бегают тогда, когда ночи темнее и длиннее. Но почему-то даже у опытных тюремщиков весна считается самым опасным временем года.

Вторая – побеговые намерения. В отличие от настроений, это мысли, приобретающие целенаправленность и логику, они уже не имеют отношения к поющим птичкам и распускающимся цветочкам.

Третья – умысел на совершение побега. Здесь уже начинает появляться конкретика: где, когда, с кем, при каких обстоятельствах...

Четвертая – подготовка к побегу. Это реальные действия по приготовлению: изучение организации службы тюремного персонала, изготовление подсобных предметов, инструментов, средств маскировки.

Пятая – покушение на побег (в народе говорят «попытка побега») – действия, непосредственно направленные на реализацию преступного умысла: подкоп, преодоление рубежей охраны, завладение автотранспортом.

Шестая – сам побег. Что это – понятно, это когда ноги уже идут по свободе.

Из всех шести градаций в уголовном порядке наказуемы только две последние, в дисциплинарном – только четвертая, первые три вроде бы ненаказуемы.

На самом деле, стоит зэку только заикнуться о том, как хорошо бы сейчас оказаться на воле, и об этом заикании станет известно операм – полоса на личном деле обеспечена. И все связанные с ней мытарства тоже. Поэтому даже просто болтать о побеге нельзя. Да и думать о нем не стоит. Суровая

практика показывает, что побегι удаются очень редко, да и когда удаются, чем они заканчиваются? Меняет человек одну тюрьму на другую, из камеры перебирается в какой-нибудь подвал или на чердак, да и то ненадолго. В любом случае, история не знает ни одного примера, кроме графа Монте-Кристо, когда беглец стал счастливым человеком.

Поэтому, если у вас появились мысли о побеге, гоните их подальше и не вздумайте кому-нибудь об этом рассказать. Это мысли абсолютно глупые. Во времена цветущей коррупции из тюрьмы через забор может уйти только полный идиот или голодранец.

Адвокат. Друг? Враг? Или так

Среди зэков и их родственников существует довольно твердое убеждение, что все адвокаты – проходимцы и аферисты. В общем, трудно с этим мнением не согласиться. Действительно, цель каждого защитника (адвокат – это его общая профессия, а в уголовном деле он выступает в роли защитника, хотя в тюрьме все, без исключения, называют защитников адвокатами) – заработать денег. Вытащить зэка из тюрьмы или как-то повлиять на меру наказания – лишь одно из средств достижения этой цели.

Такой «расклад» не дает гарантии того, что адвокат не будет водить за нос вас и ваших родных, лишь демонстрируя свое «активное» участие в деле, при этом получая вполне реальные бабки. Этому способствует и тот факт, что адвокат, являясь посредником между зэком и его родней, имеет широкие возможности рассказывать зэку одно, а его родным – другое. Как проверить, если напрямую они встретиться не могут?

Но на самом деле картина вовсе не такая трагичная. Всякий адвокат понимает, что врать бесконечно не получится, ложь когда-нибудь вылезет наружу, и у него могут возникнуть неприятности. Чтобы достичь реальной цели в отношении арестованного, в любом случае нужно что-то предпринимать, то есть работать. И основная масса адвокатов именно так и поступает.

Защищаться самостоятельно – абсолютная глупость. Любой, даже самый зачуханный адвокат – все-таки профессионал, обладающий специальными знаниями, связями и возможностями. Кроме того, он профессионал в том смысле, что делает свою работу именно за деньги, а не по велению души или какого-то там сомнительного сочувствия. Это очень важно. Ни один зэк, пусть бы он и сам был на свободе адвокатом, ни один его родственник не сможет с холодной головой разбираться в деле и осуществлять защиту. Эмоции – справедливый гнев или сильное желание любой ценой спасти близкого человека – являются помехой, которую никто не сможет полностью преодолеть. Только профессиональный адвокат, конченный и отмороженный, считающий бабки в своем кармане, может спокойно и целенаправленно двигаться в нужном направлении.

Наряду с этим всякий адвокат очень дорожит своей репутацией. Имидж – главная и единственная его реклама. Имена хороших адвокатов, не обязательно из так называемой «золотой пятерки», а просто надежных, передаются из уст в уста, о них люди, родственники которых «приняли», узнают от друзей и знакомых. Поэтому любой адвокат, если он не совсем дурак, не станет просто обманывать клиентов, это неграмотно. Ну, «дуранет» он одного, двух, десять?.. Одиннадцатый может уже и не обратиться, а то, глядишь, и самому придется адвоката подыскивать. Или врача. По обстоятельствам.

Поэтому адвокат в деле нужен обязательно. Если, конечно, деньги на него есть.

Не нужно «напрягать» адвоката делать то, что не входит в его обязанности: передавать записки, деньги, шоколадки. Такие просьбы основаны на глупости и не выветрившемся детском эгоизме. Адвокату зачастую неудобно отказать, получается, вроде бы он не старается помочь зэку, а потом у него возникают неприятности: записку изымают, адвоката штрафуют, и все это здорово отвлекает от главного – от защиты.

Самое противное, что адвокат из этой ситуации выкрутится, ему по боку никто не даст, а зэк, бесправный и беспомощный, расскажет (или напишет под диктовку) все, что от него потребуют. Вот пример.

Начальнику СИЗО

г... от

подследственного М-ко В.А.

1976 г.р. ст. 101 ч. 2, 142 ч. 2,

193, 206 к. 216

Объяснение

По существу заданных вопросов поясню что 28.09.99 г. адвокат С-ва во время свидания передала мне записку от матери, две плитки шоколада и деньги в размере 100 (сто) гривен. Деньги я в присутствии адвоката, несмотря на то, что она женщина, с особым цинизмом спрятал в заднем проходе. Откуда эти деньги достала она, утверждать не берусь. 70 гривен я потратил на собственные нужды, а 30 гр. продолжаю хранить в заднем проходе.

Как смягчающее вину обстоятельство прошу отметить, что эти деньги я сдаю в доход государства добровольно.

Если это будет возможно, прошу передать эти 30 (тридцать) гривен адвокату С-вой за услуги в виде гонорара.

30.09.99 (подпись)

А теперь представьте, как себя должна была чувствовать эта адвокатесса (к слову, хороший специалист), когда ей один тюремный начальник сунул объяснение под нос и поинтересовался, что будет, если откровения ее подзащитного-мудака направить в коллегия адвокатов? Как отреагируют ее коллеги, отношения между которыми почти такие же теплые, как у пауков в банке?

Так вот, чтобы не ставить своего адвоката в такое идиотское положение, а себя в позу Зои Космодемьянской, которой злые эсэсовцы бьют попу резиновыми палками, лучше все-таки от адвоката требовать то, что он должен делать – защищать.

Существует расхожее понятие – «ментовский адвокат». Изначально предполагается, что это плохо, что такого адвоката следователь назначает тому, кто не может нанять его самостоятельно. Считается, что ментовский

адвокат зависим от следователя и будет лить воду на его мельницу. Может быть. Но бывает и по-другому, и по-третьему. По-другому – это когда следователь просит (просит, а не назначает) знакомого адвоката, чтобы тот поучаствовал в деле. Кто из них кому при этом диктует условия, вполне понятно. Такой адвокат, скорее всего, в деле будет участвовать формально, но вреда от него будет не больше, чем пользы. А по-третьему, это когда следователь или судья настойчиво рекомендует родственникам зэка конкретного адвоката. Этот случай обязательно требует особого внимания, и пугаться такой рекомендации не нужно. Наоборот. Это яркая примета нашего времени. Подставляя своего адвоката, следователь вовсе не собирается использовать его для того, чтобы половчей «сплести лапти» зэку. Плевать он хотел на эти лапти. От родственников зэка напрямую следователь взятку никогда не возьмет, а через своего адвоката – с удовольствием. Так что этот случай, безусловно, очень перспективный.

Ментовский адвокат может оказаться союзником следователя, то есть вашим врагом в следующем случае. Всем известен придуманный термин «резонансное преступление». Расследуя такое преступление, следователь (и вся команда, создаваемая вокруг него) однозначно нацелен на быстрый результат. Альтернативы нет. Вот тогда в дело вступает ментовский адвокат, причем им может оказаться адвокат очень известный. Он жертвует хорошим гонораром в пользу хороших отношений с правоохранителями. Чуть позже эти отношения с лихвой «отобьют» ему упущенные возможности. Впрочем, такие отношения большим секретом не являются. Немного расспросов – и вы о них узнаете.

Любому адвокату, как и любому человеку вообще, безоговорочно доверять не следует. Но и упрямо скрывать от него важные детали дела тоже нельзя. Это все равно, что прийти к врачу подлечиться, но не сказать ему, что у вас болит. Адвокат должен быть достаточно информирован, иначе он просто не сможет помочь.

Ну и последнее. При выборе адвоката главное – это не его знание законов или красноречие, время Кони и Плевако давно ушло и, похоже, не скоро еще вернется. Главное – его способности и возможности «порешать» вопросы.

Будьте внимательны!

Советы родственникам

Для родственников человека, попавшего в тюрьму, его арест всегда является шоком. Большинство воспринимают это как непоправимую трагедию. Такая реакция вполне объяснима, но все же следует побыстрее ее преодолеть и взять себя в руки. Это необходимо, так как люди, пребывающие в шоковом состоянии, не способны адекватно и трезво оценивать реальные события, принимать верные решения и эффективно эти решения реализовывать.

Прежде всего, нужно осознать, что тюрьма не морг и не больница. Если бы ваш родственник попал в эти заведения, дело бы обстояло гораздо хуже. Раз человек сидит в тюрьме, то он, скорее всего, здоров и, абсолютно точно, жив. Это главное. Осознание этой простой мысли даст возможность продумать дальнейшие шаги по оказанию помощи зэку.

Как только вам стало известно, что ваш сын (муж, брат, сват) находится в лапах у ментов, нужно туда направить кого-то из родственников. Лучше, если это будет мужчина, женщину менты плохо воспримут как собеседника, и обязательно не близкий родственник, например, дядя или двоюродный брат. Близкий родственник из-за сильного эмоционального фона не сможет все

правильно понять и хорошо запомнить. Более того, он начнет сильно раздражать ментов своими навязчивыми приставаниями. Там нужен человек с холодной головой, а не с горячим сердцем.

Хоть менты разговаривают с родственниками задержанного неохотно, все же от них можно узнать некоторую информацию. С этого момента надо твердо запомнить – в любых контактах с правоохранителями нужно при себе иметь все необходимые документы, подтверждающие ваше родство: паспорта с соответствующими фотокарточками, свидетельства о рождении, браке и др.

Прежде всего, не нужно пытаться дать взятку кому попало. Многие люди устроены таким образом, что, не имея возможности реально помочь своему близкому человеку, и не понимая, какая помощь ему нужна, не могут спать и есть, пока не сделают хоть что-то, например, пока не дадут кому-то бабки. Только тогда они немного успокаиваются. Не надо этого делать. Поберегите деньги, они еще могут пригодиться для настоящей нужды.

Как можно быстрее нужно найти адвоката. Поспрашивайте знакомых и соседей, наверняка кто-то даст телефон адвоката, который уже кому-то помог. При этом не хватайтесь за первую попавшуюся возможность, поищите еще, два-три часа ничего не решат, зато появится выбор. Имейте в виду, как только адвокат войдет в дело, отношение ментов к задержанному изменится. Если за спиной у зэка имеется профессионал, это, конечно, не значит, что все его права вдруг станут соблюдаться. Не станут. Но нарушаться они будут уже более осмотрительно и, стало быть, меньше.

Определенную суету можно проявлять до того момента, пока вашего родственника не арестовали. (Задержание и арест – разные вещи. Задерживают менты, а санкцию на арест позже дает судья). После ареста нужно забыть о быстроте действий и думать только об их качестве. Спешить уже некуда.

Если не получается контакт с операми, которые осуществляли задержание, можно попытаться поговорить с начальником розыска или (еще лучше) с начальником следствия. Именно он определит, какому следователю дать дело. А следователи бывают разные: умные и глупые, послушные и не очень, жадные и очень жадные... Главное, нужно понимать суровую правду: в первые дни после задержания ваши финансовые затраты (имеются в виду полезные затраты) составят десять процентов от тех затрат, которые уйдут на адвокатов и суд в последующем. Здесь точно по пословице – «куй железо, пока горячо!».

Вскоре арестованный из ИВС будет направлен в СИЗО, который теперь станет на какое-то время его домом. Печально, но это так. Если в ИВС для того, чтобы сдать передачу, нужно с кем-то договариваться, то в тюрьме на это уже никаких разрешений не требуется. Прежде чем везти в тюрьму что попало, лучше подъехать туда, зайти в помещение, где находятся родственники зэков, обстоятельно прочитать все, что написано на стендах, и записать основное. Это полная информация, правда, из-за канцелярского стиля она плохо укладывается в голове.

Поэтому спрашивайте людей, имеющих опыт в этом деле. (У родственников некоторых заключенных этот печальный опыт составляет несколько лет). Этих людей очень легко узнать: они держатся уверенно и свободно общаются, за длительное время успели познакомиться друг с другом. Они охотно вам помогут.

Опасайтесь воров и аферистов. В сутолоке помещения приема передач постоянно трутся проходимцы. Не так уж редко они просто «уводят» сумки зазевавшихся родственников. (Примечательно, что эти все мерзавцы ранее судимы. Еще одна иллюстрация «романтики» и «братства» преступного мира).

Тут же крутятся и мошенники, готовые «помочь» в ускоренном приеме продуктов, похлопотать о предоставлении свидания и т.д. Не «ведитесь». Вас «кинут»!

Любой вопрос, потребность в решении которого у вас возникла, сперва попробуйте решить официально. К сожалению, многих людей жизнь научила тому, что все проблемы можно решить только в обход закона. Это не всегда так. Не нужно сразу ломиться в окно, двери могут оказаться не запертыми. Есть проблема – идите на прием к руководству СИЗО. Пять дней в неделю начальник или кто-то из его заместителей проводят такой прием. У более опытных родственников узнайте, к кому именно лучше обратиться с вашим вопросом, так как один, допустим, окажется дураком, второй лодырем, третий хамом, а четвертый – психопатом. Выберите подходящего. Вполне вероятно, что ваша проблема может решиться просто, во всяком случае, все необходимое вам разъяснят.

Свидание с заключенным администрация СИЗО предоставит только в том случае, если имеется разрешение следователя или судьи (когда дело будет передано в суд). Старайтесь это разрешение добыть, и, хотя вероятность успеха очень мала, пробовать нужно постоянно. Если разрешение на свидание получено, продумайте все темы, которые надо обговорить, время свидания ограничено. Своего родственника вы увидите через стекло (а то и через два) и говорить с ним будете по телефону. Пусть вас не смущает, что разговор будет прослушиваться. В принципе, сотрудники тюрьмы обязаны контролировать разговоры на свидании, но это делается крайне редко. Лень. Да и свидание предоставляется одновременно нескольким зэкам, а технические возможности позволяют одновременно слушать только один разговор. Но и лишнего болтать не надо.

Сдавая передачи, вы обязательно познакомитесь с теми людьми, которые их принимают. Как правило, это женщины, имена которых знают все родственники зэков. Не скупитесь дать этой барышне шоколадку или (по возможности) вложить в паспорт пятерку или десятку – это поможет. Но и строить иллюзии насчет надежности такого знакомства не следует. Передача, прежде чем попадет к вашему родственнику, пройдет несколько рук (к сожалению, не всегда эти руки чистые), и для того, чтобы она к нему попала полностью, надо принять определенные меры. Потеряться по дороге в камеру она не может, но «похудеть» и видоизмениться может вполне.

Поэтому заявление на передачу должно быть максимально подробным (фактически, это не столько заявление, сколько перечень продуктов). Не стесняйтесь написать: сигареты «Прима», Прилуки – 10 пачек, потому что без этих подробностей в камеру дойдут не 10 пачек, не «Примы» и не прилукских. Не думайте, что это выглядит глупо и смешно, пишите: сало с прорезью – 1 кг, возможно, только это указание на наличие прорези обеспечит доставку именно вашего сала. И так далее, обдумывайте каждую запись в заявлении. Помните, у зэков весов нет, значит, нужно не только указать вес продукта, но и описать его. Например, колбаса «Сервелат» – 1 палка длиной 24 см. Иначе до арестанта дойдет нарезанная на куски палка длиной 16 см.

Как правило, передачи принимают только от близких родственников. Это всегда тюремная самодеятельность, ни один закон такое не предусматривает. Поэтому, если у вас передачу не взяли, так как вы не родственник, идите на прием к руководству и попросите, чтобы передачу приняли. Именно попросите, «качать права» не надо, не забывайте, у тюремщиков находится ваш заложник. Для душевного равновесия можете под столом крутить дули или выставить средний палец в направлении гражданина начальника. И вас это успокоит, и ему хуже не станет. Начальник обязательно снизойдет (все любят казаться великодушными) и разрешит принять передачу.

Серьезная проблема – получение информации о здоровье арестанта и реальная помощь ему. Здесь существуют четыре пути, и их все нужно использовать. Это сведения, полученные от адвоката; сведения, полученные от следователя; результат разговора с тюремным медиком; информация из записок, которые, вполне возможно, нелегально пришлет ваш родственник. Проблема сохранения здоровья арестанта, пожалуй, самая серьезная из всех возможных проблем. Заболеть в тюрьме очень легко. Не приведи Господь кому-то оказаться в положении людей, чей родственник умер за решеткой. До конца жизни их будет мучить осознание того, что они могли хоть чем-то помочь близкому человеку, но не сделали этого. Поэтому даже если ваш арестант здоров как страус, не стесняйтесь в первую очередь интересоваться у адвоката не ходом уголовного дела, а его здоровьем. «Доставайте» тюремных медиков, они тоже должны общаться с родственниками заключенных. И в случае необходимости немедленно везите нужные лекарства.

Разрешается передавать заключенным вещи, однако делается это ограниченно, например, раз в полгода. Поэтому прежде чем в панике тащить в тюрьму все, что попало под руку, хорошо продумайте, что необходимо в первую очередь. Самая распространенная беда того, кто «заехал на тюрьму» в июле – начиная с октября он мерзнет в шортах и футболке, в которых его «приняли». Значит, уже летом ему надо передать зимние вещи.

Одежда для тюрьмы должна быть небольшой по объему, теплой, достаточно крепкой, не маркой, удобной, не новой, чтобы не жалко было ее потерять и не дорогой, чтобы на нее никто не зарился. Красота, мода, фасон и прочие прибабасы никому не нужны. В тюрьме старая куртка лучше, чем новое пальто, спортивные штаны лучше модных брюк, а вязаная шапка лучше норковой.

При «проклятом коммунистическом режиме» зэк, попавший в тюрьму, сразу же получал матрас, подушку, одеяло, постельные принадлежности и полотенце. Сейчас, вероятно, в связи с гуманизацией мест лишения свободы, ничего этого не дадут. Надо все привозить. Постарайтесь найти матрас, подушку и одеяло полегче, зэку часто приходится куда-то «выезжать» со всеми одеялками. Есть возможность – передайте веник и пластмассовые тазик и ведро, этого тоже в тюрьме нет. Обязательно передайте миску, кружку и алюминиевую ложку. Передайте кипятильник. Вообще, кипятильники можно передавать хоть в каждой передаче. В тюрьме всегда проблемы с подачей электроэнергии, напряжение в сети «прыгает», и кипятильники перегорают.

Имеется немного лишних денег – откройте своему родственнику лицевой счет. Тогда он будет иметь возможность приобретать продукты в тюремном ларьке.

Как только ваш родственник попал в тюрьму – возьмите об этом справку, она выдается или продается за небольшую сумму там же, где принимают передачи. Копии этой справки рассылайте в ЖЭК и коммунальные службы и прекращайте платить за родственника, он теперь «прописан» в другой квартире.

Когда уголовное дело подойдет к вынесению приговора, подайте на имя начальника СИЗО заявление с просьбой направить вашего родственника отбывать наказание куда-нибудь поближе. Просьбу нужно обосновать: престарелые или больные родители, маленький ребенок, трудное финансовое положение. В общем, нужно указать причину, не позволяющую вам далеко ездить на свидания.

Практически всем родственникам приходится поддерживать с тюрьмой нелегальную связь. Как правило, инициатива в этом принадлежит зэкам. Они ускоренными темпами проходят «курс молодого бойца» и узнают о способах связи с волей. Реже подобные каналы нащупывают родственники. Не стоит пытаться использовать для этих целей адвоката: это больше мешает, чем

помогает. Вероятней всего, что вам позвонят по телефону или сразу придут домой «ноги».

Обычно «ноги» (иначе «гонец», «курьер», «человек») – это попкари (контролеры), официально: лица рядового и младшего начальствующего состава. Нельзя утверждать, что все контролеры подрабатывают «ногами», но преобладающее большинство поступает именно так. Для некоторых это даже основной вид заработка, а смехотворная официальная зарплата – подработка.

Поведение «ног» при общении с родственниками всегда настораживает. Это объяснимо, «ноги», как умеют, конспирируются, опасаясь разоблачения. Назначают встречи в отдаленных местах, перезванивают по несколько раз. Ваша задача – не оказаться жертвой мошенника. Никогда не верьте «ногам» на слово. Самая распространенная схема обмана: попкарь идет к родственникам не сам, а направляет своего приятеля, не имеющего отношения к тюрьме. Тот убеждает родственников, что нужны деньги, берет их и исчезает. Кстати, по этой же схеме действуют и освободившиеся зэки. Найти их практически невозможно. Какую бы подробную информацию о вашем родственнике вам ни сообщили, не верьте, эти сведения в тюрьме можно получить разными путями.

Верить можно только «маляве», написанной знакомым почерком. Еще учтите, из тюрьмы не приходят закодированные тексты, типа: «У нас тут сильно штормит...», как писал Фокс. То суровое время давно прошло. Сейчас «малява» должна быть предельно конкретна. Если в ней указана просьба передать двадцать гривен, значит, не надо давать пятьдесят, как рассказывает «гонец». Это он уже приплетает от себя.

Если «ноги» сообщают, что у вашего родственника в тюрьме большие неприятности или даже передают записку такого содержания, при этом прося крупную сумму денег для решения проблемы, не верьте и не паникуйте. Здесь что-то не так. Крупные суммы при необходимости, конечно, передаются, но делается это не через попкарей, а через адвокатов или знакомых сотрудников милиции, которые могут напрямую контактировать с серьезными представителями тюремной администрации. Через попкарей передаются суммы, необходимые для приобретения сигарет или картошки. В крайнем случае для того, чтобы оплатить содержание в «коммерческой» камере, да и то вряд ли.

Если «гонец» назвался какой-то фамилией, значит врет. Никогда он не скажет своего настоящего имени. Бывали случаи, когда попкарь назывался именем оперативника и брал деньги, чтобы решить вопрос об оставлении зэка в СИЗО или направлении его в нужную колонию. При этом деньги, естественно, присваивались, а родственники потом разыскивали по фамилии ничего не понимающего человека.

Если в записке указано, что у вашего родственника сложные проблемы, например, он проигрался в карты или по его вине кто-то утонул в параше, скорей всего, это сказки. Эту информацию нужно проверять. Первый путь – направить на свидание адвоката. Второй – идти на прием к заместителю начальника тюрьмы по оперативной работе. Только не к начальнику, он все равно поручит кому-то разбираться, может поручить и неудачно, большинство начальников об оперработке понятия не имеют. Не к заму по режиму, его парафия – проволока и решетки, он отношений между зэками не касается и не знает. Не к замполиту – в тюрьме это фигура карикатурная. Именно к «зам по опер», так это называется в народе.

Можете ему рассказать все, за одним исключением – не говорите, что вы получили записку, последуют вопросы: кто принес, да как он выглядел, сможете ли вы его узнать по фото? А вашего родственника потом еще и накажут. Просто скажите – был анонимный звонок по телефону. Это всегда поможет, тюремщики быстро и умело «разведут педали». А если узнают, что

ваш «писатель» просто насочинял о возможных трагедиях, бессовестно рассчитывая на мамино мягкое сердце, то еще и объяснят ему, кто он такой. Простыми, добрыми и доходчивыми словами. Это не страшно, это пойдет на пользу, педагогика допускает суровость. А бить его, чего обычно опасаются родственники, не будут. Случай не тот.

Если у вас возникли сомнения относительно того, правильно ли вы поступаете, передав деньги через «гонца», верьте сомнениям. И дайте ответ: денег сейчас нет, нужно время, чтобы их собрать. Не надо встречать «гонца» как друга и помощника, он вам точно не друг, его задача – урвать бабки, а на вас и зэка ему наплевать. Передавая в тюрьму записку, позаботьтесь о том, чтобы из ее текста не было понятно, что вы даете ответ. Ее могут изъять, а у зэка будут неприятности, если станет понятно, что он перед этим писал на свободу.

А главное – не впадайте в панику. Не впадайте в уныние. Займитесь делом. Пробуйте помочь близкому человеку хоть мелочью, но конкретной мелочью. И не забывайте: вы не первые и не последние. Когда-нибудь это все закончится.

Заключение

Говорят, что в тюрьме – почти как в сказке. Почему почти? В сказке живут долго и счастливо, а в тюрьме просто долго.

Но ведь живут!!!

Удачи Вам!

Примечания

1. Особо важным делам – примечание автора.
2. Следственного управления – примечание автора.
3. Да интересно, может ли быть у нас МВД Уганды или, скажем, Гондураса? – интерес автора.
4. Неужто всего мира? – удивление автора.
5. Дом наш общий – примечание автора.
6. Пятиконечной звездочкой обозначается администрация – примечание автора.
7. Общак – примечание автора.
8. Это единственная кличка в книге. Без этого нельзя, прогон получился бы обезглавленным – примечание автора.